

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (22) 2016

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Пи*

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ДИСКУРС★*Пи*
Екатеринбург – 2016

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (22)
Май 2016**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 21.05.2016 г.

Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. 17,44

Тираж 300 экз.

Заказ № 00000000

Отпечатано в типографии «Артикул»
620026, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 71 Б
Тел.: +7 (343) 251-61-77
http://www.artikul.ru

**Журнал индексируется
в базе данных системы Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс
в Объединенном каталоге «Пресса России»
71227**

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Ю. Г. Ершов – доктор философских наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия)

С. Г. Зырянов – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия)

К. В. Киселев – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Е. А. Кожемякин – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия)

Н. А. Комлева – доктор политических наук, профессор (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

О. В. Коркунова – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия)

В. О. Лобовиков – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. С. Мартянов – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

С. В. Мошкин – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

К. С. Романова – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. М. Русаков – доктор философских наук, профессор (Уральский финансово-юридический институт, Екатеринбург, Россия)

Е. М. Олову – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

А. Д. Трахтенберг – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

И. Б. Фан – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Л. Г. Фишман – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. М. Андрияшина – доктор философских наук, профессор (Уральский профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

В. Г. Богомяков – доктор философских наук, профессор (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

М. В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия)

А. Д. Королев – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия)

К. Н. Любутин – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О. Ю. Малинова – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия)

Л. Н. Синельникова – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

Е. А. Степанова – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Л. Н. Тимофеева – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

В. Е. Хвощев – кандидат философских наук, доцент (Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск, Россия)

А. Н. Чумаков – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

О. К. Шевченко – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени

В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Д. М. Ковба – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Парадигмы и процессы

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков
 Великая Отечественная война
 и политика исторической памяти.
 Часть I 10

Д.В. Резниченко, Я.В. Каштальянова
 Приёмы информационной войны
 в современных СМИ
 (на примере политического конфликта
 России и Украины в 2014–2015 гг.) 18

**Современная логика
 и интеллектуальные технологии**

В.О. Лобовиков
 Еще одна аксиома
 рационалистической эпистемологии
 априорного знания
 (историко-философский
 и логический аспекты
 проблемы взаимосвязи истинности,
 доказуемости и алгоритмичности знания:
 Г.В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Чёрч) 27

Конференц-зал

**Международная конференция «ЯЛТА-45/16.
 Феномен международной дипломатии
 в истории военных конфликтов»**
 Пресс-релиз конференции 35

Доклады

О.К. Шевченко
 Источниковедение
 крымской конференции 1945 г.:
 к вопросу о научной этике 36

О.А. Мирошников
 Исторический дискурс 20–21 вв.
 и страны британского содружества 43

В.В. Фостийчук
 Российская Федерация и её место
 в формируемой новой системе
 международных отношений 49

А.С. Семченков
 Предотвращение войн: советский опыт 54

М.В. Масаев, Т.П. Разбеглова
 О некоторых аспектах
 феномена культурной войны 61

В.М. Мельник
 Депортация немецкого населения
 с территории Чехословакии
 в 1945–1950 годах 68

Н.Р. Хечошвили
 Роль синхронистов переводчиков
 в дискурсе Нюрнбергского процесса 75

О.Б. Иванов
 Военный конфликт как форма
 политического процесса 81

В.А. Гайкин
 «Ванпаошань» и японская агрессия
 в Маньчжурии 1931 г. 88

Г.Ф. Бедулина
 Клубы ЮНЕСКО
 и молодежная публичная дипломатия
 в 21 веке 98

Я.С. Никулина, Е.Н. Сейфиева
 Причины и перспективы развития
 конфликта в Сирии 102

А.Г. Корсунский
 Политический дискурс
 в работах современных
 французских философов 108

С.В. Мошкин
 Дипломатическая война
 за Черноморские проливы
 в 1944–1946 годах 112

Резолюция конференции
 «ЯЛТА-45/16» 117

Энциклопедия «Дискурсология»

Статьи

Т. Н. Астафурова, О. В. Анненкова
Дискурс англосаксонской
абсолютной власти..... 119

Т. Н. Астафурова, С. В. Захаров
Дискурс англосаксонской
институциональной глоттонии 122

Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич
Дискурс социальных предубеждений
(интолерантности)..... 125

Т. В. Дубровская
Судья: речевое поведение
в судебном дискурсе 129

Т. Н. Митрохина
Дискурс проектирования политики..... 132

Кризисный дискурс..... 136

Н. В. Тищенко
Властный дискурс 139

Новости МАДИ

В. М. Русаков
Юбилейное заседание 16.03.2016 г. 142

О. Ф. Русакова, Л. Н. Синельникова
IV Международная конференция
«Стилистика сегодня и завтра»
и создание Ялтинского
дискурсологического кружка 144

«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (22)
May 2016

Published four times a year

Founded by
The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia

Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 21.05.2016
Format 60x84^{1/8}
Reference sheet area 17,44
Issues – 300
Order № 00000000

Printed by Typography «Artikul»
ul. Belinskogo 71 B
Ekaterinburg, 620026, Russia
Phone: +7 (343) 251-61-77
<http://www.artikul.ru>

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

**The journal is included
into the «CyberLeninka» database**

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Board:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

All issues of the journal are available on the website
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press»**
71227

DISCOURSE-P
Дискурс * *nu*
Scientific journal

ФИЛОСОФИЯ –
ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
ПАСТ & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
ПUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
ФИЛОЛОГИЯ –
ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС * *nu*

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Y.G. Yershov – Doctor of Philosophy (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russia, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russia)

S.G. Zyryanov – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia)

K.V. Kiselev – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

E.A. Kozhemyakin – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia)

N.A. Komleva – Doctor of Political Sciences, Professor (Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia)

O.V. Korkunova – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia)

V.O. Lobovikov – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V.S. Martianov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

S.V. Moshkin – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

K.S. Romanova – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V.M. Rusakov – Doctor of Philosophy, Professor (Ural Institute of Finance and Law, Ekaterinburg, Russia)

E.M. Olovu – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

A.D. Trachtenberg – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

I.B. Fan – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L.G. Fishman – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.G. Bogomyakov – Doctor of Philosophy, Professor (Tyumen State University, Tyumen, Russia)

M.V. Ilyin – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

A.D. Korolyov – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia)

K.N. Lubutin – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Mikhail Malyshev – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico)

O.Y. Malinova – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

L.N. Sinelnikova – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

E.A. Stepanova – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L.N. Timofeyeva – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia)

V.E. Khvoshchev – PhD, Associate Professor (South-Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia)

A.N. Chumakov – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

O.K. Shevchenko – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

D.M. Kovba – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

Paradigms and Processes**O.F. Rusakova, V.M. Rusakov**The Great Patriotic War and Politics
of Historical Memory. Part I 10**D.V. Reznichenko, Y.V. Kashtalyanova**Information War Devices
in Modern Mass Media
(On The Materials of the Political Conflict
Between Russia and Ukraine
in 2014–2015) 18**Modern Logic and Intellectual Technologies****V.O. Lobovikov**One More Axiom
for Rationalistic Epistemology
of A-Priori Knowledge
(History-Of-Philosophy and Logic Aspects
of the Problem of Interconnection
among Truthfulness, Provability,
and Algorithmic Character of Knowledge:
G. W. Leibniz; K. Gödel; A. Church) 27**Conference Chamber****The International Conference****«YALTA-45/16.****A Phenomenon****of the International Diplomacy
in History of Military Conflicts»**

Press Release of the Conference 35

*Reports***O.K. Shevchenko**Source Studies Of the Crimean Conference
1945: To the Question on Scientific Ethics 36**O.A. Miroshnikov**Historical Discourse of 20-21 Centuries
and Countries of British Commonwealth 43**V.V. Fostijchuk**Russian Federation and It's Place
in the Forming of a New System
of International Relations 49**A.S. Semchenkov**

Warding Off Wars: The Soviet Experience 54

M.V. Masayev, T.P. RazbeglovaAbout Some Aspects
of the Cultural War Phenomenon 61**V.M. Melnyk**The Deportation of the German Population
from Czechoslovakia
during 1945–1950 Years 68**N.R. Hechoshvili**The Role of Simultaneous Interpreters
in the Discourse of Nuremberg Trials 75**O.B. Ivanov**Armed Conflict as a Form
of Political Process 81**V.A. Gajkin**«Vanpaoshan» And the Japanese Aggression
in Manchuria In 1931 88**G.F. Bedulina**UNESCO Clubs
and Youth Public Diplomacy
in the 21 Century 98**Y.S. Nikulina, E.N. Seyfieva**The Reasons and Prospects of Development
of the Conflict in Syria 102**A.G. Korsunsky**Political Discourse
in Works of Modern
French Philosophers 108**S.V. Moshkin**Diplomatic War
over the Black Sea straits
in 1944–1946 112

Resolution of the Conference

«YALTA-45/16» 117

Encyclopedia «Discoursology»

Articles

T.N. Astafurova, O.V. Annenkova
The Discourse of the Absolute Power
of the Anglo-Saxon 119

T.N. Astafurova, S.V. Zakharov
The Discourse of the Anglo-Saxon
Institutional Gluttony 122

T.N. Astafurova, A.V. Oljanich
The Discourse of Social Biases
(Intolerance)..... 125

T.V. Dubrovskaja
Judge: The Speech Behavior
in the Judicial Discourse 129

T.N. Mitrokhina
Discourse of Designing of a Policy 132

Crisis Discourse 136

N.V. Tishchenko
Masterful Discourse 139

News of IADR

V.M. Rusakov
Anniversary Session on March 16, 2016 142

O.F. Rusakova, L.N. Sinelnikova
The IVth International Conference
«Stylistics Today and Tomorrow»
And the Creation of Yalta
Discoursological Circle..... 144

УДК 327

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. ЧАСТЬ I

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ),
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Рассматриваются наиболее характерные мифы неолиберальной историографии Второй мировой войны о равной ответственности гитлеровской Германии и СССР за развязывание войны, о «сговоре» Гитлера и Сталина по поводу раздела демократической Европы. Эти мифы призваны оправдать предвоенную политику Запада и сегодня нанести второе морально-политическое поражение России после уничтожения Советского Союза с целью обеспечения безоговорочного господства транснационального капитала.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, Советский Союз, Россия, Западная Европа, тоталитаризм, политика исторической памяти, фальсификация современной истории, победа СССР в Великой Отечественной войне.

Юбилейные даты великих исторических событий актуализируют множество политических проблем, связанных не только с историей события, но и с его интерпретациями. 70-летие Победы СССР в Великой Отечественной войне не было исключением.

Но в данном случае все оказалось гораздо сложнее, поскольку юбилей был погружен в контекст информационной войны – настоящей войны на уничтожение: вначале – национальной исторической памяти, а затем и российской государственности. Ведь

Рим, в конечном счете, пал не под ударами варваров, а потому что некому стало его защищать. Публикуемые данные недавних соцопросов показали страшную и грустную тенденцию в трактовке роли разных стран в победе над нацизмом, став новым доказательством жесточайшего информационно-психологического наступления Запада на фронтах «войн памяти»: 52% немцев и 61% французов думает, что решающий вклад в победу над гитлеровцами внесли США, а 46% британцев уверены, что победила нацистов именно их страна. Вклад СССР решающим называет 17% немцев, 8% французов и 13% британцев. Средние показатели по основным странам Западной Европы таковы: в победе США уверены 43% опрошенных, Британии – 20%, СССР – 13% [5].

В вопросе о причинах как Великой Отечественной, так и Второй мировой войны нет и не может быть согласия специалистов, историков, поскольку нет и не может быть согласия главных субъектов мировой политики. Война есть продолжение политики, только другими – насильственными средствами. А политика есть отношение между социальными группами общества по поводу общественной (прежде всего – государственной) власти, т.е. способности навязать свою волю другим группам или всему обществу (человечеству) в целом. Все прочие аспекты власти и политики являются служебными по отношению к этому.

Часто мелькающая в СМИ формула о том, что «историю надо оставить историкам» является либо чистосердечным заблуждением, либо прекраснодушным мечтанием. Современная европейская так называемая «политика исторической памяти», ознаменовавшаяся формулированием тезиса (почти маркетингового слогана!) – «Каждый народ имеет право на свою историю», проникнутая неолиберальной идеей о праве на-

родов на «приватизацию истории», со всей определенностью продемонстрировала не просто политический характер поставленных проблем, но и свой характер орудия и оружия ожесточенной политической борьбы. Причем, борьбы на уничтожение или, по крайней мере, – нанесения существенного ущерба и капитального ослабления противника.

В период существования СССР и борьбы двух мировых систем вопрос о причинах (и виновниках) Второй Мировой войны был и оставался предметом ожесточенной идеологической борьбы, в которой не просто существовали как минимум две противоположные позиции, но за каждой стояла не только идейно-политическая аргументация, но и свои социально-политические силы, между которыми все прочие вынуждены были так или иначе определяться.

С уничтожением СССР эта ситуация кардинально изменилась. Мечта господствующей бюрократической «элиты» России о капиталистической реставрации и ускоренном вхождении в «семью цивилизованных стран» воплотилась в радикальной дискредитации всей прежней истории и позиции государства по данной проблеме. Основными шагами на этом пути были следующие.

Во-первых, была провозглашена теория «деидеологизации», согласно которой народу страны и всем социально-политическим силам, ее поддерживавшим, требовалось уверовать в «конец идеологии». Предлагая для СССР и для всего мира «новое политическое мышление», советский лидер М.С. Горбачев призывал «деидеологизировать» международные отношения: «Мы ставим вопрос так: нужно подняться выше идеологических разногласий, пусть каждый делает свой собственный выбор, с которым следует считаться. А для этого и необходимо новое политическое мышление, которое исходит из понимания всеобщей взаимозависимости и в основе которого – идея выживания цивилизации» [2]. Отстаивая приоритет «об-

щечеловеческих ценностей», М. Горбачев неизбежно воспринимал либеральный взгляд на международные отношения, наивно призывая Запад отказаться от политики силы. Но Запад поощрял его только там и тогда, когда он делал односторонние уступки, принимая, как должное, все то, что «сдавал» Горбачев в качестве сильных позиций; Запад ни на йоту не поступался своими интересами и шел на компромисс только там, где был примерный, но действительный паритет сил.

В период «перестройки» началась реализация целой программы «деидеологизации», обломки которой продолжают по сию пору уродовать своими последствиями множество сфер общественной жизни (то государственная власть объявит бизнес «вне политики», то спорт, то еще что-нибудь, каждый раз наступая на одни и те же «грабли»). Здесь особенная роль в обосновании программы отводилась теории «тоталитаризма» [3], широко пропагандировавшейся после выхода известной книги Х. Арндт. Нельзя обойти вниманием тот факт, что «труд Арндт со всеми его пробелами и нестыковками не пропал даром. «Истоки тоталитаризма» в начале 50-х годов стали мощным инструментом антикоммунистической пропаганды (и не случайно ЦРУ щедро финансировало перевод этой книги на различные языки)» [3].

Эта теория и сегодня служит идеологическим обоснованием извращенного «объяснения» как причин возникновения, так и характера Второй мировой войны и Великой Отечественной, в частности. Суть его – возложение равной ответственности за развязывания войн на «тоталитарные» режимы – гитлеровский и сталинский. В этой связи весьма поучительно, что: «Летом 2009 года, когда Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла Вильнюсскую декларацию, пункт третий которой гласит: «В XX веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой гено-

цид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества». Россия пыталась предотвратить принятие декларации, но единственное, что смогла сделать, – исключить приравнение коммунизма к фашизму (заменяли на сталинизм)» [1]. А если присмотреться: пункт 17: «[ПА ОБСЕ] выражает глубокую обеспокоенность по поводу восхваления тоталитарных режимов, включая проведение публичных демонстраций в ознаменование нацистского или сталинистского прошлого». Разве Парад Победы нельзя подвергать под этот пункт? Решением Европарламента мы больше не освободители Европы, мы инициаторы войны – какой уж тут парад [1]. Затем эта концепция была подхвачена множеством еще более решительных защитников тотального господства международного финансового капитала (в 1956 году К. Фридрих и З. Бжезинский издали новую книгу по этой теме, озаглавив ее «Тоталитарная диктатура и автократия»), при этом постаравшихся «поправить» нелепицы теории Х. Арндт. «Сегодня не только вся история коммунистических стран интерпретируется в категории «тоталитаризма», но еще и семантическое значение этого слова расширилось без всякого уважения не то что к чувству истории, но даже к чувству юмора. Теперь оно применяется буквально ко всему: к коммунистическим движениям в целом, к той же Французской революции (террор, о ужас!), государствам, пережившим покойный «социалистический блок», освободительным движениям Третьего мира, сражающимся против приватизации основных ресурсов их стран, и много к чему еще» – констатирует критик [3]. Таким образом, задача оказалась практически выполненной, и сегодня массовое сознание «тотально» забито представлениями об ужасах «тоталитарного коммунизма», которые вытесняют на периферию памяти вопрос об исторических и международных корнях фашизма, об ответственности Запада за его распространение.

И это симптоматично, поскольку глубокий теоретический анализ неизбежно выявляет глубочайшее родство западного капитализма и фашизма (о чем постоянно проговаривалась Арендт) [6; 4]. Западноевропейский и североамериканский капитал не просто выкормил и «спустил с цепи» фашизм, породив его метастазы по всему миру, но еще и выстроил мощные экономические связи с гитлеровским нацизмом вплоть до самого его конца, а затем предпринял немалые усилия для спасения нацистских преступников.

Важная роль в современном идеологическом представлении о государствах Европы как о жертвах сразу двух кровавых насильников (Сталина и Гитлера) отводится так называемому пакту Молотова-Риббентропа, который считается убедительным доказательством коварного «сговора» двух режимов против, якобы, миролюбивой и либеральной Европы. Сегодня ни один неолиберальный исследователь истоков Второй мировой войны не может обойти вниманием этот «вопиющий» факт. Однако ни настоящей предыстории, ни смысла этого договора неолибералы категорически не желают касаться [8; 9]. Хотя куда более поучительна история заключения Мюнхенского соглашения западных держав с Гитлером в 1938 г.

Уже неоднократно замечено – неолиберальные авторы любят живописать «избранные места», поминая о судьбе «несчастной Польши» и «маленькой демократической Чехословакии», поглощенных вначале жадным чудовищем Гитлером, а потом еще более ужасным Сталиным. Настоящая история мюнхенских договоренностей далека от этой комедии ситуаций [8]. И снова мы являемся свидетелями категорического нежелания проводить объективный и непредвзятый анализ действительных исторических событий и их мотивации. Невольно приходится вспоминать весьма неприятное: «Сформированные во Франции и Италии чешские легионы, оказавшиеся единствен-

ной серьезной военной силой на пространстве бывшей Австро-Венгрии, <...> оккупировали четыре наиболее экономически развитых, провинции бывшей Империи – Дойчбемен, Судетенланд, Бемервальдгау, и Дойчаюдмерен (судя по всему – не без одобрения Президента США, поскольку еще в январе 1918 г. он высказался против раздела Австро-Венгрии) <...> Без этих, населенных немцами, провинций (принявших общее имя Судет) Чехословакия превращалась – как два десятилетия спустя заметит военный министр Британии Хор-Белиша – в «экономически нежизнеспособное государство»... Подобное решение национальных проблем, причем не только в Судетах, станет с этого времени для юной демократической Чехословакии доброй традицией» [8]. Буржуазные страны не могли проводить иной политики, кроме политики захватов, грабежей – так же развивались события в Словакии, Подкарпатской Руси, а также богатой коксовым углем Тешинской области, занятой к тому времени Польшей: «Все они были без промедления оккупированы чешскими войсками. Столь высокая активность юной демократической республики к приобретению территорий доставила организаторам нового порядка Европы немало хлопот, но к 1920-му году почти все территориальные претензии нового государства были удовлетворены. Сговорчивости главных европейских воротил немало способствовали взятые на себя чехами гарантии по выплате военных долгов и контрибуций бывшей Австро-Венгрии» [8]. Историю Чехословакии этого периода неолиберальная историография подает как историю «образца демократии». Однако политика Чехословацкой республики стала примером перманентного скандала и хаоса: «Никто под чехами жить не хотел. Судетские немцы стремились в Австрию и Германию. Поляки Тешина – в Польшу. Русины и Венгры Закарпатья – соответственно в Украину и Венгрию. В Словакии стремительно на-

бирала голоса добивавшаяся автономии националистическая партия Глинки...» [8].

Аншлюс Австрии со стороны Германии в 1938 г., который признали Англия и США, «вызвал большое воодушевление судетских немцев, ... однако чехи на все попытки судетских немцев обрести автономию отвечали традиционными залпами ружей... 7 сентября в Моравска-Острове произошли жестокие столкновения демонстрантов с полицией... 12 сентября в Судетах вспыхивает восстание. В ответ Прага объявляет военное положение и вводит войска. Германские газеты описывают страшные подробности «террора чехов в Судетенланде», говоря о 300 убитых и многих сотнях раненных... Гитлер требует от чешского руководства предоставить судетским немцам право «самостоятельно решить свою судьбу». А руководитель судетского восстания Генлейн предъявляет чешскому правительству ультиматум: в течение 6 часов вывести войска, отменить военное положение и передать функции охраны порядка в Судетах местным органам» [8].

И еще до Мюнхенского соглашения, 19 сентября Бенеш через советского полпреда в Праге обращался к правительству СССР по поводу прояснения его позиции в случае военного конфликта, и Советское правительство дало ответ, что готово выполнить условия Пражского договора. Советский Союз предложил свою помощь Чехословакии на случай войны с Германией, даже в том случае, если вопреки пакту Франция этого не сделает, а Польша и Румыния откажутся пропустить советские войска.

Как же ответили «европейские демократии» на готовность СССР выполнить свои обязательства по договору? Позиция Польши выражалась в заявлениях о том, что в случае нападения Германии на Чехословакию она не станет вмешиваться, но и не пропустит через свою территорию Красную армию. Кроме того, немедленно объявит войну Советскому Союзу, если он попытается направить войска через польскую территорию

для помощи Чехословакии, и если советские самолеты появятся над Польшей по пути в Чехословакию, они тотчас же будут атакованы польской авиацией.

Франция и Чехословакия отказались от военных переговоров, а Англия и Франция блокировали советские предложения об обсуждении проблемы коллективной поддержки Чехословакии в Лиге Наций, поскольку 21 сентября советский представитель заявил на пленуме Совета Лиги наций о необходимости срочных мер в поддержку Чехословакии, а также требования постановки в Лиге наций вопроса о германской агрессии. 30 сентября между Великобританией и Германией была подписана декларация о взаимном ненападении; схожая декларация Германии и Франции была подписана чуть позже [12].

Другая «демократическая жертва» гитлеровской агрессии и сталинского тоталитаризма – Польша – являлась союзником гитлеровской Германии (договор от 1934 года), а в результате раздела Чехословакии приобрела новые территории, присоединив Тешинскую Силезию [11].

Но – обратим внимание: война Германии с Польшей была неизбежна, поскольку ее добивалась и сама Польша! 6 августа 1939 года польский маршал Эдвард Рыдз-Смиглы прямо заявил британской газете Daily Mail: «Польша добивается войны с Германией, и Германия не сможет избежать ее, даже если захочет» [7].

И, действительно, это не было всего лишь частной точкой зрения одного из польских маршалов: «С середины лета 39-го, когда начались первые консультации между советскими и немецкими дипломатами, регулярные части польской армии стали систематически вторгаться на территорию Германии. По свидетельству канадского историка Франка Кернеу под Кёнигсбергом – и не только – кавалерия панов сжигала немецкие деревни. Людей кололи пиками, рубили саблями, кастрировали, вешали, насиловали, таскали на арканах за лошадьми.

23 августа пришлось привлекать к отражению агрессии части вермахта» [10]. Одним из наиболее вопиющих примеров этой авантюристической политики стали жертвы «Бромбергского погрома». Источники указывают: «Документальные свидетельства зверств жолнеров, в особенности в городке Бромберг, включая фотографии, есть. Более того, их никто и никогда не пытался оспорить. Только в ходе «Бромбергского погрома» погибло около пяти тысяч мирных граждан немецкой национальности, всего счет идет на десятки тысяч. <...> Поляки долгое время отрицали факты геноцида и списывали массовые убийства гражданских лиц на мифических «гитлеровских диверсантов» [10]. Но в 2003 году «польский историк Влодзимеж Ястшембский все же признал, что никаких диверсантов не было, а поляки просто вымещали злобу на мирных немецких поселенцах... 24 августа Польша сбивает два гражданских самолета компании Lufthansa, 30 августа в Кракове убит немецкий консул Август Шиллингер... И от слов поляки быстро перешли к делу – объявили мобилизацию» [10].

В этом оголтелом нагнетании напряженности неизбежно возникает вопрос: могла ли Польша в 1939 г. напасть на Германию, на что делался расчет? «Поляки считали себя сверхдержавой. Плюс они надеялись на помощь главного союзника – Франции. Вместе они, бесспорно, победили бы немцев», – утверждает историк Рой Медведев [10]. Через две недели после начала войны польская кавалерия, согласно представлениям польских военных, собиралась брать Берлин! И это вовсе не казалось им несбыточной утопией: «С февраля 1939 года генштаб Речи Посполитой начал разработку плана операции с незамысловатым названием «Запад». Летом того же года он стал реализовываться. К 1 сентября на западной границе страны было сосредоточено более 25 пехотных дивизий, еще около 20 находились на ближних подступах. У Германии тогда имелось 75–80 дивизий.

Всего – и на поляков, и на французов, и на англичан тоже» [10].

Старые неолиберальные мифы о «невинных овечках» Европы, которые стали жертвами двух кровожадных тиранов, давно пора выбросить, поскольку эти «овечки» не скрывали, что: «Расчленение России лежит в основе польской политики на востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна оставаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться», – это выдержка из донесения польского главного штаба от 1938 года» [10].

Что же оставалось делать СССР и Германии? Ничего, как заключить мирный договор, чтобы не дать этому локальному безумию перерасти в безумие мировое [10].

О всемерном желании правителей западных держав направить гитлеровскую агрессию не просто на Восток, а именно против СССР нет необходимости даже упоминать – она слишком хорошо документирована и проиллюстрирована [11; 13]. То, что лидеры Запада просчитались в вопросе управляемости Гитлера путем «умиротворения» агрессора и в 1939 г., а затем и в 1940 сами пали первой жертвой, до конца не желая объединить усилия вместе с СССР в деле создания системы коллективной безопасности, – остается и по сей день тяжелейшей ответственностью лидеров Запада перед своими народами [12].

СССР подписал Пакт потому, что «многократные попытки создать антифашистский блок в Европе» не увенчались успехом, и, поняв «что его оставляют один на один с гитлеровской Германией, СССР предпринял шаги, чтобы не допустить прямого столкновения». Смыслом этого Пакта было обеспечение безопасности Советского Союза.

1. Князев Святослав. Пропаганда США замах-

нулась на Победу. <http://politrussia.com/istoriya/budni-informatsionnoy-voyny-634/>.

2. Разведка РФ рассекретила документы, касающиеся Мюнхенского соглашения. Материал предоставлен изданием «Известия» 29 Сентября 2008. <http://web.archive.org/web/20110625015654/http://news.mail.ru/politics/2052675/et/>.

3. Иогансен Нильс. Панская изнанка Второй мировой // <http://portal-kultura.ru/articles/history/57924-panskaya-iznanka-vtoroy-mirovoy/>.

4. Вначале был «Мюнхенский договор» // <http://www.istpravda.ru/pictures/14664/>.

5. Быков Павел, Механик Александр, Рогожников Михаил. Они не равны // Журнал «Эксперт», № 21, 27.05.2013 // <http://www.expert.ru/expert/2013/21/oni-neravnyi/>.

6. Горбачев М.С. Новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987.

7. Гьячче Владимир. Тоталитаризм: позорная история дутой концепции // <http://left.ru/2006/11/giache145.phtml>.

8. Къеза Д. Тоталитарная диктатура Америки // <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/02/466/51.html>.

9. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. http://eusi.ru/lib/kagarlickij_marksizm/5.php.

10. Можегов Владимир. Мирный пакт против английского коварства // <http://svpressa.ru/politic/article/122236/?mrat=1>.

11. Можегов Владимир. Чехословакия: от Версаля до Мюнхена. Как Бенеш и Масарик подвели Европу к войне // <http://svpressa.ru/politic/article/124959/>.

12. Накануне празднования 70-летия Великой Победы в качестве нового разоблачителя советского строя и Великой Отечественной войны выступил директор Государственного архива РФ: С. Мироненко рассказал о том, что «пакт Молотова-Риббентропа» был чудовищной ошибкой и как СССР «умиротворял» Гитлера // <http://www.e-news.su/mnenie-i-analitika/56239-my-poluchili-voynu-na-god-ranshe-spasibo-anglii-my-poluchili-front-na-sotni-kilometrov-dalshe-spasibo-stalinu.html>.

13. Об этих исторических фактах не любят вспоминать, но и не опровергают: <http://www.e-news.su/in-world/27535-panskaya-iznanka-vtoroy-mirovoy.html>: См.: <http://www.e-news.su/engine/go.php?url=aHR0cDovL3BvcnRhbC1rdWx0dXJhLnJlL2FydGljbGVzL2hpc3RvenkvNTc5MjQtcGFuc2theWEtaXpuYW5rYS12dG9yb3ktbWlyb3ZveS8%3D>.

3. Iogansen Nil's. Panskaya iznanka Vtoroj mirovoj // <http://portal-kultura.ru/articles/history/57924-panskaya-iznanka-vtoroy-mirovoy/>.

4. Vnachale byl «Myunxenskij sgovor» // <http://www.istpravda.ru/pictures/14664/>.

5. Bykov Pavel, Mexanik Aleksandr, Rogozhnikov Mixail. Oni ne ravny // Zhurnal «E'kspert», № 21, 27.05.2013 // <http://www.expert.ru/expert/2013/21/oni-neravnyi/>.

6. Gorbachev M.S. Novoe politicheskoe myshlenie dlya nashej strany i vsego mira. M., 1987.

7. G'yachche Vladimiro. Totalitarizm: pozornaya istoriya dutoj koncepcii // <http://left.ru/2006/11/giache145.phtml>.

8. K'eza D. Totalitarnaya diktatura Ameriki // <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/02/466/51.html>.

9. Kagarlickij B. Yu. Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. http://eusi.ru/lib/kagarlickij_marksizm/5.php.

10. Mozhegov Vladimir. Mirnyj pakt protiv anglijskogo kovarstva // <http://svpressa.ru/politic/article/122236/?mrat=1>.

11. Mozhegov Vladimir. Chexoslovakiya: ot Versalya do Myunxena. Kak Benesh i Masarik podveli Evropu k vojne // <http://svpressa.ru/politic/article/124959/>.

12. Nakanune prazdnovaniya 70-letiya Velikoj Pobedy v kachestve novogo razoblachitelya sovetnskogo stroya i Velikoj Otechestvennoj vojny vystupil direktor Gosudarstvennogo arxiva RF: S. Mironenko rasskazal o tom, chto «pakt Molotova-Ribbentropa» byl chudovishhnoj oshibkoj i kak SSSR «umirotvoryal» Gitlera // <http://www.e-news.su/mnenie-i-analitika/56239-my-poluchili-voynu-na-god-ranshe-spasibo-anglii-my-poluchili-front-na-sotni-kilometrov-dalshe-spasibo-stalinu.html>.

13. Ob e'tix istoricheskix faktax ne lyubyat vspominat', no i ne oprovergayut: <http://www.e-news.su/in-world/27535-panskaya-iznanka-vtoroy-mirovoy.html>: Sm.: <http://www.e-news.su/engine/go.php?url=aHR0cDovL3BvcnRhbC1rdWx0dXJhLnJlL2FydGljbGVzL2hpc3RvenkvNTc5MjQtcGFuc2theWEtaXpuYW5rYS12dG9yb3ktbWlyb3ZveS8%3D>.

1. Knyazev Savyatoslav. Propaganda SShA zamaxnulas' na Pobedu. <http://politrussia.com/istoriya/budni-informatsionnoy-voyny-634/>.

2. Razvedka RF rassekretila dokumenty, kasayushhiesya Myunxenskogo sgovora. Material predostavljen izdaniem «Izvestiya» 29 Sentyabrya 2008. <http://web.archive.org/web/20110625015654/http://news.mail.ru/politics/2052675/et/>.

UDC 327

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND POLITICS OF HISTORICAL MEMORY. PART I

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Institute of Finance and Law,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The most typical myths of neo-liberal historiography of the World War II on the equal responsibility of Nazi Germany and the USSR for the outbreak of the war, the «conspiracy» of Hitler and Stalin over the division of democratic Europe. These myths are intended to justify the pre-war policy of the West, and now the second cause of moral and political defeat of Russia after the destruction of the Soviet Union in order to ensure the unconditional domination of transnational capital.

Key words:

The Second World War, the Soviet Union, Russia, Western Europe, totalitarianism, politics of historical memory, falsification of modern history, the Soviet victory in the Great Patriotic War.

УДК 32.019.5

ПРИЁМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

**(на примере политического конфликта России
и Украины в 2014–2015 гг.)**

Резниченко Денис Владимирович,

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
кандидат социологических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: reznichenkod@mail.ru

Каштальянова Яна Витальевна,

Институт международных связей,
специалист по связям с общественностью,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: kashtalyanovayana@gmail.ru

Аннотация

Статья посвящена приёмам информационной войны по поводу присутствия вооружённых сил РФ на Украине. Основываясь на теоретических и эмпирических методах исследований, были выявлены основные приёмы информационной войны в современных СМИ (как российских, так и украинских) в политическом конфликте между Россией и Украиной в 2014–2015 гг.

Ключевые слова:

информационная война, приёмы информационной войны, СМИ, политика, конфликт на Украине, причины войны на Украине, российские военные силы в Донбассе.

XX век для России был переломным моментом за всю историю существования государства – век войн, разрух, революций, социальных потрясений, результатами которых стали многочисленные челове-

ские, геополитические и информационные потери.

Если в прошлом веке война проводилась с помощью холодного оружия: танков, автоматов и ракет, то в XXI информационно-

интеллектуальном веке главным оружием являются «независимые» эксперты и журналисты, стреляющие на поражение с помощью средств массовой информации под влиянием мировой политической элиты. Эта информационная война началась с переходом в информационную эру.

Основной целью информационной войны в политической сфере, по мнению Расторгуева С.П., является обеспечение национальных интересов. Один из важнейших интересов – обеспечение информационной безопасности государства. Для обеспечения безопасности государства необходимо владеть информацией, чтоб можно было вести информационную борьбу с другими странами [12].

Существует большое количество PR-методов или приёмов, используемых в политической сфере для ведения информационного противоборства.

Одним из самых ярких и до сих пор актуальных политических конфликтов на мировой арене является конфликт между Россией и Украиной в 2014–2015 гг. по факту присутствия российских военных сил в Донбассе, который до сих пор остается неразрешенным. Украинские СМИ утверждают, что российские войска принимали участие в военных действиях на Украине, российские – нет.

Вооруженный конфликт в восточной части Украины на территории Донбасса (Донецкой и Луганской областях) начался в апреле 2014. Регулярные активные боевые действия происходили до июля 2015 года. Датой начала конфликта считается 7 апреля 2014 года, когда спикер Верховной рады Украины Александр Турчинов в связи с захватами административных зданий в Харькове, Донецке и Луганске и провозглашением Харьковской и Донецкой народных республик объявил о создании антикризисного штаба и о том, что «против тех, кто взял в руки оружие, будут проводиться антитеррористические мероприятия». В этой связи на территории Украины началась гражданская война, которая активно сопровождалась информационными атаками.

Средства массовой информации разных стран противоречиво освещали события на Украине. Большинство из них обвиняют Российскую Федерацию в начале военных действий и приписывают ей участие в гражданской войне путем введения российских войск на территорию Донбасса.

Для анализа приемов информационной войны в формировании общественного мнения по поводу присутствия вооруженных сил РФ на Украине в 2014–15 гг. используется такой эмпирический метод исследования, как контент-анализ [7].

Контент-анализ – метод качественно-количественного анализа текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей, а также измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах.

Сущность данного метода заключается в том, чтобы по внешним – количественным характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать качественные правдоподобные предположения о его плане содержания, а вследствие этого – выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, ценностных ориентирах [4].

Учитывая огромный объем информации, представленной в Интернете, и ограниченный срок для проведения контент-анализа, сформирована выборочная совокупность публикаций о ситуации на Украине за исследуемый период (апрель 2014 – ноябрь 2015 гг.). Выборочную совокупность составляли:

- федеральные газеты «Аргументы и Факты» (А и Ф), «Московский Комсомолец» (МК), «Коммерсант» (электронные версии);

- информационные агентства: «РИА Новости», «Lenta.ru»;

- Интернет-страницы, адреса которых указаны в результатах Google-поиска (только на русском языке, только в России) по запросам «война в Украине», «российские войска

в Украине», «российские войска в Донбассе», «российско-украинский конфликт».

Для проведения контент-анализа Интернет-публикаций о присутствии российских военных сил на Украине представляется возможным выбрать единицы счета, совпадающие с единицами анализа, и подсчитать частоту упоминания выделенных смысловых единиц. Таким образом, можно сказать, что единицами счета в нашем случае является количество употребления определенной смысловой единицы в исследуемых Интернет-публикациях.

Таким образом, были рассмотрены причины войны, которые определяют российские источники СМИ. В таблице 1 видны основные из них.

На основе проведенного анализа различных информационных источников, можно

сделать вывод, что российские СМИ не выделяют конкретной причины возникновения конфликта на Украине, зато ярко используют различные приемы информационного противоборства. В каждом источнике информации раскрываются разнообразные причины войны с учетом тематической направленности каждого ресурса.

Рассмотрим самые распространенные приемы, которые используются современными СМИ в ведении информационной войны в диаграмме ниже.

Наиболее используемый прием ведения информационной войны со стороны России является «**прямое опровержение**», который применяется в отношении информации о присутствии российских военных сил на территории Украины. Президент Украины, секретарь

Таблица 1 – Причины войны на Украине с точки зрения российских СМИ.

Название источника	Причины войны
Аргументы и Факты	гигантская коррупция; откаты; избирательность судебной системы; слабая защита собственности; криминально-политическое рейдерство; оффшоризация; жадность и эгоизм элиты; разделение общества на бедных и богатых.
Московский комсомолец [9]	давление Соединенных Штатов Америки на украинскую власть и ее свержение.
Коммерсант	залежи сланцевого газа, расположенные в районе, где вооруженное противостояние носит наиболее ожесточенный характер — между Луганском, Славянском и Краматорском.
РИА Новости [11]	непрофессиональные действия Запада; геноцид русско-украинского народа.
Lenta.ru	государственный переворот, поддержанный американскими и европейскими партнерами; четко разработанные и спланированные действия США.
Другие источники информации (включая социальные сети)	политические ошибки Н.С. Хрущева; недостаточная образованность граждан Украины; поддержание значимости американского доллара в качестве мировой валюты; подрыв доверия к России, путем вовлечения РФ в конфликт; давления украинских националистов на людей, приверженных русской культуре. использование Украины в качестве «приманки» для России; решение украинского правительства приостановить процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом [15].

СНБО Украины, посол США на Украине, министр обороны США обвиняют Российскую Федерацию в участии в военных действиях на территории Украины. В российских СМИ публикуется информация о громких заявлениях известных иностранных лиц о том, что именно Россия является агрессором и участвует в войне на Украине путем внедрения своих войск на юго-восток страны. Российская сторона полностью опровергает данное обвинение. Это можно заметить, изучив сюжеты и публикации различных российских СМИ. В конце большинства сюжетов дается оговорка: «международные наблюдатели ни разу не зафиксировали присутствия российских военных на территории Донбасса. Кроме того, согласно информации в российских СМИ, Москва неоднократно официально опровергала все обвинения и подчеркивала, что РФ не является стороной во внутриукраинском конфликте».

Следующий прием – это **«приклеивание или навешивание ярлыков»** – *namecalling*. Российские СМИ публикуют различную информацию о том, что в войне на Украине виноваты Соединенные Штаты Америки (в том числе «Московский Комсомолец», РИА Новости и т. п.). По мнению авторов большинства сюжетов и статей, именно США ведет информационную войну против России, действуя через третью сторону – Украину. США намеренно предоставляют партнерам по НАТО ложную разведывательную информацию, на основе которой те заявляют о присутствии российских войск на Украине [Московский Комсомолец, Минобороны РФ: США намеренно передают в НАТО ложные разведданные по Украине [16]]. В отношении Украины, российские СМИ используют оскорбительные прозвища, такие как «хохлы», «бандеровцы», «укропы».

Российские СМИ применяют такой прием, как **«перенос» или «трансфер»** – *transfer*. Они профессионально и искусно распространяют авторитет президента России, используя цитирование его фраз: «В Украине российских

войск нет. Мы не участвуем в гражданской войне в Донбассе» [5]. Таким образом, происходит формирование ассоциативных связей президента РФ с гражданами России, имеющих ценность и значимость у окружающих, и заставляет поверить их в правдивость слов главы государства.

Похожим приемом информационной войны является **«ссылка на авторитет»**, «свидетельствование», используемые в совокупности с «прямым опровержением» или «утвердительными заявлениями». Заявления В. Путина: «В Украине российских войск нет. Мы не участвуем в гражданской войне в Донбассе»; Г. Бентама: «Вместо несуществующих доказательств присутствия российских войск на Украине западные СМИ предлагают аргумент, основанный на софистике, что какие-то россияне и российское оборудование обнаружены в этой стране. Никакая информация, поступающая с Украины, не указывает на российское «вторжение», о котором время от времени пишут западные СМИ. Если Россия действительно вторглась на территорию Украины, то почему Киев не разорвал с ней дипломатических отношений и совсем не боится российского ядерного оружия или крылатых ракет, которые могут в считанные минуты уничтожить всю армию, а также и население страны». В речи Бентама проявляется также метод **«нарушения логических цепочек»**. По мнению П. Белоножко: «Более 17 лет Штаты готовились к этому военному перевороту и добились своего. Сегодня идет война на уничтожение русско-украинского народа, в которой виновны Америка и ведущие европейские страны».

Противоположные мнения, подкрепленные приемами «утвердительных заявлений», «навешивания ярлыков», выдвигают такие политические деятели, как П. Порошенко: «Цена эскалации окажется для России слишком высокой»; Й. Столтенберг: «Нет никаких сомнений, что в восточной части Украины имеется сильное присутствие России. Там есть российские войска, там есть россий-

ское оружие, и Россия продолжает оказывать помощь и тренировать террористов»; Б. Обама: «Российские войска, которые вошли на Украину, – это не гуманитарная или миротворческая миссия. Там находятся российские боевые части с российским оружием и на российских танках. Это факты, которые можно доказать. Они не подлежат сомнению» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что мнения влиятельных политиков и других людей вызывают положительную или отрицательную реакцию у категории людей, на которых направляется манипулятивное воздействие. Такие высказывания, как правило, носят оценочные суждения в отношении людей, событий и выражают их одобрение или осуждение. Таким образом, устанавливается обратная связь с населением с помощью СМИ.

Следующим приемом информационной войны выступает **«сияющее обобщение»** или **«блистательная определенность»**. Информация о регулярной гуманитарной помощи Украине выставляет Россию в качестве «миротворца». По мнению российских СМИ в гуманитарной помощи проявляется патриотизм, единство народа бывшего Советского Союза Социалистических Республик.

Прием **«перетасовка»** или **«подтасовка карт»** также активно используется российскими СМИ. Анализируя различные источники информации (включая «АиФ», «МК», «Комсомольская правда», и др.), можно сделать вывод, что авторы публикаций и статей тщательно отбирают информацию о конфликте на Украине, в частности о присутствии российских военных сил на территории Донбасса. Например, когда был совершен государственный переворот на Украине, выбиралась только информация, дискредитирующая президента Украины Виктора Януковича и подчиненные ему силы правопорядка, умалчивалось о преступных и агрессивных действиях «Майдана», о попытках физически уничтожить главу государства. Умалчивалось тогда, и умалчиваются сейчас многочисленные нарушения конституции и законов Украины самими вла-

стями. Речь идет о применении вооруженных сил против собственного народа и многочисленных жертвах среди мирного населения. Российские СМИ, в отличие от украинских, не публикуют информацию о доказательствах участия РФ в военных действиях в Донбассе. Таким образом, основная цель данного приема в информационной войне – сформировать мнение российских граждан о том, что Россия не причастна к конфликту на Украине, который произошел из-за ошибок внутренней политики страны, проводимой под влиянием Запада.

Прием **«свои ребята»** или **«игра в проstonародность»** активно применяется блогерами, которые пытаются установить доверительные отношения с контактной аудиторией с помощью использования фраз, цитат, идей, мнений, принадлежащих «простому народу». Важно отметить то, что блоги являются местом в Интернет-пространстве, где пользователи выражают собственное мнение о каком-либо факте или ситуации, а также относятся к социальным сетям.

Активно используется такой прием информационной войны, как **«захват медиапространства»**. Россия проявляет вмешательство в деятельность средств массовой информации, тщательно «фильтрует» информацию, а, следовательно, полностью отрицает причастность России к войне на Украине. По словам телеведущего В. Познера, он не может пригласить тех людей, которые «представляют несомненный интерес» – например, ему не разрешили пригласить к себе на передачу Бориса Немцова – политического деятеля, который выступал против действующей государственной власти и неоднократно заявлял об участии Российской Федерации в украинском конфликте [3].

Следующий прием, используемый российскими СМИ, – это **«переписывание истории»**. Данный прием используется Россией в долгосрочной перспективе. Например, в новых единых учебниках по истории, которые были выпущены в 2015 году и начали исполь-

зваться школьниками с сентября 2015 года, были полностью пересмотрены, исключены или отредактированы такие исторические процессы, как «татаро-монгольское иго». Так, вместо татаро-монгольского ига в концепции говорится о системе зависимости русских земель от ордынских ханов.

Представим в виде диаграммы соотношение приемов, используемых в российских СМИ в ведении информационной войны на рисунке 1 ниже.

Рисунок 1 – Приемы информационной войны в российских СМИ.

Анализируя различные источники информации (период апрель 2014 – ноябрь 2015 гг.), такие как Українська правда, (Украинская правда), Дело (раздел: Война с Россией), Пресса Украины, УНИАН, Украинские национальные новости, а также веб-сайты, найденные с помощью поисковой системы Google (только на Украине), можно сделать общий вывод, что причинами войны на Украине, с точки зрения украинских СМИ, являются:

- противостояние России с Западом [10];
- нарушения баланса сил в мире [13];

- агрессия России на требование Украины вступить в ЕС [1];

- достижение целей России: дестабилизировать ситуацию в государстве, свергнуть украинскую власть, аннексировать Донбасс и Луганск [14];

- достижение целей США: спровоцировать гражданскую войну на Украине с целью освобождения территории для дальнейшего использования Донбасса в качестве места жительства для граждан США (на слу-

чай извержения вулкана Йеллоустон, в результате которого может произойти ликвидация территории, пригодной для проживания).

С помощью метода контент-анализа были исследованы приёмы информационной войны в украинских СМИ. К ним относятся:

- «**негативный трансфер**» в отношении Кремля;
- «**провокации**» по факту крушения Малайзийского Боинга;
- «**утвердительные заявления**» – обвинение России во вводе российских войск на территорию Донбасса и в участии в войне;

– **«ссылка на авторитет»** – заявления П. Порошенко, Б. Обамы, Й. Стотенберга и других известных политических деятелей о причастности России к военному конфликту на Украине;

– **«очевидцы событий»** – интервью с задержанными российскими военными, с пострадавшими солдатами, их родственниками, жертвами разрушенных домов и т. п.;

– **«наклеивание ярлыков»** – «москальи», «кацапы», «ватники», «Россия – агрессор, который стремится к воссозданию времен СССР и возвращению к временам «холодной войны», «диктаторский режим Путина», «империя зла»;

– **«перетасовка фактов»** – заявления СМИ о российских военных, приезжающих на территорию Украины вместо продуктов и вещей первой необходимости в машинах с гуманитарной помощью от Российской Федерации;

– активное использование и пропаганда в социальных сетях **«вирусных мемов»** в отношении России (российско-террористические войска, Запад несравнимо лучше России и т. п.);

– **распространение «слухов»** – украинские СМИ подчеркивали миф об успехах украинской армии и безоговорочной поддержке новых властей на востоке Украины;

– **«пугающие темы и сообщения»**: «Когда в ближайшие месяцы взорвётся супервулкан Йеллоустоун в США, то в мире будет пять лет ядерной зимы, неурожаев и голода. Мало людей везде выживет, у украинцев без газа России шансов выжить мало, а в России из-за её удалённости от вулкана народ спасётся» [2];

– **«общественное неодобрение»** – использование таких лозунгов как: «Слава Украине! Героям слава!», «Слава нации! Смерть врагам!» «Украина превыше всего!»;

– **«формирование окружения»** – формирование информационного окружения вокруг того или иного факта для снижения или, напротив, увеличения его эффекта

или степени доверия к нему. Таким фактом в украинских СМИ является присутствие российских военных. Освещение данного факта в прессе Украины формирует у граждан отрицательное отношение к Российской Федерации;

– **«вирусные мемы», «фейки», «вбросы»** – например, заявление украинских СМИ о причастности сепаратистов к ракетному обстрелу Луганска 2 июня 2014 года. Более ранним примером фейка считается информация о снайперах, которые расстреливали протестующих якобы по приказу Януковича;

– **«общий вагон», «общая платформа»**: «Ни одна международная организация, участником которой является и Россия, ни одна цивилизованная страна мира не признала и не признает этот референдум и его «результаты», потому что в Крыму произошло государственное преступление – захват власти» [6];

– **«утки»** и др.

Представим в виде диаграммы соотношение приемов, используемых в украинских СМИ в ведении информационной войны на рисунке 2 ниже.

Таким образом, на основе контент-анализа российских и украинских СМИ, можно сделать вывод, что конфликт на территории Донбасса вызвал общественный резонанс не только на Украине и в России, но и во всем мире. В связи с событиями на Юго-Востоке Украины, сопровождаемые информационной войной, резко изменились геополитическая и экономическая ситуации в мире. Кроме того, в результате проведенного исследования было выяснено, что обе стороны (украинская и российская) настроены прямо противоположно друг другу. В украинских средствах массовой информации прослеживается наступательная контрпропаганда с использованием обвинений в сторону Российской Федерации, в российских – оборонительная, с применением защиты и прямых опровержений.

1. 24 канал. Порошенко назвал настоящую причину

Рисунок 2 – Приемы информационной войны в украинских СМИ.

войны между Украиной и Россией. <http://24tv.ua> (дата обращения: 06.11.2015).

2. Антифашистов, М. Истинные причины и последствия гражданской войны на Украине. <http://www.vitrenko.org/article/20743> (дата обращения: 06.11.2015).

3. Бакланов, А. Познер заявил о смерти журналистики в России. <https://snob.ru> (дата обращения: 05.11.2015).

4. Баранов А.М., 2001, с. 274.

5. Vesti.ru., Президент РФ: российских войск на Украине нет. <http://www.vesti.ru> (дата обращения: 29.10.2015).

6. Vesti-Ukraina. Крым привыкает жить по российским правилам. <http://vesti-ukr.com>.

7. Гаврилова М.В., 2008, с. 73.

8. Интерфакс, Кризис на Украине. <http://www.interfax.ru> (дата обращения: 08.11.2015).

9. Кулибанов А., на 70-й сессии Генассамблеи ООН Путин рассказал о причинах войны на Украине. <http://tv.mk.ru> (дата обращения: 01.11.2015).

10. Obozrevatel.Ua. Настоящая причина войны Путина против Украины. <http://obozrevatel.com> (дата обращения: 06.11.2015).

11. Путин об Украине и отношениях с Западом: проблемы и решения. <http://ria.ru/world> (дата обращения: 01.11.2015).

12. Расторгуев С.П., 2006, с. 67.

13. Сегодня.ua Путин назвал причину войны в Украине. <http://www.segodnya.ua> (дата обращения: 06.11.2015).

14. УНИАН. Определены цели России в войне с Украиной. <http://www.unian.net> (дата обращения: 06.11.2015).

15. Ярошинская А. От Майдана до войны с Россией. <http://www.rosbalt.ru> (дата обращения: 12.10.2015).

16. <http://www.mk.ru> (дата обращения: 01.11.2015).

1. 24 kanal. Poroshenko nazval nastoyashhuyu prichinu vojny mezhdu Ukrainoj i Rossiej. <http://24tv.ua> (дата obrashheniya: 06.11.2015).

2. Antifashistov, M. Istinnye prichiny i posledstviya grazhdanskoj vojny na Ukraine. <http://www.vitrenko.org/article/20743> (дата obrashheniya: 06.11.2015).

3. Baklanov, A. Pozner zayavil o smerti zhurnalistiki v Rossii. <https://snob.ru> (дата obrashheniya: 05.11.2015).

4. Baranov A.M., 2001, s. 274.

5. Vesti.ru., Prezident RF: rossijskix vojsk na Ukraine net. <http://www.vesti.ru> (дата obrashheniya: 29.10.2015).

6. Vesti-Ukraina. Krym privykaet zhit' po rossijskim pravilam. <http://vesti-ukr.com>.

7. Gavrilova M.V., 2008, s. 73.

8. Interfaks, Krizis na Ukraine. <http://www.interfax.ru> (дата obrashheniya: 08.11.2015).

9. Kulibanov A., na 70-j sessii Genassamblei OON Putin rasskazal o prichinax vojny na Ukraine. <http://tv.mk.ru> (дата obrashheniya: 01.11.2015).

10. Obozrevatel'.Ua. Nastoyashhaya prichina vojny Putina protiv Ukrainy. <http://obozrevatel.com> (дата obrashheniya: 06.11.2015).

11. Putin ob Ukraine i otnosheniyax s Zapadom: problemy i resheniya. <http://ria.ru/world> (дата obrashheniya: 01.11.2015).

12. Rastorguev S.P., 2006, s. 67.

13. Segodnya.ua Putin nazval prichinu vojny v Ukraine. <http://www.segodnya.ua> (дата obrashheniya: 06.11.2015).

14. UNIAN. Opredeleny celi Rossii v vojne s Ukrainoj. <http://www.unian.net> (дата obrashheniya: 06.11.2015).

15. Yaroshinskaya A. Ot Majdana do vojny s Rossiej. <http://www.rosbalt.ru> (дата obrashheniya: 12.10.2015).

16. <http://www.mk.ru> (дата obrashheniya: 01.11.2015).

UDC 32.019.5

INFORMATION WAR DEVICES IN MODERN MASS MEDIA (On The Materials of the Political Conflict Between Russia and Ukraine in 2014–2015)

Reznichenko Denis Vladimirovich,

Educational Institution of the Trade Unions of Higher Education
«Academy of Labour and Social Relations»,
Candidate of Social Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: reznichenkod@mail.ru

Kashtalyanova Yana Vitalyevna,

Institute of international relations,
Specialist in Public Relations,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: kashtalyanovayana@gmail.ru

Annotation

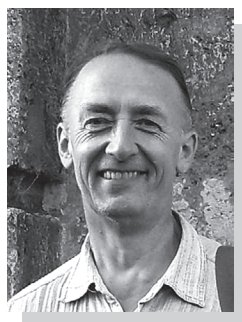
The article is devoted to the reception of information war over the presence of armed forces of the Russian Federation in Ukraine. Based on theoretical and empirical research methods, we identified the basic techniques of information warfare in the modern media (both Russian and Ukrainian) in the political conflict between Russia and Ukraine in 2014-2015.

Key words:

Information warfare, information warfare techniques, the media, politics, the conflict in Ukraine, the causes of war in Ukraine, the Russian military forces in the Donbass.

УДК 1 (091) + 16

ЕЩЕ ОДНА АКСИОМА РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ АПРИОРНОГО ЗНАНИЯ (историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности, доказуемости и алгоритмичности знания: Г.В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Чёрч)

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

На основании историко-философского и собственно логического анализа богатого интеллектуального наследия Лейбница в систему аксиом рационалистической эпистемологии априоризма добавляется еще одна важная аксиома, а именно, принцип необходимой машинности (алгоритмичности) априорного знания. В эпистемологии крайний оптимизм Лейбница проявился в форме его уверенности в необходимо всеобщем характере доказуемости рациональных (необходимых) истин путем их механической вычислимости. Он искренне верил, что, в сущности, любое рациональное (необходимо истинное) знание алгоритмично. Этот крайне оптимистический принцип Лейбница был подвергнут жестокой критике со стороны эмпиризма и скептицизма, в особенности, в связи с ограничительными метатеоремами Гёделя и Чёрча. Однако в настоящей статье этот принцип Лейбница формулируется и защищается как именно необходимо всеобщий (играющий роль аксиомы) для системы рационального знания α - $\text{pr}i\text{o}r\text{i}$.

Ключевые слова:

априорное, необходимое, апостериорное, случайное, знание, истинно, доказуемо, алгоритмично, механически, вычислимо.

«*Calculamus!*»

Г.В. Лейбниц

В этом году цивилизованное человечество отмечает 370-летие со дня рождения

и 300-летие со дня смерти Лейбница – выдающегося представителя рационалистического априоризма [4; 5] и мировоззренческого оптимизма [9]. Философский оптимизм Лейбница проявился также и в его теории

знания. Он искренне верил, что, в сущности, любое рациональное (необходимо истинное) знание алгоритмично. Символом этой веры служит приведенный выше в качестве эпиграфа девиз Лейбница «*Calculemus!*» (лат. «Посчитаем!» [6, с. 492; 7, с. 497]).

Так или иначе (непосредственно или опосредованно) полемизируя с представителями эпистемологии сенсуализма и эмпиризма (в особенности с Дж. Локком [14]), Лейбниц обращал внимание на положительную *ценность*, общеобязательность (*нормативный* характер) и стратегическую важность априорного знания необходимо всеобщих истин, сопротивлялся тенденции к абсолютному отрицанию существования знания *apriori*.

В трактате «Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин» Лейбниц писал: «(57) Ложное вообще я определяю как то, что не есть истинное. Итак, чтобы утверждать, что нечто является ложным, необходимо, чтобы... <...> в случае доказательства было бы невозможно доказать его истинность, сколь бы долго не продолжался анализ» [8, с. 587].

«(62) Всякое истинное предложение может быть доказано» [8, с. 589].

«(130) Истинное предложение есть то, которое может быть доказано» [8, с. 603].

«(130) Следовательно, истинно то, что может быть доказано, т.е. основание чему может быть приведено через разложение» [8, с. 604].

«(132) Всякое истинное предложение может быть доказано, потому, что предикат находится в субъекте, как говорит Аристотель, т.е. понятие предиката включается в совершенно осмысленное понятие субъекта, и всегда есть возможность доказать его истинность разложением терминов на их значения, т.е. на термины, которые они содержат» [8, с. 604].

«Конечно... и о случайных истинах мы можем многое уяснить с определенностью, исходя из того самого принципа, что вся-

кая истина должна быть доказуема...» [8, с. 605].

Однако в отношении случайных истин Лейбниц уже не столь категоричен: он пишет: «Предложения факта не всегда могут быть нами доказаны...» [8, с. 585]. В связи с этим создается впечатление, что Лейбниц сам себе противоречит: частично отступает от своего якобы строго универсального *принципа доказуемости всякой истины*, так как предложения факта – случайные *истины*. Согласно Лейбницу, получается, что некоторые, а именно случайные (фактические) *истины* «не всегда могут быть нами доказаны».

Более того, Лейбниц писал на полях: «Сомнение: является ли истинным все то, ложность чего не может быть доказана, или: ложно ли все что не может быть доказано как истинное? А как быть с тем, о чем нельзя доказать ни того, ни другого? Следует признать, что истинность и ложность всегда могут быть доказаны, во всяком случае разложением до бесконечности. Но есть случайное, т.е. возможно, что оно истинно или ложно» [8, с. 709]. Высказанное Лейбницем сомнение свидетельствует о том, что, не имея в своем распоряжении тех возможностей, которые появились у логиков в XX веке, он *смутно предчувствовал, интуитивно предугадывал* нечто известное нам сейчас в виде метатеорем Геделя о неполноте.

Однако, вопреки указанным сомнениям (высказанным на полях), неоднократно повторявшееся Лейбницем оптимистическое утверждение «всякое истинное предложение может быть доказано» имеет в его системе статус необходимо всеобщего принципа. Но этот принцип логически противоречит некоторым фундаментальным метатеоретическим результатам, полученным в XX веке Гёделем [2; 3; 15; 17–19]. В свете метатеорем Гёделя о неполноте процитированные выше оптимистические утверждения Лейбница выглядят явно ошибочными.

В статье [13] этот факт впервые констатируется и объясняется (теоретически ин-

терпретируется): *естественно возникающая иллюзия* логического противоречия между Лейбницем и Гёделем устраняется с помощью введения следующих дефиниций DF-1 и DF-2. В них: символ Kp обозначает высказывание «субъект имеет знание, что p , где p – некое высказывание; символ Aa – «субъект имеет *априорное* знание, что p ; $Эa$ – «субъект имеет *апостериорное* (эмпирическое) знание, что p ; $Дp$ – «доказуемо, что p ». Символы \leftrightarrow , \neg , $\&$, \vee , \supset , \square , \diamond обозначают в данной работе логические операции «эквивалентность», «отрицание», «конъюнкция», «слабая дизъюнкция», «импликация», соответственно. Символы \square , \diamond , соответственно, – алетические модальности «необходимо, что», «возможно, что». Символ \equiv обозначает отношение логической равносильности.

DF-1: $Ap \equiv (Kp \& (\square p \& \square (p \leftrightarrow Дp)))$.

DF-2: $Эp \equiv (Kp \& (\neg \square p \vee \neg \square (p \leftrightarrow Дp)))$.

Согласно статье [13], если эти дефиниции принимаются, то если процитированные выше утверждения Лейбница относятся к *априорному* знанию, то они не ошибочны, а совершенно адекватны, так как, согласно DF-1, из Ap логически следует, что $\square (p \leftrightarrow Дp)$. Сформулированная выше проблема (противоречие между Лейбницем и Гёделем) разрешается, так как (имеющая место в случае метатеорем Гёделя о неполноте формальной арифметики) истинность дизъюнкта $\neg \square (p \leftrightarrow Дp)$ означает, что «знание, что p » является *эмпирическим* (апостериорным).

Поскольку вышеупомянутые метатеоремы Гёделя представляют собой утверждения о семантической неполноте формальной арифметики при условии ее непротиворечивости, постольку, если дефиниции DF-1 и DF-2 принимаются, то знание арифметики относится к сфере знания апостериорного [10; 13; 25–27], а не априорного, а вот знание пропозициональной логики – знание априорное, так как эта подсистема логики непротиворечива и полна. Согласно приведенным выше дефинициям DF-1 и DF-2, логика предикатов первого порядка тоже

представляет собой систему априорного знания, так как она тоже непротиворечива и тоже семантически полна [3; 17], и такой вывод на основании принятия указанных дефиниций в публикациях [10; 13; 25–27] делается.

Однако настоящая работа является не повторением статьи [13], а ее дальнейшим развитием – существенной модификацией (дополнением) и коррекцией. Приведенные выше дефиниции DF-1 и DF-2 заменяются в настоящей работе следующими ниже дефинициями DF-3 и DF-4, соответственно. Здесь символ Zp обозначает высказывание «*существует механизм, т. е. алгоритм (машина), устанавливающий, что p* », где p – некое высказывание.

DF-3: $Ap \equiv (Kp \& (\square p \& \square (p \leftrightarrow Дp) \& \square (p \leftrightarrow Zp)))$.

DF-4: $Эp \equiv (Kp \& (\neg \square p \vee \neg \square (p \leftrightarrow Дp) \vee \neg \square (p \leftrightarrow Zp)))$.

Сравнив определения априорного знания DF-1 и DF-3, нетрудно заметить, что они не являются логически эквивалентными: из DF-3 логически следует DF-1, но не наоборот. Критерий априорности знания ужесточился. В результате этого, согласно DF-3 и DF-4, логика предикатов первого порядка не представляет собой систему априорного знания, так как, согласно метатеореме А. Чёрча [1; 2; 16; 17; 19], она не является алгоритмически разрешимой теорией. Согласно DF-4, будучи алгоритмически неразрешимым, исчисление предикатов первого порядка в целом есть знание эмпирическое (апостериорное), хотя некоторые его фрагменты (подсистемы) разрешимы и, поэтому, представляют собой знание априорное. В результате принятия нововведений, представленных выше в настоящей статье, тот конкретный вариант *метатеоретического* истолкования логического квадрата и гексагона, который был ранее предложен в работах [10; 13; 25–27], модифицируется следующим образом.

Пусть символ « $\langle t \rangle$ » обозначает некую (любую) теорию, построенную на основе *клас-*

сической логики, и имеющую рекурсивно перечислимое множество аксиом. Пусть символ ПРОТ (t) обозначает метатеоретическое утверждение «t логически *противоречива*». Символ НЕПРОТ (t) – метатеоретическое утверждение «t логически *непротиворечива*». ПОЛН (t) обозначает утверждение «t логически (семантически) *полна*». НЕПОЛН (t) обозначает утверждение «t логически (семантически) *неполна*». РАЗРЕШ (t) обозначает утверждение «t является (алгоритмически) *разрешимой* теорией». НЕРАЗРЕШ (t) обозначает утверждение «t является (алгоритмически) *неразрешимой* теорией». ЭМПИР (t) обозначает утверждение «t является *эмпирической* (апостериорной) теорией», т. е. «t или логически противоречива, или логически (семантически) неполна, или (алгоритмически) неразрешима». АПРИОР (t) обозначает утверждение «t является не эмпирической теорией, а системой *апприорного* знания», т. е. «t логически непротиворечива, логически (семантически) полна, и (алгоритмически) *разрешима*».

Впервые метатеоретическая интерпретация логических квадрата и гексагона была опубликована в работах [10; 13; 25–27]. Но в этих работах алгоритмическая разрешимость теорий не рассматривалась вообще и, поэтому, никак не учитывалась в графической модели. В настоящей статье это важное (хотя и редкое) метатеоретическое свойство теорий впервые принимается во внимание (учитывается) при существенно дополненной таким образом метатеоретической интерпретации логических квадрата и гексагона.

Существенно дополненная указанным образом метатеоретическая интерпретация логических квадрата и гексагона формулируется так: основанная на исключительно *классической* логике современная система метатеоретических знаний адекватно моделируется представленным ниже логическим квадратом (и включающего его в себя гексагоном): эти графические схемы моделиру-

ют систему логических взаимоотношений между перечисленными выше метатеоретическими высказываниями. Особо подчеркнем, что в приведенной ниже дополненной графической модели подразумевается, что (I) теория (t) построена на основе исключительно *классической* логики: (от теорий, основанных на неклассической логике, мы в данной статье абстрагируемся); (II) множество аксиом теории (t) является рекурсивно перечислимым.

Вообще говоря, «разрешимость теории (t)» – очень сильное, и поэтому, редкое (экзотическое) метатеоретическое свойство: в большинстве своем практически значимые теории этим свойством не обладают.

Из соответствующих определений тривиально следует, что *логически противоречивая теория t (алгоритмически) разрешима*, поскольку любая формула теории t выводима в t.

На рисунке 1 стрелки моделируют отношения подчинения (логического следования), а линии, пересекающие квадрат – отношения контрдикторности. Верхняя горизонтальная линия квадрата моделирует отношение контрарности, а нижняя – отношение субконтрарности.

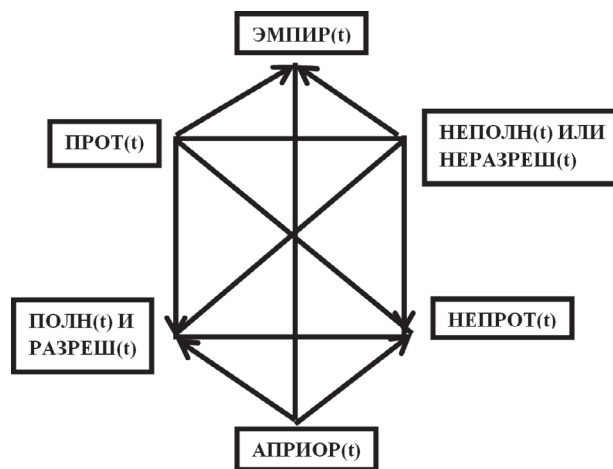

Рисунок 1 – Дополненный логический квадрат и гексагон метатеоретических высказываний.

На уровне этой существенно дополненной графической модели видно, что характеристика всякого логико-математического знания как априорного (знания) ошибочна. В системе логико-математического знания действительно есть априорные фрагменты (подсистемы), например, математическая логика высказываний, но есть и такие фрагменты (подсистемы), которые *в целом* представляют собой знание апостериорное. В качестве примеров могут служить: арифметика, согласно метатеоремам Гёделя о неполноте [2; 15; 17; 18] и логика предикатов первого порядка (согласно метатеореме Чёрча о неразрешимости [2; 16; 17; 19]). Предложенная выше дополненная графическая модель имеет большое психолого-педагогическое (дидактическое) и эвристическое значение, так как представляет логическую взаимосвязь дополненного перечня чрезвычайно абстрактных метатеоретических понятий в наглядной форме. Кроме того, эта дополненная модель дает возможность по-новому точно определить (переопределить) присутствующие в модифицированном гексагоне эпистемологические понятия «априорное» и «апостериорное» знание с помощью логических операций и присутствующих в логическом квадрате метатеоретических понятий: «полная t», «неполная t», «противоречивая t», «непротиворечивая t», «разрешимая t», «неразрешимая t».

В данной работе к представленной выше дополненной метатеоретической интерпретации логического квадрата и гексагона добавляется еще одна (тоже дополненная), а именно, модифицированная *эпистемологическая*. Она является существенно модифицированной, так как использует предложенные выше определения априорного и эмпирического знания DF-3 и DF-4, существенно модифицированные по сравнению с работами [11–13].

Эта графическая модель логической взаимосвязи эпистемологических модальностей Kp , Ap , $\mathcal{E}p$, $\neg Ap$, $\neg \mathcal{E}p$, $\neg Kp$ (где модальности Ap и $\mathcal{E}p$ по-новому точно определены

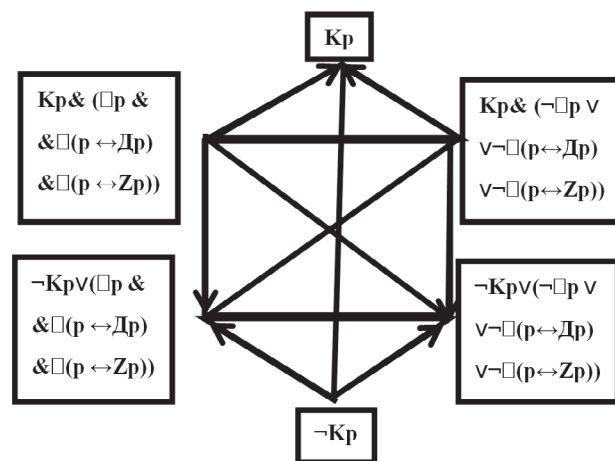

Рисунок 2 – Дополненный квадрат-и-гексагон, моделирующий непротиворечивый синтез априоризма и эмпиризма в одной модифицированной концептуальной схеме эпистемологии.

выше модифицированными определениями DF-3 и DF-4, соответственно) может быть легко проверена на адекватность моделируемой системе логических правил, а именно:

Контрарность: $(Kp \ \& \ (\Box p \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Zp)))$ и $(Kp \ \& \ (\neg \Box p \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Zp)))$ не могут быть одновременно истинны, но могут быть одновременно ложны.

Субконтрарность: $(\neg Kp \ \vee \ (\Box p \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Zp)))$ и $(\neg Kp \ \vee \ (\neg \Box p \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Zp)))$ не могут быть одновременно ложны, но могут быть одновременно истинны.

Контрадикторность: формулы, связанные по диагоналям квадрата, взаимно отрицают друг друга по закону де Моргана (а взаимное отрицание Kp и $\neg Kp$ очевидно).

Подчинение: (1) из $(Kp \ \& \ (\Box p \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Zp)))$ логически следует $(\neg Kp \ \vee \ (Kp \ \& \ (\Box p \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Zp))))$, но обратного следования нет; (2) из $(Kp \ \& \ (\neg \Box p \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Zp)))$ логически следует $(\neg Kp \ \vee \ (\neg \Box p \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \vee \ \neg \Box (p \leftrightarrow Zp)))$, но обратного следования нет; (3) каждое из суждений, находящихся в отношении

контрарности, логически влечет Кр, но обратного следования нет; (4) из \neg Кр логически следует каждое из суждений, находящихся в отношении субконтрарности, но обратного следования нет.

Логические квадрат и гексагон, представленные выше на рисунке 2, а также моделируемые ими дефиниции DF-3 и DF-4 суть *обобщения* соответствующих квадрата, гексагона, и дефиниций, представленных в работах [11–13]. Соответствующие определения априорного и эмпирического знания в работах [11–13] получают в качестве *частного случая* из данных выше определений DF-3 и DF-4 при допущении, что $\square (p \leftrightarrow Dr) \ \& \ \square (p \leftrightarrow Zp)$ истинно. Предложенная в данной статье *обобщенная* эпистемологическая концепция уже не зависит от этого допущения.

Начатая в середине XX века в работах французских логиков *Sesmat* [28], *Blanché* [22; 23], *Kalinowski* [24], а затем продолженная в работах *Béziau* [20; 21] и его коллег трансформация архаичной идеи логического квадрата и гексагона в дидактически и эвристически значимый современный тренд в систематизации (организации) концептуальных знаний продолжает развиваться и сейчас. Предложенная в данной статье существенно модифицированная эпистемологическая интерпретация логического квадрата и гексагона – еще одно небольшое, но, по моему мнению, важное дополнение к уже существующему богатству интерпретаций обсуждаемой графической модели.

1. Ершов Ю.Л. и Целищев В.В. Алгоритмы и вычислимость в человеческом познании. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН. 2012. 504 с.

2. Клини С.К. Введение в метаматематику. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 526 с.

3. Клини С.К. Математическая логика. М.: Мир, 1973. 480 с.

4. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.

5. Лейбниц Г.В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюретиной Софией // Г.В. Лейб-

ниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 371–394.

6. Лейбниц Г.В. Письмо к герцогу Ганноверскому // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 491–493.

7. Лейбниц Г.В. Об универсальной науке, или философском исчислении // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 494–500.

8. Лейбниц Г.В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 572–616.

9. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.

10. Лобовиков В.О. Логический квадрат и гексагон метагегоретических высказываний (Стратегический ресурс архаических принципов мысли) // IV Сибирский философский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и новаций» (Омск, 15–17 октября 2014 г.). Омск: Омский госуниверситет, 2014. С. 200–203.

11. Лобовиков В.О. Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий (Эволюционная эпистемология как явный абсурд с точки зрения древнегреческой философии абсолютного знания, и загадочная абсурдность этой древнегреческой онтологии и философии знания с точки зрения современной логики, методологии и философии науки: о возможности логически непротиворечивого «снятия» конфликта двух парадигм) // Эпистемы: Сб. науч. статей. Вып. 9. Екатеринбург: Ажур, 2014. С. 57–68.

12. Лобовиков В.О. Уточнение статуса логико-философских принципов фальсификации и верификации (научного знания) в философской эпистемологии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 98–104.

13. Лобовиков В.О. Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г.В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 65–71.

14. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Дж. Локк. Избранные философские произведения в 2 т. Т. 1. М.: Изд. Соц. – эк. лит., 1960. 731 с.

15. Манин Ю.И. Доказуемое и недоказуемое. М.: Советское радио, 1979. 167 с.

16. Манин Ю.И. Вычислимое и невычислимое. М.: Советское радио, 1980. 128 с.

17. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1976. 320 с.

18. Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.

19. Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 484 с.

20. Béziau J.-Y. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition. Basel: Birkhäuser, 2012. P. 3–19.

21. Béziau J.-Y. The Power of the Hexagon // Logica Universalis. 2012. V. 6. N. 1–2. P. 1–43.

22. Blanché R. Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires // Journal of Symbolic Logic. 1957. 22 (1). P. 17–18.

23. Blanché R. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. Paris: Vrin, 1966, 151 p.
24. Kalinowski G. La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 218 p.
25. Lobovikov V. A new interpretation of the logical square and hexagon: the graphic model of the system of logical interconnections among the meta-theoretic statements // Девятые Смирновские чтения по логике: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–19 июня 2015 г. М.: Современные тетради, 2015. С. 78–79.
26. Lobovikov V. A meta-theoretical interpretation of the logical square and hexagon of opposition // Handbook of the 5th World Congress and School on Universal Logic (June 20–30, 2015, Istanbul, Turkey) / Eds.: Jean-Yves Beziau, Safak Ural, Arthur Buchsbaum, Iskender Tasdelen, Vedat Kamer. Istanbul, Turkey: University of Istanbul, 2015. P. 346–348.
27. Lobovikov V. An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Philosophy Study, January 2016, Vol. 6, No 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).
28. Sesmat A. Logique. Volumes I, II. Paris: Hermann, 1950–51. 772 p.
1. Ershov Yu.L. i Celishhev V.V. Algoritmy i vychislimost' v chelovecheskom poznanii. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN. 2012. 504 s.
2. Klini S.K. Vvedenie v metamatematiku. M.: Izd-vo inostr. lit., 1957. 526 s.
3. Klini S.K. Matematicheskaya logika. M.: Mir, 1973. 480 s.
4. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1983. S. 47–545.
5. Lejbnic G.V. Perepiska s korolevoj Prussii Sofiej-Sharlottoj i kurfyurstinoj Sofiej // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 371–394.
6. Lejbnic G.V. Pis'mo k gercogu Gannoverskomu // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 491–493.
7. Lejbnic G.V. Ob universal'noj nauke, ili filosofskom ischislenii // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 494–500.
8. Lejbnic G.V. Obshhie issledovaniya, kasayushiesya analiza ponyatij i istin // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 572–616.
9. Lejbnic G.V. Opyty teodicei o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1989. S. 49–554.
10. Lobovikov V.O. Logicheskij kvadrat i geksgon metateoreticheskix vyskazyvanij (Strategicheskij resurs arхаicheskix principov mysli) // IV Sibirskij filosofskij seminar «Sovremennaya filosofiya v Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya v kontekste tradicij i novacij» (Omsk, 15–17 oktyabrya 2014 g.). Omsk: Omskij gosuniversitet, 2014. S. 200–203.
11. Lobovikov V.O. Logicheskij kvadrat i geksgon e'pistemicheskix ponyatij (E'volucionnaya e'pistemologiya kak yavnyj absurd s tochki zreniya drevnegrecheskoj filosofii absolutnogo znaniya, i zagadochnaya absurdnost' e'toj drevnegrecheskoj ontologii i filosofii znaniya s tochki zreniya sovremennoj logiki, metodologii i filosofii nauki: o vozmozhnosti logicheski neprotivorechivogo «snyatiya» konflikta dvux paradigm) // E'pistemy: Sb. nauch. statej. Vyp. 9. Ekaterinburg: Azhur, 2014. S. 57–68.
12. Lobovikov V.O. Utochenie statusa logiko-filosofskix principov fal'sifikacii i verifikacii (nauchnogo znaniya) v filosofskoj e'pistemologii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 98–104.
13. Lobovikov V.O. Istoriko-filosofskij i logicheskij aspekty problemy vzaimosvyazi istinnosti i dokazuemosti: G.V. Lejbnic; A. Tarskij; K. Gyodel' // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 65–71.
14. Lökk Dzh. Opyt o chelovecheskom razume // Dzh. Lökk. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 t. T. 1. M.: Izd. Soc. – e'k. lit., 1960. 731 s.
15. Manin Yu.I. Dokazuemoe i nedokazuemoe. M.: Sovetskoe radio, 1979. 167 s.
16. Manin Yu.I. Vychislimoe i nevychislimoe. M.: Sovetskoe radio, 1980. 128 s.
17. Mendel'son E'. Vvedenie v matematicheskuyu logiku. M.: Nauka, 1976. 320 s.
18. Uspenskij V.A. Teorema Gyodelya o nepolnote. M.: Nauka, 1982. 110 s.
19. Chyorch A. Vvedenie v matematicheskuyu logiku. T. 1. M.: Izd-vo inostr. lit., 1960. 484 s.
20. Béziau J.-Y. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition. Basel: Birkhäuser, 2012. P. 3–19.
21. Béziau J.-Y. The Power of the Haxagon // Logica Universalis. 2012. V. 6. N. 1–2. P. 1–43.
22. Blanché R. Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires // Journal of Symbolic Logic. 1957. 22 (1). P. 17–18.
23. Blanché R. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. Paris: Vrin, 1966, 151 p.
24. Kalinowski G. La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 218 p.
25. Lobovikov V. A new interpretation of the logical square and hexagon: the graphic model of the system of logical interconnections among the meta-theoretic statements // Devyatye Smimovskie chteniya po logike: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 17–19 iyunya 2015 g. M.: Sovremennye tetradi, 2015. S. 78–79.
26. Lobovikov V. A meta-theoretical interpretation of the logical square and hexagon of opposition // Handbook of the 5th World Congress and School on Universal Logic (June 20–30, 2015, Istanbul, Turkey) / Eds.: Jean-Yves Beziau, Safak Ural, Arthur Buchsbaum, Iskender Tasdelen, Vedat Kamer. Istanbul, Turkey: University of Istanbul, 2015. P. 346–348.
27. Lobovikov V. An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Philosophy Study, January 2016, Vol. 6, No 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).
28. Sesmat A. Logique. Volumes I, II. Paris: Hermann, 1950–51. 772 p.

UDC 1 (091) + 16

**ONE MORE AXIOM
FOR RATIONALISTIC EPISTEMOLOGY
OF A-PRIORI KNOWLEDGE
(History-Of-Philosophy and Logic Aspects
of the Problem of Interconnection
among Truthfulness, Provability,
and Algorithmic Character of Knowledge:
G.W. Leibniz; K. Gödel; A. Church)**

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

On the basis of history-of-philosophy and proper-logic analysis of the rich intellectual legacy of Leibniz one more axiom is added to the system of axioms of rationalistic epistemology of a-priori knowledge, namely, the principle of machine-ness (algorithmic-ness) of a-priori knowledge. In epistemology the extreme optimism of Leibniz appeared in form of this trust in the necessarily universal character of provability of rational (necessary) truths by mechanical computing them. He sincerely believed that, in principle, any rational (necessarily true) knowledge is algorithmic one. This extremely optimistic principle of Leibniz was severely criticized from the positions of empiricism and skepticism, especially, in connection with the restricting meta-theorems of Gödel and Church. Nevertheless in the present paper the principle of Leibniz is formulated and defended as just necessarily universal (playing the role of axiom) for the system of rational knowledge a-priori.

Key words:

a-priori, necessary, a-posteriori, contingent, knowledge, true, provable, algorithmic, mechanically, computable.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЛТА-45/16. ФЕНОМЕН МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИСТОРИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ»

Пресс-релиз конференции

5–26 февраля 2015 года на базе Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялте прошла Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием «ЯЛТА-45/16. Феномен международной дипломатии в истории военных конфликтов».

С приветственным словом к гостям и участникам конференции обратился доктор педагогических наук, профессор, академик, заслуженный работник образования Республики Крым, директор Гуманитарно-педагогической академии *Александр Владимирович Глузман*: «Мы не первый раз проводим подобную конференцию для того, чтобы привлечь внимание к тем процессам и проблемам, которые происходят сегодня в России и в международном сообществе, провести ретроспективу от истории до современности. Нам важно то, как молодежь и взрослые ученые видят те проблемы, конфликты, которые происходят сегодня в мире и что они могут предложить для их разрешения. Символично то, что наша конференция проходит именно в Ялте, так как Ялтинская конференция 1945 года сыграла огромную роль в завершении Второй мировой войны, после чего Ялта стала известна как островок, где началось понимание налаживания мира и движения мира до современной цивилизации. Уверен, что мы найдем точки соприкосновения и понимания тех процессов, которые нас сегодня волнуют».

Конференция была организована в режиме on-line трансляции. В программе

конференции было заявлено более 70 участников из России, Украины, Белоруссии, Греции, Бангладеш, Китая и США. В частности, были заслушаны доклады академика *Е. А. Наумова* (г. Москва), профессора *Evangelos D. Protopapadakis* (г. Афины, Греция), ученого секретаря Центра истории войн и геополитики ИВИ РАН *Д. В. Суржика* (г. Москва). На конференцию предоставили материалы: академик *А. А. Кошкин* (г. Москва), заслуженный юрист Московской области, руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов *О. Б. Иванов* (г. Москва), профессор *Деменчонок Э. В.* (Джорджия, США) и многие другие.

Деятельное участие в организации конференции принял недавно созданный «Крымский философский клуб» (региональная первичная организация Российского философского общества РАН).

В рамках конференции, 26 февраля, в режиме on-line состоялся *студенческий круглый стол: «Международная дипломатия в истории человечества: философия Войны и Мира»*, в котором приняли участие студенты Ялты, Минска, Волгограда, Новосибирска, Екатеринбурга и Владивостока.

По результатам конференции была принята резолюция «О необходимости создания в г. Ялте музея истории Организации Объединенных Наций и Международного открытого университета ноосферного развития природы Человека и общества имени академика В.И. Вернадского».

Доклады

УДК 930.2

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 Г.:
К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ЭТИКЕ****Шевченко Олег Константинович,**

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте,
кандидат философских наук, доцент,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Аннотация

Исторические тексты о Ялте создаются не в формате сухого анализа фактов, а красочного совмещения микроистории быта и макроистории события. Причина – игнорирование незыблемых правил обработки исторического источника в угоду красочности текста и широкого анализа стратегем геополитики союзников.

Ключевые слова:

Ялта-45, историография Ялтинской конференции, источниковедение, историческая эпистемология.

Актуальность. Крымская конференция 1945 года как историческое событие оставила глубоко вдавненный след в сознании народов Европы и Азии. Она зафиксировала рождение Нового мира, появление новой конфигурации границ Европейских и Азиатских стран. Вполне естественно, что событие со столь значительным резонансом привлекало взгляды десятков, если не сотен ученых в СССР, США, Великобритании, Франции, Японии... Не оставили своим вниманием Крымскую конференцию и специалисты из Российской Федерации, Украины, Белоруссии. Однако за сотнями статей и десятками монографий

два существенных блока исторического исследования как бы растворились в текстах и мыслях историков. Речь идет об историографии и источниковедении.

Во всем массиве «Ялтинского» компендиума практически отсутствуют монографии и диссертации, посвященные историографическим разработкам Крымской конференции. В наличии имеются лишь фрагментарные обзоры основных достижений предшественников. Они носят вводный характер к выбранной автором теме и впоследствии никак не влияют ни на ход исследования, ни на формируемую стратегию изучения проблемы.

Что же касается источниковедческих штудий, то они отсутствуют вовсе. Данный факт вызывает недоумение и требует объяснения для последующего выправления ситуации.

Объект: Историография и источниковедение Крымской конференции. *Предмет:* «Исторический источник» как феномен историографии «Ялтинских встреч».

Цель: определить параметры кризиса исторического источника в работах о Крымской конференции 1945 г.

Задачи: очертить базовые этапы историографии Крымской конференции; выявить круг источников по «Ялтинским встречам»; определить методологические принципы работы историков с источниками о «Ялте»; зафиксировать абберрации в реальности «научная этика» и вскрыть их причины; предложить вариант разрешения определенной кризисной ситуации.

Методы исследования. Прежде всего, метод описания как базовый в научном исследовании. Во-вторых, метод абстрагирования (для отсеивания излишнего малоинформативного знания) и метод формализация (для выявления типичных черт информационного поля о Ялта-45). В-третьих, метод мысленного эксперимента для определения должного в формировании научного этикета по теме «Ялта-45» и сущего, того, что ныне существует и развивается.

Основные результаты исследования. И в Белоруссии, и в Российской Федерации, отчасти и на Украине усилия историков по изучению «Ялты» прочно покоятся на советских штудиях: архивных публикациях, теоретических разработках, методологических клише. Заявление для начала статьи смелое, но прошу воспринимать его как теоретический вексель, который будет «погашен» на последующих страницах. А на данном этапе заявленный тезис властно требует отметить этапы советского освоения крымской конференции 1945 г. как исторического События. Ведь современная кризисная ситуация не появилась «вдруг» и «неожиданно». Она имеет свой инкубационный период, созревание и развитие. И искать

ее зарождение необходимо именно в советской научной школе.

Пожалуй, первой советской работой, посвященной Крымской конференции стала перепечатка публичного доклада А.С. Ерусалимского [2]. В этой небольшой книжце заложены основополагающие элементы всей последующей советской историографии. Сгруппируем элементы в несколько пунктов.

Во-первых, материал «Крымской конференции» охватывается весь, целиком: от споров где проводить конференцию до геополитического анализа всех ее решений.

Во-вторых, перед собственно анализом проблемы читатель предуведомляется о характернейших чертах западной историографии в форме телеграфных зарисовок или публицистических пассажей.

В-третьих, четкое анатомирование крымской конференции на несколько тематических блоков: «Вопрос о Польше», «Вопрос о Югославии» и т. д.

Второй знаковой книгой в советской традиции, безусловно, является монография С.Б. Сосинского [12]. Сергей Брониславович вводит новые идеи и методики в советскую историографию о «Ялте». Прежде всего, это попытка сориентировать громоздкий материал «Ялты» на постижение позиции США в 1945 г. и в разгар Холодной войны. Это собственно не историческая, а скорее политологическая задача. Но решалась она под флагом исторической науки. С.Б. Сосинский вводит в традицию постижения «Ялты» лирические тона микроистории. Например, описание погрузки англо-американской делегации в самолет на о. Мальта [12, с. 50]. Или описание почти театрализованного выхода Сталина в зал заседаний [12, с. 53], много внимания уделяется перемещениям делегаций, частным вопросам пейзажей и обслуживания. В конечном счете, книга оставляет впечатление некой смеси краеведения и геополитики; с большим вкусом проанализированной словесной эквилибристики союзников.

Серия работ В. Я. Сиполса – иное направление советской историографической школы [8; 9]. Так работы апологетов данной традиции более сдержаны, более аналитичны и фактологичны. Однако и в них регулярно встречаются краеведческие пассажи, которые органично вплетаются в Крымскую конференцию как событие планетарного масштаба. При всех своих достоинствах данное направление получило свое развитие лишь в плане подготовки учебников и энциклопедических статей, на весь основной блок монографий и диссертаций существенного влияния оно не оказало (более детально и подробно указанная ситуация раскрыта в двух статьях автора этой публикации [14; 15]).

После крушения СССР тематика «Крымской конференции» перестает быть интересной для исторического сообщества. Так, в России выходит лишь несколько книг о «Ялте», среди которых следует выделить монографию Б. Н. Славинского [10]. Она, впрочем, так и осталась в одиночестве, не породив продолжателей. После 1992 года в Российской Федерации также не была защищена ни одна диссертация по заявленной тематике. Те статьи и разделы монографий, которые касались Ялты, не выходили за пределы советских традиций. В чем-то даже значительно им уступая. Так, если советские авторы насыщали свои произведения массивными цитатами англоязычных источников, которые хоть и не служили целям взаимной перепроверки, но несли богатый фактологический материал, то современные публикации ориентируются, как правило, исключительно на русскоязычные тексты и рабски следуют опубликованным стенограммам.

В Украинской исторической традиции Ялтинские соглашения существуют лишь в контексте истории Украины, интересны лишь для истории Украины, служат для уточнения ключевых параметров украинской истории середины XX века. Весь остальной массив смыслов хоть и признается, но историческому обсуждению не подвергается. Это суще-

ственный отход от советских традиций, но не в контексте методологий (они сохраняют свои параметры), а в плане идеологических ограничений и коннотатов [1, с. 40–41].

С 1995 года можно говорить о формировании если и не Крымской школы, то уж во всяком случае Крымского направления. В отличие от коллег в РФ и Украине крымские историки начали демонстрировать фейерверк исследовательской активности. Публикуются книги, в которых вводятся в оборот новые архивные и мемуарные документы [4; 17; 18], комплексные монографии [19]; создаются научные справки, в которых открываются новые аспекты проблемы [16]; организуются тематические конференции [7, 18, 24, 26].

В настоящий момент по количеству публикаций, проведенных научных мероприятий Крымский блок историографии «Ялты» фактически является локомотивом проблемы. Ни российская, ни собственно украинская традиция не может с ним равняться. Но... есть одно «НО». Крымское направление целиком и полностью восприняло большинство черт советских исследовательских методологий. Более того, крымские исследователи довели их до логического совершенства, а, следовательно, попали в тупиковую ситуацию. Которая возникает в любой исследовательской традиции, дошедшей до своих пределов и в силу этого не способной к трансформации и саморефлексии. На данном этапе стало возможным выявить структурные недостатки системы. Те недостатки, которые нивелировались в момент развития и практически не видимы в вялых усилиях коллег «Ялтинцев» из РФ и Украины, но отчетливо проступают в крымских работах. Точно так же, как асимметричность валунов долины скрывает утренняя дымка, и та же асимметричность резко являет себя в пиках горной вершины подсвеченной закатным солнцем.

Основная структурная, или если угодно, системная проблема крымчан – этико-источниковедческая. Попробуем узнать, что есть такое «Крымская конференция 1945 г.»

для советских (а, следовательно, и крымских) историков. Анализ работ приводит к обезкураживающему выводу. Единая, вроде бы цельная реальность, при чтении введения и заключения, распадается на локусы, блоки, когда вдумчиво с карандашом в руке отмечаешь вехи отсылок к историческим источникам. Так, при чтении ссылок и комментариев, убеждаешься, что автономно на текстах одной статьи или даже тезисов сосуществует реальность политическая, военная, медицинская, психологическая... Каждый источник – это не камушек в фундаменте монографии (статьи), а прямо таки отдельный кустик, растущий сам по себе возле колодца или крыльца. Он есть фактор ландшафта, а не строительный элемент постройки.

Источники вводятся практически без атрибуции, как факты, не требующие сомнений в своей истинности. Вопрос о достоверности практически не стоит. На нескольких страницах текста порой происходит источниковедческая вакханалия: факты военной истории подтверждаются ссылками на энциклопедии, политическая история обосновывается с изумительной легкостью мемуарами политиков, личной перепиской, ссылками на общепринятые, но от этого не более достоверные, сборники документов.

Перекрестного анализа источников нет, системной работы по выявлению репрезентативности – тоже. Ввод новых данных происходит так же просто, как и ссылка на классическую монографию, и методологически эти два (в сущности разных процесса) в тексте визуально не отличимы. Одним словом характернейшие симптомы современной исторической науки [10]. Косвенным доказательством того является отсутствие изданий собственно документального характера (целиком и полностью посвященных публикации новых документов, их анализу, атрибуции и т. д.). Исключением из этого правила, да и то, с существенными оговорками, является лишь одна публикация [8].

Объективной причиной столь легкомысленного обращения с процессуальными про-

цедурами научной этики есть благое в основе, но как оказалось порочное в предметных проявлениях стремление к освещению Крымской конференции сразу и целиком: от проблем апельсинового дерева в холле Воронцовского дворца до философско-экономических проблем взимания репараций с Германии. Эта неистребимая тяга к всеобщности, пропитавшая любое произведение о Ялте «романтическая» черта, – играет злую шутку над ученым. Заставляя его хоть и энергично, но хаотично вводить в свой текст принципиально отличающиеся друг от друга разряды источников (макро- и микроуровней).

Отчего возникла эта тяга к смеси фактов и миксера событий из разных плоскостей исторического события? Ведь отчего-то эта тенденция стала решающей? Ведь в силу каких-то ясных и четких фактов она превратилась в железную норму?

Ответ лежит, как это ни странно, в самом понятии «исторический источник».

Живая ткань истории проявляет себя в мемуарах и письмах. Историк живет в своей среде, когда говорит о проблемах отделки помещений или об эмоциональном портрете американцев в глазах советского сотрудника НКВД. В этом блоке чувствуется биение времени, трепетание исторической эпохи, колебание вуали реальности. Но в момент перехода к решениям конференции или ходу переговоров наступает ощутимая пауза. Историк «Ялтинец», вдруг, неожиданно становится рабом опубликованной стенограммы. Услужливо следует ей, отождествляя реальность события с документом. Этот эффект отождествления источника и носителя информации прекрасно высветил Ю. А. Святец [11, с. 44–47]. Его выводы как нельзя лучше объясняют ту аберрацию, которая сложилась при обращении историков к стенограммам конференции. Развивая эту мысль, следует указать, что за словами «стенограмма Крымской конференции 1945 г.» нет никакой реальности. Поясняю. На заседаниях Крымской конференции стенограмм в общепринятом

смысле этого слова не велось. Переводчики вели личные, рабочие заметки о ходе переговоров. После они были сведены в единый относительно последовательный блок и перепечатаны. Какие правки вносились на данном этапе – неизвестно. Какие купирования происходили – не ясно. Полученный текст предназначался для личного архива И. В. Сталина, для служебного пользования. Он не преследовал цель полного, исчерпывающего освещения события. Изначально предполагал избранность и личную заинтересованность в том или ином блоке информации. Этот материал и стал основой для советских публикаций, которые нашли свое законченное выражение в классическом сборнике [16]. Издание было купированным. Оригиналы документов – недоступными. То есть фактически на руках исследователя не было полноценного документа (американский сборник также страдал подобными недостатками, но взаимной перекрестной проверки обе публикации до сих пор не имели (!)).

Таким образом, единственными историческими источниками оставались либо микрофакты, либо то, что сейчас получило четкое наименование «Источник особого происхождения» (письма, дневники, мемуары...) [9]. Стенограмма являлась для историка лишь схемой, единственной и... неизбежной. Не допускающей толкований или осмыслений. Свобода творчества могла проявить себя лишь в микроистории и краеведении.

Усилия Н. А. Нарочницкой [25] по разрешению дилеммы и предоставлению исследователям достойных материалов из папки Сталина увенчались частичным успехом. Они показали, что сами материалы явно не совершенны. Но даже они в полной мере так и не были опубликованы. Не были пущены в оборот личные и служебные пометки на документах. Причем пометки отчетливые, сделанные рукой самого И. В. Сталина. Оригиналы же документов так и носят закрытый характер. Следовательно, до сих пор у специалистов нет ясных и прямых

источников. А лишь косвенные и временами неизмеримо сомнительные.

Вывод. Историография Ялтинской конференции изобилует тезисами, статьями, монографиями, создававшимися на русском, украинском и белорусском языках, начиная с 1945 года. Однако источниковедческая база была предельно узка. С одной стороны, схематичный, купированный и несколько хаотично составленный набор стенограмм о конференции, а с другой – живая ткань устной истории. Историк был вынужден нарушать всяческие нормы научного этикета, дабы максимально объемно и выпукло осветить ход конференции. Несчастливая звезда историографии по теме Ялты-45 требовала от ученого не сухого анализа фактов, а красочного совмещения микроистории быта и макроистории события, не упуская при этом (!) глобального видения роли Ялты в послевоенной политической игре. Очевидно, что нельзя объять необъятное, и ориентируясь на традицию первых советских работ, ученые стали игнорировать незыблемые правила обработки исторического источника. По наследству эта досадная aberrация перешла к исследователям из независимой Украины и России. Более того, игнорирование научной этики происходит как раз у наиболее активно пишущих историков, как тех, которые вынуждены массово применять источники разного происхождения и классов. Удар по научному этикету, нанесенный слабостью источниковедческой базы и необозримой геополитической задачей, может быть парирован только строгостью мысли и сухостью фактов как следствием скрупулезной работы с оригинальными текстами по теме Ялты-45 (стенограммами, служебными записками, журналами наблюдений и т. д.).

1. Shevchenko O.K. Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science. – 2013. – Issue: 12. – Vol. I. – № 2. – P. 39–42.

2. Ерусалимский А. С. Крымская конференция: Стенограмма публичной лекции. – М.: «Правда», 1945. – 26 с.

3. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года:

- уроки и перспективы: Материалы междунар. Науч. Симпозиума. – Симферополь: Крымский архив, 1996.
4. Крымская конференция в воспоминаниях и документах / Сост. Е.Н. Дорошенко, О.А. Шамрин. Под ред. С.В. Юрченко. – Симферополь: Издат дом «Крым», «Таврия», 2006. – 208 с.
 5. Остряно А. «Джерела особового походження»: семантика поняття // Єйдос. – 2010/2011. – Вип. 5. – С. 230–242.
 6. Папакін Г.В. Використання історичних джерел в археографічних публікаціях: суспільні виклики та наукові проблеми (роздуми архівознавця) // Український історичний журнал. – 2009. – № 6. – С.135–146.
 7. Святец Ю.А. Исторический источник: современная научная категория или архаизм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Вып. 6. – Мінск: БДУ, 2011. – С. 41–55.
 8. Сиполс В.Я. На пути к великой Победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. – М.: Политиздат, 1985. – 495 с.
 9. Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. 1945 год. – М.: Междунар. Отношения, 1984. – 96 с.
 10. Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». – М.: ТОО «Новина», 1996. – 221 с.
 11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 г. – Т. 4. – М.: Политиздат, 1979.
 12. Сосинский С.Б. Операция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). – М.: Международные отношения, 1969. – 127 с.
 13. Три подхода к войне и миру: Сталин, Рузвельт, Черчилль на Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и уроки для формирования новой системы международной безопасности / Матер. науч. конф. (5–7 февраля 2004 г.) Под ред. Юрченко С.В.. – Симферополь: ИПЦ «Магистр», 2004.
 14. Шевченко О.К. 1945–1974 гг. как период формирования советской историографии Ялтинской конференции / О.К. Шевченко // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 254. – С. 174–177.
 15. Шевченко О.К. Расцвет советской историографии ялтинской конференции в 1975–1987 гг. / О.К. Шевченко // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 257. – С. 115–120.
 16. Шевченко О.К. Ресурси наукового архіву Лівадійського палацу-музею і Кримська конференція 1945 р.: історіографічна розвідка // Вісник львівського університету. Серія міжнародні відносини. – 2013. – Вип. 33. – С. 47–54.
 17. Юдина Л.Д. Саки – «ворота» Крымской конференции. 1945 год. – Симферополь: магистр, 2005. – 48 с.
 18. Юрченко С.В. Гриф секретности снят: охрана Ялтинской конференции 1945 года / С.В. Юрченко. – Севастополь: Мир, 2003. – 178.
 19. Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира / С.В. Юрченко. – Симферополь: ИД «Крым», 2005. – 340 с.
 20. Ялта 1945–2000: проблемы международной безопасности на пороге нового столетия. Междунар. Науч. Симпозиум (4–7 февраля 2000 г., Ялта): Материалы / Под ред. В.П. Казарина. – Симферополь: Крымский архив, 2001.
 21. Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. Ред. Н.А. Нарочницкая. – М.: Вече, 2010. – 288 с.
 22. Ялтинская система и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности. Матер. науч. конф. (Ялта. 17–21 февраля 2010 г.). Под ред. С.В. Юрченко. – Симферополь: Антиква, 2010.
-
1. Shevchenko O.K. Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science. – 2013. – Issue: 12. – Vol. I. – № 2. – R. 39–42.
 2. Erusalimskij A.S. Krymskaya konferenciya: Stenogramma publichnoj lekci. – М.: «Pravda», 1945. – 26 s.
 3. Krymskaya (Yaltinskaya) konferenciya 1945 goda: uroki i perspektivy: Materialy mezhdunar. Nauch. Simpoziuma. – Simferopol': Krymskij arxiv, 1996.
 4. Krymskaya konferenciya v vospominaniyax i dokumentax / Sost. E.N. Doroshenko, O.A. Shamrin. Pod red. S.V. Yurchenko. – Simferopol': Izdat dom «Krym», «Tavriya», 2006. – 208 s.
 5. Ostryanko A. «Dzherela osobovogo pochodzhennya»: semantika ponyattya // Єйдос. – 2010/2011. – Вип. 5. – С. 230–242.
 6. Papakin G.V. Viktoristannya istorichnix dzherel v arxeografichnix publikacijax: suspil'ni vikliki ta naukovi problemi (rozdumi arxivoznavcya) // Ukrain'skij istorichnij zhurnal. – 2009. – № 6. – S.135–146.
 7. Svyatec Yu.A. Istoricheskij istochnik: sovremennaya nauchnaya kategoriya ili arxaizm // Krynicaznaўstva i specyjal'nyya gistorychnyya dyscypliny: navuk. zb. – Vyp. 6. – Minsk: BDU, 2011. – С. 41–55.
 8. Sipols V.Ya. Na puti k velikoj Pobede: Sovetskaya diplomatiya v 1941–1945 gg. – М.: Politizdat, 1985. – 495 s.
 9. Sipols V.Ya., Chelyshev I.A. Krymskaya konferenciya. 1945 god. – М.: Mezhdunar. Otnosheniya, 1984. – 96 s.
 10. Slavinskij B.N. Yaltinskaya konferenciya i problema «severnix territorij». – М.: TOO «Novina», 1996. – 221 s.
 11. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyx konferenciayah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 g. – Т. 4. – М.: Politizdat, 1979.
 12. Sosinskij S.B. Operaciya «Argonavt» (Krymskaya konferenciya i ee ocenka v SShA). – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1969. – 127 s.
 13. Tri podxoda k vojne i miru: Stalin, Ruzvel't, Cherrhill' na Krymskoj (Yaltinskoj) konferencii 1945 g. i uroki dlya formirovaniya novej sistemy mezhdunarodnoj bezopasnosti / Mater. nauch. konf. (5–7 fevralya 2004 g.) Pod red. Yurchenko S.V. – Simferopol': IPC «Magistr», 2004.
 14. Shevchenko O.K. 1945–1974 gg. kak period formirovaniya sovetskoj istoriografii Yaltinskoj konferencii / O.K. Shevchenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2013. – № 254. – С. 174–177.
 15. Shevchenko O.K. Rascvet sovetskoj istoriografii yaltinskoj konferencii v 1975–1987 gg. / O.K. Shevchenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2013. – № 257. – С. 115–120.
 16. Shevchenko O.K. Resursi naukovogo arxivu Livadijs'kogo palacu-muzeyu i Krims'ka konferenciya 1945 r.: istoriografichna rozvidka // Visnik I'viv'skogo universitetu. Seriya mizhnarodni vidnosini. – 2013. – Vip. 33. – С. 47–54.

17. Yudina L.D. Saki – «vorota» Krymskoj konferencii. 1945 god. – Simferopol': magistr, 2005. – 48 s.
18. Yurchenko S.V. Grif sekretnosti snyat: oxrana Yaltinskoj konferencii 1945 goda /S.V. Yurchenko. – Sevastopol': Mir, 2003. – 178.
19. Yurchenko S.V. Yaltinskaya konferenciya 1945 goda: xronika sozdaniya novogo mira / S.V. Yurchenko. – Simferopol': ID «Krym», 2005. – 340 s.
20. Yalta 1945–2000: problemy mezhdunarodnoj bezopasnosti na poroge novogo stoletiya. Mezhdunar. Nauch. Simpozium (4–7 fevralya 2000 g., Yalta): Materialy / Pod red. V.P. Kazarina. – Simferopol': Krymskij arxiv, 2001.
21. Yalta-45. Nachertaniya novogo mira / Otv. Red. N.A. Narochnickaya. – M.: Veche, 2010. – 288 s.
22. Yaltinskaya sistema i sovremennyj mirovoj poryadok: problemy global'noj i regional'noj bezopasnosti. Mater. nauch. konf. (Yalta. 17–21 fevralya 2010 g.). Pod red. S.V. Yurchenko. – Simferopol': Antikva, 2010.

UDC 930.2

SOURCE STUDIES OF THE CRIMEAN CONFERENCE 1945: TO THE QUESTION ON SCIENTIFIC ETHICS

Shevchenko Oleg Konstantinovich,

Humanitarian-pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Candidate of philosophical sciences, Associate Professor,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Annotation

Historical texts about Yalta are not in the format of a dry analysis of the facts, and colorful combining micro history and macro life history of co-existence. The reason – ignoring the immutable rules of processing historical source in favor of the brilliance of the text and a broad analysis stratagem geopolitical allies.

Key words:

Yalta-45, Yalta conference historiography, source studies, historical epistemology.

УДК [1:52] 19/20

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 20–21 ВВ. И СТРАНЫ БРИТАНСКОГО СОДРУЖЕСТВА

Мирошников Олег Анатольевич,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте,
доктор философских наук, профессор,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Аннотация

Исторический дискурс 20–21 вв. в странах Британского содружества можно определить как революционный переход от одной системы свободы к другой. Он имеет свои особенности, определяемые внешним влиянием. Благодаря дипломатическим усилиям Англии США в этом влиянии была отведена наиболее одиозная роль – поддержки ультраправых движений.

Ключевые слова:

дискурс, система свободы, революция, политическая сила, анархия.

Введение. Развитие стран Британского содружества отличается определенным своеобразием. Получение ими независимости в большинстве случаев не было связано с восстаниями и военными действиями (как это было с колониями Франции и Португалии). Они достигли независимости, будучи внешне политически стабильными. Все это, однако, не избавило их от проявлений политического экстремизма уже после получения независимости.

Целью нашего исследования является выяснение внутри- и внешнеполитических причин развития в этих странах политических движений ультраправого толка.

Изложение основного материала. Победа во Второй мировой войне определила решающую роль в послевоенном мире

трех держав: СССР, Англии и США. В этой «тройке» Англия была наиболее слабой и занимала самую правую позицию. Английская колониальная империя была самой большой: и по территории, и по населению. Помимо «жемчужины британской короны» – Индии, в нее входили страны Черной Африки и мусульманского Востока (последние занимали север Африки и западную часть Азии). Однако было уже ясно, что колониальная империя Англии доживает последние дни. И главные союзники Англии, более сильные, чем она, были главными претендентами на английские владения. В этих условиях политика «блестящей изоляции», характерная для Англии на протяжении последних столетий, должна была претерпеть очередную трансформацию.

Прежде всего, Англия уступила крайне правое место в «тройке победителей» США. Одновременно два англосаксонских государства противопоставили себя третьей державе – СССР. Начало этому противостоянию положила Фултонская речь У. Черчилля от 5 марта 1946 г. Черчилль в этой речи, в частности, утверждает, что Россия желает «безграничного распространения своей мощи и своих доктрин». «Русские, – продолжает он далее, – почитают лишь силу и презирают слабость, поэтому необходимо объединение западных стран, прежде всего США и Англии, против России» [8, с. 353].

Намерением Черчилля было «заставить Союз уйти из Восточной Европы, распустить зависящие от него компартии, вывести войска из Германии, не посягать на британское влияние в Азии и Африке [1, с. 119].

Здесь мы будем говорить лишь о последствиях Фултонской речи для данного региона. Именно после нее, под влиянием в значительной степени Англии, начинается процесс перехода Соединенных Штатов на антикоммунистические позиции в странах Черной Африки и мусульманского Востока.

Представляется достаточно перспективным использовать для исследования происходящей в данном регионе трансформации разработанную нами схему «систем свободы».

Первая и наиболее долговечная из систем свободы – трибалистская. Она характерна для первобытных народов. Понятие свободы в этой системе носило, в основном, негативный характер: человек свободен в своих поступках по отношению к «внешнему», к тому, что не принадлежит к его роду или племени, будь то предмет одушевленный, неодушевленный или подобный ему человек.

Следующая по времени возникновения система свободы – азиатская. Она характерна для древних и средневековых обществ Востока, но также для империи инков в Америке и некоторых европейских госу-

дарств древности. Здесь также нет свободных людей, но есть люди, менее несвободные, чем другие. Это те, кто располагает большим имуществом или повелевают большим количеством людей, занимает в общественной или государственной иерархии более значительное место.

Еще одна система древности – полисная – возникла позже азиатской, существовала долгое время бок о бок с ней, но оказалась не столь долговечной. Эта система возникает в Древней Греции и у ряда народов Апеннинского полуострова. У всех этих народов царская власть если и появлялась, то не смогла развиваться в деспотизм восточного типа, и, в конечном счете, оказалась свергнутой аристократией, а власть последней в некоторых городах-государствах в ходе дальнейшей борьбы в свою очередь оказалась свергнутой, что привело к установлению демократического правления. Отсюда – два варианта данной системы – аристократический и демократический.

В основе христианской системы свободы – договор между Богом и человеком. Перед этим договором все равны: государь и ничтожнейший из его подданных; в случае нарушения договора монархом (вероотступничества монарха) подданные освобождались от обязанностей по отношению к последнему. В средние века данное положение не раз вспоминали папы, используя его в борьбе с императорской властью (интердикт).

В рамках азиатской деспотии как форма сопротивления ей, форма своеобразной духовной оппозиции родилась буддийская система свободы. Получившая распространение главным образом в странах Юго-Восточной Азии, буддийская система вобрала в себя все, оставшееся за пределами системы азиатской, господствовавшей дотоле в данном регионе безраздельно.

Исламская система свободы возникает среди кочевников и торговцев Аравии, там, где трибалистская система свободы вступает во враждебное противостояние с азиатской:

она впитывает элементы обеих. Хотя здесь уже сказывается влияние ранее возникшей христианской системы, фактически принимаются лишь те элементы последней, которые не противоречат усвоенным элементам первых двух. В итоге возникла система более гибкая и способная к мимикрии во времени и пространстве, чем система азиатская, но с более жесткой догматикой, чем христианство и буддизм.

На пороге Нового времени появляется и начинает развиваться нейтральная система как переходная форма, по-видимому, для всего человечества. В том или ином варианте ее прошли или находятся в ее пределах все народы. Большинство стран Азии и Африки (в том числе почти все страны Британского содружества) находятся в 20–21 вв. в пределах этой модели.

Элементы уравнительности, содержащиеся в христианской модели и, в радикальной их форме, отвергнутые на Западе, именно в этой радикальной их форме привились на Востоке и Юго-Востоке Евразии. В итоге на свет явилась восточная система свободы. Эта система предполагает свободу государства и несвободу составляющих его элементов, будь то коллективы или отдельные личности.

Наконец, западная система. Для нее уже характерно представление о преодолении отчуждения как процессе практически бесконечном. На данном этапе ее развития на передний план выходит борьба за свободу личности, но это лишь одна из двух тенденций, определяющих ее развитие. Другая тенденция – борьба за свободу различного рода объединений, коллективов внутри гражданского общества и государства [6, с. 24–25].

Переход от азиатской, буддийской, исламской и христианской систем свободы к нейтральной рассматривается как революция. В каждой из стран, где происходит революционный процесс, это связано с последовательным насильственным переходом власти от одной политической силы к другой,

а затем к третьей и т. д. Подобный процесс можно было наблюдать и в странах мусульманского Востока, и Черной Африки во второй половине 20 – начале 21 вв.

В распадающейся колониальной империи Британия поддерживала тот блок политических сил, который можно назвать правоцентристским. Но на мусульманском Востоке это монархии, в Черной Африке – одна или несколько партий (правые, но не ультраправые, и центр). Влияние метрополии не распространялось на левые, равно как и на ультраправые политические силы.

Позиции Англии, даже в получивших независимость странах, казались достаточно прочными, но на деле таковыми не являлись. Достаточно было одного переворота, чтобы разрушить создававшуюся десятилетиями правоцентристскую систему.

И для Черной Африки, и для мусульманского Востока силами, разрушившими проанглийскую систему власти, являлись национализм (в особенности левый) и социализм (в основном немарксистский). Между этими двумя политическими силами грань была достаточно тонкой. Характерно, что левонационалистическая партия Баас (Партия арабского возрождения) уже через несколько лет после своего возникновения трансформировалась влево, приняв название Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Но еще раньше, в середине 60-х гг., партия Баас в Сирии провела национализацию нефтяных промыслов, ранее принадлежавших западным монополистам [3, с. 278].

В эту эпоху в Африке и на Ближнем Востоке социализм вообще был в моде. Национальные движения нередко называли себя социалистическими, порой без достаточных на то оснований.

Алжирец Ф. Фанон считал даже непременным условием для установления социализма вооруженную борьбу. Отрицая революционность рабочего класса, он все надежды связывал с крестьянством, веря и в его

революционность, и в его социалистический характер [9, с. 170–171].

Сенегалец Л. Сенгор также полагал, что состоящее в основном из крестьян африканское общество является «традиционно социалистическим», поскольку основывается на общине [4, с. 147].

К. Нкрума (Гана), потерпев неудачу с некапиталистическим развитием в Гане, видел выход в социалистической революции, которая должна была, как он полагал, охватить всю Африку. Чтобы противостоять старой колониальной и нынешней неоколониальной политике с принципом «разделяй и властвуй», Африка должна объединиться [11, с. 187]. Прогрессивное развитие африканских стран связано с успехами мирового социалистического движения [12, с. 88].

Панафриканизм уже с 1945 г. выступал за сплочение всех освободительных движений в Африке в борьбе против колониализма, в каких бы формах ни выступал этот последний. У. Дюбуа, призывая народы Африки к жертвам во имя единения, писал: «Когда в племени рождается ребенок, он оплачивает свое воспитание одной ценой – отказывается в интересах племени от части личной свободы. Либо он постигает эту истину, либо погибает. Когда племя становится союзом племен, каждое отдельное племя отказывается от части своей свободы в пользу всего союза племен. Когда складывается нация, все составляющие ее племена, роды и группы должны поступиться властью и отдельными свободами во имя интересов нации. В противном случае нация умрет еще до того, как родится» [2, с. 13–14].

В арабских странах Азии и Африки большое влияние имела позиция Г. А. Насера, который полагал, что во второй половине 20 в. одновременно осуществляется две революции: борьба за национальную независимость и борьба за социальное освобождение.

М. Каддафи разрабатывал, по собственному его выражению, «третью мировую теорию», проповедовавшую, в частности,

примирение классов. Однако условие такого примирения ливийский лидер видел в организации общества через первичные народные собрания [10, с. 206].

В этих условиях ужасом английской дипломатии было возможное, несмотря на идущую холодную войну, совпадение позиций США и СССР в поддержке антиколониальных сил (это и в самом деле можно было наблюдать во время Суэцкого кризиса). Поэтому английская дипломатия настойчиво толкала Америку вправо, убеждая заполнить вакуум на крайне правом фланге. Фултонская речь дала ощутимый толчок именно в этом направлении.

Уже спустя два года, в 1958 г., США и Англия совместно принимают участие в агрессии против Ливана и Иордании [5, с. 62].

Однако переход США на более правую, по сравнению с Англией, позицию произошел несколько позднее. Пожалуй, мы не ошибемся, если отнесем этот переход к самому началу 60-х гг. Тогда, в сентябре 1960 г., с подачи Соединенных Штатов, полковник Ж. Мобуту совершил военный переворот, свергнув левое правительство П. Лумумбы [7, с. 101]. Режим, который явился последствием этого переворота, можно характеризовать как один из наиболее правых на африканском континенте.

С этого времени Соединенные Штаты, и не только в данном регионе, начинают поддерживать именно ультрареакционные силы, те силы, которые избегают поддерживать имеющие давний опыт общения с народами колоний англичане. «Мы старые колониальные державы, мы научились не играть с огнем», – говорит своему американскому приятелю английский журналист в романе Грэма Грина «Тихий американец».

Грин и его герой, который говорит от имени автора, имеют в виду именно данное обстоятельство – опасность опоры на крайне правые силы в колониях, пусть и бывших. «Старые колониальные державы», Британия прежде всего, имеют опыт «игры с огнем», как положительный, так, в еще большей сте-

пени, отрицательный. Здесь можно вспомнить и подвиги ставших легендой британской разведки Лоуренса Аравийского и Бернса Бухарского, которые использовали исламских экстремистов для подрыва той власти, которую англичане желали низвергнуть. Но перевешивал отрицательный для Британии опыт: восстание сипаев в Индии, восстание «дервишей» в Судане и т. п.

Один из революционных переворотов свергает монархию, устанавливая революционное правление. Большинство народа при этом проявляет себя как конформисты, не противясь республиканскому перевороту. Новая волна недовольных находилась позже среди самих участников переворота. Однако, свергнув на этот раз уже республику, участники переворота открывают тем самым дорогу анархии, отрезая все иные пути: с одной стороны, уже невозможно восстановить свергнутую монархию, с другой, невозможно оказывается утвердить иное республиканское правление, взамен свергнутой республики. Поэтому устанавливается анархия, зачастую надолго, а тот порядок, который, в конечном счете, рождается из нее, оказывается еще более отвратительным, чем существующий хаос. Чаще всего это диктатура ультраправого, либо крайне левого толка.

Последовательность революционного процесса в данном регионе выглядит, в общем, следующим образом. Вначале у власти находится правый центр (монархия или республиканская коалиция соответствующих партий). Затем к власти приходят более левые политические силы – республика. Следующим этапом (в ряде стран он существует в настоящее время) является анархия. В ближайшем будущем можно ожидать установления ультраправой или крайне левой диктатуры.

Насколько успешной можно считать английскую политику в данном регионе. На первый взгляд это была достаточно успешная политика. Ведь политика вообще – искусство возможного. Британская империя была обре-

чена, и тот факт, что она продолжала и продолжает удерживать свои позиции в данном регионе, можно считать несомненной заслугой английской дипломатии.

В то же время в данном регионе наблюдается политический хаос, анархия, которая распространяет свое влияние на все новые страны. Виновником же этого хаоса следует считать не только Соединенные Штаты, которые поддержали крайне реакционные силы, но и Англию, которая искусно направляла политику Штатов именно в данном направлении.

Выводы. Как показывает сравнительный анализ условий развития политических сил и политических режимов в исследуемом регионе, именно поддержка здесь ультраправых сил Соединенными Штатами («с подачи» Англии) привели как к быстрому их росту, так и к созданию анархии в странах Черной Африки и мусульманского Востока.

1. Андерсон К.М. Уинстон Черчилль: Политик на все времена. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 127 с.
2. Брухнов М. Чака. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 192 с.
3. Майбаум Х. Сирия – перекресток путей и народов. – М.: Наука, 1982. – 320 с.
4. Мартышин О.В. Социализм и национализм в Африке. – М.: Наука, 1972. – 407 с.
5. Медведко Л.И. К востоку и западу от Суэца. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
6. Мирошников О.А. Отчуждение и свобода личности: ретроспектива и перспектива / Социологические проблемы творческого потенциала личности. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1993. – С. 21–30.
7. Пономаренко Л.В. Патрис Лумумба: Жизнь во имя свободы Африки. – М.: Изд-во УДН, 1989. – 128 с.
8. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. – М.: Международные отношения, 1989. – 456 с.
9. Ульяновский Р.А. Политические портреты. – М.: Политиздат, 1980. – 176 с.
10. Шеленков Г. Руководитель ливийской революции / О них говорят (20 политических портретов). – М.: Политиздат, 1989. – С. 194–212.
11. Nkrumah K. Africa Must Unite. – N.Y.: International Publishers. – 1980. – 229 p.
12. Nkrumah K. Class Struggle In Africa. – N.Y.: International Publishers. – 1981. – 96 p.

1. Anderson K.M. Uinston Cherrchill': Politik na vse vremena. – М.: AST-PRESS KNIGA, 2013. – 127 s.
2. Bruxnov M. Chaka. – М.: Molodaya gvardiya,

1974. – 192 s.

3. Majbaum X. Siriya – perekrestok putej i narodov. – M.: Nauka, 1982. – 320 s.

4. Martyshin O.V. Socializm i nacionalizm v Afrike. – M.: Nauka, 1972. – 407 s.

5. Medvedko L.I. K vostoku i zapadu ot Sue'ca. – M.: Politizdat, 1980. – 368 s.

6. Miroshnikov O.A. Otchuzhdenie i svoboda lichnosti: retrospektiva i perspektiva / Sociologicheskie problemy tvorcheskogo potentsiala lichnosti. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta, 1993. – S. 21–30.

7. Ponomarenko L.V. Patris Lumumba: Zhizn' vo imya

svobody Afriki. – M.: Izd-vo UDN, 1989. – 128 s.

8. Truxanovskij V.G. Uinston Cherrhill'. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989. – 456 s.

9. Ul'yanovskij R.A. Politicheskie portrety. – M.: Politizdat, 1980. – 176 s.

10. Shelenkov G. Rukovoditel' livijskoj revolyucii / O nix govoryat (20 politicheskix portretov). – M.: Politizdat, 1989. – S. 194–212.

11. Nkrumah K. Africa Must Unite. – N.Y.: International Publishers. – 1980. – 229 p.

12. Nkrumah K. Class Struggle In Africa. – N.Y.: International Publishers. – 1981. – 96 p.

UDC [1:52] 19/20

HISTORICAL DISCOURSE OF 20–21 CENTURIES AND COUNTRIES OF BRITISH COMMONWEALTH

Miroshnikov Oleg Anatoljevich,

Humanities and Education Science Academy (Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Doctor of philosophical sciences, Professor,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Annotation

Historical discourse of 20–21 centuries in the countries of the British community may be determined like revolutionary transfer from one liberty system to another. It has peculiar features that are determined by external influence. Through the diplomatic efforts of England the USA got the most odious role. It was the role of supporting the right-wing movement.

Key words:

discourse, liberty system, revolution, political power, anarchy.

УДК 327

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЕЁ МЕСТО В ФОРМИРУЕМОЙ НОВОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Фостийчук Виктор Викторович,

Мемориальный музей И. М. Поддубного,
кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Ейск, Россия,
E-mail: fost60@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается современное состояние системы международных отношений, проблема сокращения постсоветского геополитического пространства и необходимость принятия Россией серьёзных усилий к тому, чтобы стать одним из главных архитекторов новой системы международных отношений.

Ключевые слова:

Россия, система международных отношений, геополитическое пространство, постсоветский геополитический регион.

В Послании Президента Российской Федерации Путина В. В. Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. было отмечено, что «глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера. Ужесточается конкуренция за ресурсы» [5].

За несколько лет, прошедших после этого заявления Президента Российской Федерации, международная обстановка обострилась практически во всех геополитических регионах мира. Однако наиболее напряжённой и неустойчивой она стала вокруг России, вокруг её границ.

Современный мир находится в состоянии неустойчивости и нестабильности, стоит на пороге новой мировой войны.

Осуществляются сценарии раскола политической структуры мира, принимаются активные усилия по слому Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, формированию новой системы, которую предстоит сформировать основным геополитическим субъектам. При этом из списка главных архитекторов новой системы международных отношений планируется вычеркнуть Российскую Федерацию.

Следует отметить, что за время, прошедшее с 1945 года, когда СССР являлся ключевым мировым игроком, произошло

много знаковых исторических событий. Советский Союз прекратил своё существование, распался на множество частей. Прекратил своё существование Варшавский Договор, в котором доминировал СССР. Развалилась мировая социалистическая система. Страны социализма, в подавляющем большинстве своём, отвернулись от своего идеологического лидера и повернулись лицом к Западу, найдя в нём нового лидера и защитника.

Военная мощь нашей страны резко сократилась. К моменту распада СССР (1991 г.) численность ВС составляла 3 млн. человек [2, с. 162], в января 2005 г. численный состав ВС РФ составлял 1 миллион 100 тысяч военнослужащих [4]. По оценочным данным, сообщённым на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны РФ 11 декабря 2015 г., штатная численность Вооружённых Сил России составляет 900 тысяч человек, при общей численности около 980 тысяч [3].

Как подчёркивает Константин Сивков, первый вице-президент Академии геополитических проблем, «опираясь на требуемую численность военного времени в 3,5 миллиона и средний коэффициент мобилизационного развертывания в 2,3–2,7 (по опыту Второй мировой войны, конфликтов второй половины XX – начала XXI века), можно определить минимально необходимый состав Вооружённых Сил Российской Федерации мирного времени – 1,2–1,5 миллиона человек» [6]. Автор также неоднократно обращал внимание в своих работах на недостаточную численность наших ВС, в первую очередь с связи с самыми протяжёнными сухопутными границами и наличием по их периметру целого ряда недружественных стран.

В Вооружённые Силы России многие годы не поступала новая военная техника, государственные программы вооружений не выполнялись, в связи с этим ухудшалась техническая оснащённость армии, росла степень амортизационной изношенности вооружений и военной техники, сокращалось соотношение современного вооружения и во-

енной техники к их общему числу. Надо при этом заметить, что по количеству военной техники Вооружённые Силы России являются первыми в мире. Однако лишь 30% техники в войсках относится к новым образцам [8].

В России реально существует проблема сохранения и развития военных технологий, благодаря наличию которых Советский Союз был одной из сверхдержав. Эта проблема может стать одной из не прямых причин отстранения России от решения мировых проблем, от создания и управления новой системой международных отношений. В нашей стране сократились по сравнению с СССР производственные возможности в области 84 критических военных технологий. Интересен следующий факт, полученный в результате исследований интегральной мощи 100 ведущих стран мира [1, с. 26–27]. У Соединённых Штатов Америки и Великобритании, активных участников создания Ялтинско-Потсдамской системы, по всем технологиям производственные возможности есть. В США 82 технологии имеются полностью, 2 – имеются в большинстве; в Великобритании – 36 полностью, 34 – имеются в большинстве. В нашей стране имеются полностью производственные возможности по 14 технологиям, по 30 – имеются в большинстве. Следует при этом отметить, что у Германии эти показатели 20 и 40 технологий – соответственно, у Франции – 29 и 39. Эти страны претендуют на места вершителей судеб мира в формирующейся системе международных отношений и их показатели по данным 2008 г. были значительно лучше, чем у России. При этом нельзя забывать о Японии, у неё из 84 технологий 28 имеются полностью и 29 – в большинстве. Китай по имеющимся военным технологиям уступает всем выше-названным странам, однако целеустремлённо, настойчиво создаёт и внедряет их.

Геополитическое пространство бывшего Советского Союза (постсоветский геополитический регион) с 1991 г. имеет устойчивую тенденцию к своему сокращению. При этом стоит подчеркнуть, что свободное от актив-

ного влияния Российской Федерации бывшее «своё» пространство сразу же занимает другой геополитический субъект. Действие законов и закономерностей геополитики никто не отменял.

Автором в своём диссертационном исследовании [7, с. 193] была предложена схема глобального геополитического пространства, состоящего из восьми геополитических регионов. Бывшие прибалтийские республики СССР в силу своего явного движения от России к Европе были отнесены к Европейскому геополитическому региону, в частности, к восточноевропейскому геополитическому субрегиону. В этот же субрегион вошла и Молдавия, но произошёл этот переход в новый субрегион в начале XXI века.

Постсоветский геополитический регион, состоит из трёх геополитических субрегионов: восточнославянского, закавказского и среднеазиатского. За почти двадцать пять лет, прошедших с момента распада СССР, геополитическое пространство региона испытало на себе действие глобальных и региональных геополитических процессов.

Так, пространство восточнославянского геополитического субрегиона претерпело существенные изменения, испытало на себе действие процессов дефрагментации. Вместо трёх государств в его составе на сегодняшний день остаётся два. Возможно, выход Украины из субрегиона и её движение в направлении восточноевропейского субрегиона активизирует подобное движение в Европу Беларуси. В случае развития сценария в подобном направлении восточнославянский субрегион как геополитическое пространство трёх восточнославянских государств окончательно потеряет всякий смысл называться «восточнославянским» и приобретёт своё название по территории единственного государства в этом субрегионе – «российский геополитический субрегион».

Закавказский геополитический субрегион, ранее состоявший из трёх государств, также испытывает на себе серьёзное воз-

действие геополитических процессов, в первую очередь процессов дефрагментации и дезинтеграции. Грузия сделала свой выбор в пользу Европы и является её анклавом на постсоветском пространстве. Азербайджан всё больше позиционирует себя со страной Ближне- и Средневосточного геополитического региона. Армения в окружении подобных соседей может стать анклавом постсоветского пространства в Закавказье. Наихудшим сценарием для Армении является захват её территории соседней Турцией, региональным лидером Ближне- и Средневосточного геополитического региона.

Испытывает на себе действие раздельных процессов и среднеазиатский (центральноазиатский) геополитический субрегион. На территории этого пространства не позиционирует себя с постсоветским геополитическим регионом Туркменистан, не состоящий в интеграционных объединениях, создаваемых бывшими республиками Советского Союза. В тоже время Туркменистан часть единого субрегиона.

Следует подчеркнуть, что Соединённые Штаты Америки, по-прежнему стремящиеся единолично определять судьбы мира, продолжают реализовать свой план по дефрагментации пространства нашей страны. СССР по действующему в США закону «О порабощённых нациях» (Public Law-86-90) от 17 июля 1959 г. должен быть расчленён на 22 части. Этот закон, принятый Сенатом США и Палатой представителей и утверждённый Президентом США Д. Эйзенхауэром, является правовой основой создания и поддержки Соединёнными Штатами Америки новых независимых государств на постсоветском геополитическом пространстве. В этом законе отражено подлинное отношение США, всего Запада к России.

Геополитическое противоборство в глобальном геополитическом пространстве разворачивается во всех его подпространствах с использованием цивилизационной, информационной, территориально-географической

и военно-стратегической форм борьбы. Геополитическое противоборство осуществляется во всех сферах реализации национальных интересов – в политической, экономической, военно-стратегической, информационной, идеологической и культурной. В противоборстве в постсоветском геополитическом пространстве участвуют все основные геополитические субъекты, прежде всего США, НАТО, ЕС, Германия, Франция, Турция, Китай, Япония и ряд других. Россия в этом противоборстве находится по другую сторону баррикад. Способы достижения целей противоборства самые разнообразные. Используются невоенные средства, в первую очередь экономические, политические, информационные, применяется военно-силовое давление, военное насилие. Формами борьбы с Российской Федерацией на геополитической арене стали: политический диктат, демонстрация военной силы, иммиграция, языковое давление, информационные атаки, экономическое закабаление, культурное проникновение, навязывание определённого образа жизни.

В настоящее время в отношении России введены жёсткие ограничительные санкции, вокруг России создаётся «пояс жёсткости», затягивающийся в соответствии со стратегией «анаконды». Против России развязана настоящая информационная война, в которой в её адрес звучат обвинения в агрессии на Украине, в авианалётах на госпитали и мирные объекты в Сирии.

Нарастает количество вооружений, военной техники, личного состава стран НАТО как в самих странах-участницах блока, так и в непосредственной близости от границ России, проводятся многочисленные военные учения вооружённых сил США и их союзников по НАТО, окончательно сбросивших маску двуличия после революции «достоинства» на Украине, начала на её востоке антитеррористической операции, вхождения Крыма в состав России. Натовские и американские «партнёры» в один момент превратились в противников.

К сожалению, в настоящее время, в условиях полицентричного мира, когда на мировой арене доминирует геополитическая парадигма сетевых структур, приходится констатировать недостаточное и ограниченное влияние Российской Федерации как на государства, входящие в состав «своего» постсоветского региона, так и на другие геополитические регионы: Европейский, Ближне- и Средневосточный, Индийский, Азиатско-Тихоокеанский, Североамериканский, Латиноамериканский, Африканский, а также на многочисленные легальные и нелегальные сетевые структуры.

Российской Федерации, как стране, сыгравшей ведущую роль в создании и функционировании Ялтинско-Потсдамской системы, необходимо предпринять серьёзные усилия к тому, чтобы стать одним из главных архитекторов новой системы международных отношений. Для достижения этой цели России необходимо выстроить стройную систему геополитических отношений с ведущими геополитическими субъектами, такими как США, НАТО, Китай, Индия, Германия, Франция, Япония и рядом других, продуманно осуществлять геополитические отношения со своими географическими соседями.

Необходимо всеми средствами предотвратить военное противостояние со странами Запада, не допустить его перерастания в «горячий» военный конфликт, полномасштабную войну регионального или мирового масштаба.

1. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад-2008 к обсуждению. 2-е издан. дополн. М.: Международная Академия исследований будущего, 2008. С. 26–27.

2. Кривенко А.М. Военная организация государства (социально-философский анализ). М.: Военный университет, 2001. С. 162.

3. Мураховский В.И. О численности Вооружённых Сил России. bmpd [блог]. 13.12.2015. // URL: <http://bmpd.livejournal.com/1623845.html#comments> (дата обращения: 19.02.2016).

4. Независимое военное обозрение. 2004. № 27.

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2012. 13 декабря.

6. Сивков К. Обоснование численности ВС России // Военно-промышленный курьер. 2012. № 51.

7. Фостичук В.В. Геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Дис. ... канд. полит. наук. М., ВУ, 2005. С. 193.

8. Цыганок А. Вооружены и очень опасны // Наша версия. 2015. № 47.

1. Global'nyj rejting integral'noj moshhi 100 vedushhix stran mira. Doklad-2008 k obsuzhdeniyu. 2-e izdan. dopoln. M.: Mezhdunarodnaya Akademiya issledovanij budushhego, 2008. S. 26–27.

2. Krivenko A.M. Voennaya organizaciya gosudarstva (social'no-filosofskij analiz). M.: Voennyj universitet, 2001. S. 162.

3. Muraxovskij V.I. O chislennosti Vooruzhyonnyx Sil Rossii. bmpd [blog]. 13.12.2015. // URL: <http://bmpd.livejournal.com/1623845.html#comments> (data obrashheniya: 19.02.2016).

4. Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2004. № 27.

5. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii // Rossijskaya gazeta. 2012. 13 dekabrya.

6. Sivkov K. Obosnovanie chislennosti VS Rossii // Voенно-промышленный кур'ер. 2012. № 51.

7. Fostichuk V.V. Geopoliticheskie processy v Aziatsko-Tixookeanskom regione i ix vliyanie na obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Dis. ... kand. polit. nauk. M., VU, 2005. S. 193.

8. Cyganok A. Vooruzheny i ochen' opasny // Nasha versiya. 2015. № 47.

UDC 327

RUSSIAN FEDERATION AND IT'S PLACE IN THE FORMING OF A NEW SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Fostichuk Victor Victorovich,

Memorial Museum of I.M. Poddubny,
Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher,
Ejsk, Russia,
E-mail: fost60@mail.ru

Annotation

The article discusses the current state of international relations, the problem of reduction in the post-Soviet geopolitical space and the need for Russia to serious efforts to become one of the chief architects of the new system of international relations.

Key words:

Russia, the system of international relations, geopolitical space, the post-Soviet geopolitical region.

УДК 327.54

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВОЙН: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ

Семченков Андрей Сергеевич,

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ),
профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии»,
доктор политических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: andsem4@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается опыт СССР по предупреждению межгосударственных вооруженных конфликтов. Основными инструментами предотвращения войн стали формирование пояса безопасности по границам страны и непрямое использование военной силы в виде стратегического сдерживания агрессии против СССР на глобальном и региональном уровнях.

Ключевые слова:

война, предотвращение, дипломатия, Советский Союз, асимметрия.

Военные конфликты были и остаются одной из главных проблем в истории человечества, и задача их предотвращения постоянно находится в центре внимания не только отдельных государств, но и всего мирового сообщества. Россия, будучи практически все время своего существования вовлеченной в те или иные войны, обладает значительным опытом как их ведения, так и предупреждения. В данной связи представляется востребованным обращение к советскому опыту предотвращения войн как к системной попытке нашей страны воспрепятствовать возникновению данного рода межгосударственных конфликтов.

Советский опыт предотвращения войн был связан со снижением военных угроз безопасности СССР как дипломатическими, так и силовыми средствами. Военные угрозы безопасности СССР в первые годы его существования вытекали из попыток Британии

и Франции создать антисоветскую коалицию с участием Польши и Германии, а также реализации плана финансово-экономической изоляции Советского Союза – «золотой блокады», серьезно препятствовавшей индустриализации страны. Данные стратегии великих европейских держав сегодня рассматриваются исследователями как предшественники холодной войны. Американские исследователи Ю. Трани и Д. Дэвис ведут отсчет первой холодной войны с 1920 г., когда В. Вильсоном и Д. Ллойд Джорджем в отношении советской России были разработаны и начали реализовываться стратегии «карантина» и «кольцевого барьера» [4, с. 3–6].

Вошедший в историю СССР 1927 г. как год «военной тревоги», вооруженный конфликт на КВЖД в 1929 г., спровоцированный Японией и Великобританией, провокации на советских границах, попытки Франции

заставить Германию пойти на пересмотр Раппальского договора, мировой экономический кризис потребовали от советского руководства усилить обороноспособность СССР [2, с. 98]. Поэтому первоначально для формирования пояса безопасности вокруг СССР были задействованы «мягкие» дипломатические методы – с соседними государствами заключались договоры о нейтралитете и дружбе.

Так, 24 апреля 1926 г. между СССР и Германией был заключен договор о нейтралитете и ненападении, предполагавший отказ от вступления стран в военные и финансово-экономические коалиции, направленные против одной из договаривающихся сторон. Одновременно для обеспечения безопасности РСФСР, а затем и Советского Союза органами ВЧК – ГПУ – ОГПУ были проведены несколько операций по нейтрализации подпольных контрреволюционных организаций, дезинформации противника относительно реального военного потенциала и мощи Красной армии, что привело к отказу западных правительств от интервенции против СССР. Это операции «Заговор послов» (1918), «Трест» (1921–1927), «Синдикат» (1921–1927), работа межведомственного Бюро по дезинформации (1923–1927).

Формирование буферного пространства, отделявшего СССР от основных источников угроз его безопасности, стало частью реализовавшейся в 1930-е гг. системы мер и действий по предотвращению мировой войны. В.В. Серебрянников отмечает складывание советской и западной демократической моделей предотвращения Второй мировой войны. Советская модель отличалась последовательностью усилий по недопущению войны: СССР предлагал европейским и азиатским странам создать систему коллективной безопасности, коалицию антифашистских государств, способных силовым путем сорвать агрессию. Советский Союз выражал готовность и был реально способен выставить вооруженные силы такой численности, которые совместно

с коалицией армий западных демократий обеспечили бы превосходство над Германией как агрессором и сделали бы невозможной реализацию ее планов. Напротив, западная демократическая модель не была последовательной и предполагала преимущественно морально-психологическое воздействие на руководство нацистской Германии, отказ от идеи коллективной безопасности и совместного с СССР противодействия фашистской агрессии. Именно реализация западной модели явилась одной из предпосылок, не позволивших предотвратить Вторую мировую войну [5, с. 7].

Отказ Англии и Франции от своих обязательств по системе коллективной безопасности в Центральной и Восточной Европе после 1938 г. подтолкнул советское правительство перейти к созданию буферной зоны военно-политическими методами. Так, в ходе войны с Финляндией, а затем в результате присоединения прибалтийских республик, западно-украинских и западно-белорусских земель государственная граница СССР была значительно «отодвинута». Был заключен договор о ненападении с нацистской Германией, а поражение Японии на реке Халхин-Гол решающим образом повлияло на отказ правительства и генерального штаба этой страны от планов военной экспансии в Сибирь, заставило ее развернуть наступательные действия по Тихоокеанскому вектору. Однако, в силу ряда военно-политических и военно-стратегических причин, воспользоваться плодами данной внешней политики в полной мере СССР не смог.

Вслед за переломом в Великой Отечественной войне советское руководство приступило и в 1945 г. в целом сформулировало для себя модель обеспечения безопасности в послевоенном мире, реализовав ее затем на практике. Это была та же модель пояса безопасности по границам СССР. Первоначально намечалось, что пояс, называвшийся также «зоной безопасности», включил бы Финляндию, Норвегию, Швецию,

Чехословакию, Польшу, Венгрию, Румынию, Югославию, Болгарию, Турцию. Советские войска еще находились в Иране, оказывалась помощь Народно-освободительной армии Китая в борьбе с Чан Кайши. Все это предполагало весьма внушительную зону советской безопасности и влияния. Однако постепенно она стала сокращаться – в нее не вошли Норвегия и Швеция, Турция, откололась Югославия и было утрачено военное присутствие в северном Иране. Теперь пояс безопасности состоял из народных демократий и социалистических стран Центральной, Восточной и Южной Европы, нейтральных Финляндии и Австрии, Монголии, Китая, Северной Кореи. Гарантиями от распада данного пояса служили «жесткие» (военное присутствие в виде групп советских войск, экономическая зависимость от СССР как донора энергетических ресурсов, технологий промышленного развития, финансовой помощи, льготных цен на поставку товаров) и «мягкие» (формирование политических элит, позитивного образа Советского Союза, идеологическое влияние) методы, а также силовое сдерживание и взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество с нейтральными государствами.

В то же время основа государственной мощи и безопасности СССР – его экономика требовала скорейшего восстановления и перехода к дальнейшему ее развитию, для чего был разработан и реализован четвертый пятилетний план. Его цели, как подчеркивал И.В. Сталин, заключались в том, чтобы восстановить пострадавшие районы, довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства СССР и затем значительно превзойти эти показатели. Меры по восстановлению народного хозяйства предполагали широкомасштабное строительство, увеличение продукции промышленности и сельского хозяйства, рост производства электроэнергии, отмену карточной системы, денежную реформу и снижение розничных цен, наконец, развитие науки. Реализация этих планов в складывавшейся

международной обстановке холодной войны целиком и полностью зависела от гарантированной защиты от нападения и внутренних конфликтов. Обеспечение безопасности Союза усугублялось и конфронтацией с США, военное ведомство которых разрабатывало планы превентивной ядерной войны против СССР.

Советское правительство неоднократно пыталось дипломатическим путем остановить ухудшение отношений с западными державами: зондировалась возможность создания военного союза СССР и Британии, развития политических, торговых и культурных связей с США, возрождения встреч Большой Тройки лидеров бывших стран – участниц антигитлеровской коалиции. Однако экономическое и политическое проникновение США в Европу путем внедрения «плана Маршалла», вынужденный отказ СССР от пересмотра статуса черноморских проливов, возврата исторически принадлежащих Грузии и Армении территорий в Восточной Турции, участия в совместной советско-норвежской обороне и использовании Шпицбергена и острова Медвежий, раздела итальянских колоний в Африке, военного присутствия в Северном Иране отчетливо свидетельствовали о появлении признаков опасности.

Оттягивание ядерной войны дипломатическими мерами дополнялось подготовкой и реализацией технологического рывка в военной промышленности и обороне. Ценой отвлечения средств от мирного строительства была создана атомная, а затем водородная бомбы, армия получила управляемую ракетную технику, а военно-воздушные силы – реактивную авиацию, самолеты дальнего радиуса действия. Однако создание системы вооружений, адекватной атомной угрозе, заставило США отказаться от планов атомного блицкрига («Флитвуд» и «Тройан»), перенести сроки начала нападения на СССР (они сместились на 1957 г.), проводить массовые учения по гражданской обороне с охваченным паникой населением, которому до этого самим

американским правительством была наглядно продемонстрирована вся мощь ядерного оружия. В итоге искусной игры советского военно-политического руководства меры по максимально эффективному использованию фактора времени, полученное по итогам Второй мировой войны пространство безопасности и технологический рывок выравнивали возможности СССР и Запада в потенциальном конфликте.

Руководство СССР пыталось в общих чертах придерживаться политики предотвращения войн в период его послевоенного восстановления, которую вырабатывал И.В. Сталин. Под влиянием идей Г.М. Маленкова о снижении военной нагрузки на народное хозяйство в 1955 г. было проведено сокращение советских вооруженных сил на 640 тысяч человек, уменьшено военное присутствие за рубежом путем вывода войск из Австрии, Китая, Финляндии, Румынии, сокращения численности группировок в ГДР и Венгрии, передачи военных баз в Порт-Артуре и Порккала-Удд китайской и финской сторонам. Проблемные вопросы во взаимоотношениях Запада и стран социалистического лагеря пытались решать преимущественно дипломатическим путем. В обеспечении стратегического сдерживания ставка делалась на дальнюю и стратегическую авиацию, а в обеспечении регионального сдерживания — на мощные сухопутные войска.

Н.С. Хрущев, учитывая бесперспективность соревнования по общепринятым военным канонам с США, экономика которых была в 3 раза больше советской, пытался реализовать асимметричный подход к политике обеспечения национальной безопасности и в качестве приоритетов называл развитие ракетных вооружений и оснащенных ими Ракетных войск стратегического назначения, ракетного подводного флота и Войск ПВО страны, рассматривавшихся как «меч и щит СССР». Сухопутные войска, авиацию и флот предполагалось радикально сократить, поскольку в условиях ядерной войны они могли

быть быстро уничтожены. Решение задач по прикрытию территории СССР и защите его границ планировалось возложить на усиленные пограничные войска. Однако со снятием Хрущева с постов лидера партии и главы правительства от реализации этого подхода отказались.

Военно-политическое руководство СССР прибегало также к асимметричным и непрямым военным действиям, наиболее эффективным и одновременно опасным из которых стало проведение в 1962 г. операции «Анадырь» по скрытной доставке ядерного оружия и группы советских войск на Кубу с целью защиты этой республики от военного вторжения США. Была достигнута не только данная цель, но и получено согласие президента США Дж. Кеннеди вывести предназначенные для удара по территории СССР американские ракетные установки из Турции, что было позднее выполнено.

Опыт предвоенного обеспечения безопасности СССР и отражения агрессии против него в 1941–1945 гг. наложил серьезный отпечаток и во многом определил содержание послевоенной политики советского руководства. Стратегия национальной безопасности СССР, ориентировавшегося на предотвращение новой войны, более широкую интеграцию в мировую экономику и расширение своего влияния в международных делах как мирового центра коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, предусматривала: противостояние США и НАТО, а также другим военным блокам с их участием практически по всему миру; укрепление Организации Варшавского Договора, установление дружественных отношений и военно-политических союзов с максимальным числом государств, проводивших «антиимпериалистический» и антиамериканский курс; политическое и даже военное присутствие в ключевых районах мира, моральную и материальную поддержку просоветских сил, в исключительных случаях и вмешательство в конфликты на их стороне [3, с. 10–11].

Следуя этим направлениям, СССР был весьма глубоко вовлечен в межгосударственное противоборство со странами первого мира, и его политика обеспечения национальной безопасности стала принимать все более затратный и симметричный по используемым мерам характер.

Л. И. Брежнев, первоначально понимавший, что «расходы на армию и вооружения составляют большую нагрузку для нашего бюджета, для нашего народного хозяйства» и что ее надо снизить, фактически реализовал малоэффективный курс на «зеркальный» ответ военным угрозам в виде создания гигантских вооруженных сил, сравнявшихся, а по некоторым параметрам и превзошедших армию всех своих противников – не только КНР, Японии, стран НАТО, но и США. К 1971 г. СССР достиг паритета в стратегических ядерных силах с США, а к 1984 г. Советская Армия и Военно-морской флот были готовы отразить неядерную и ядерную агрессию и осуществить контрнаступление на трех театрах военных действий – в Европе, на Юге и Дальнем Востоке [1, с. 175–176]. При этом невоенные методы обеспечения безопасности СССР – пропаганда, психологические, информационные операции, зародившись, не получили дальнейшего развития. За пределами понимания политического руководства СССР остались методы экономического и финансового противоборства.

Продолжилось оказание безвозмездной, и в ряде случаев безвозвратной военной, экономической и политической помощи странам третьего мира. Хотя СССР и стал подрывать позиции США и их союзников в ключевых для их национальных интересов регионах (в Латинской Америке, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке), эта деятельность не носила полностью продуманного и просчитанного характера, выливаясь в немалые расходы.

Отметив данную тенденцию, США и их союзники стали использовать фактор широкой вовлеченности Советского Союза в войны

и конфликты в разных частях света, соперничества с первым миром, озабоченность советского руководства вопросами предотвращения мировой ядерной и неядерной войны. Это позволило втянуть СССР в локальные военные конфликты, в частности, в Афганистане, а также в дальнейшую гонку стратегических и обычных вооружений. Авторитет и лидерство СССР среди стран социалистического лагеря стали слабеть после чехословацкого и польского кризисов в 1968-м и 1980-м гг.

Широкое использование против Советского Союза методов информационно-психологической борьбы, финансовых и экономических диверсий, ответить на которые СССР адекватно по различным причинам не всегда мог, дало еще одно измерение вовлеченности – в невоенные формы противоборства. Усилия США и их союзников в середине 1980-х гг. привели к резкому падению цен на нефть на мировом рынке, что стало негативно сказываться на советской экономике, благополучие которой во многом зависело от экспорта энергоносителей. Отсутствие продуманной программы экономических реформ и финансовых ресурсов советское руководство компенсировало западными кредитами, превратив СССР в должника противостоящих ему государств. Благодаря операциям западных и некоторых азиатских спецслужб в Афганистане Советский Союз был весьма успешно противопоставлен исламистским силам. Одновременное поощрение националистических движений в Прибалтике, Средней Азии и Закавказье способствовало дестабилизации Советского Союза. В итоге этих действий экономика СССР была истощена, вслед за нею последовало резкое и масштабное сокращение военного присутствия за рубежом, политический крах руководства СССР и распад страны.

Уроком советского периода отечественной истории может служить тот вывод, что безопасность СССР была надежно гарантирована и обеспечивалась прежде всего благодаря наличию у него высокого потенциала эконо-

мической, политической и военной устойчивости к внешним и внутренним угрозам. Ослабление данного потенциала в результате не полностью продуманной экономической, торговой и военной политики, несмотря на наличие у СССР значительных возможностей для борьбы с субъектами угроз, привело к дестабилизации и разрушению Советского Союза, что лишь подтверждает этот вывод.

Уроки советского периода, в общем, были учтены в современной политике предотвращения войн, реализуемой Россией. На протяжении 1990-х и начала 2000-х годов положение РФ усугубляли внутренний системный кризис, дезорганизация институтов власти и системы обеспечения национальной безопасности, утрата стратегического предполя, военных, военно-воздушных и военно-морских баз в Европе, которые стали занимать войска НАТО.

Императивы развития России обусловили ее переход к асимметричной и ресурсно-эффективной стратегии защиты от угроз, наиболее значимыми среди которых для модернизирующегося государства являются угрозы внутренних и международных конфликтов. Однако полностью избежать вовлеченности в навязываемое оппонентами противоборство достаточно затруднительно: России приходится тем или иным образом реагировать на вызовы гонки вооружений, милитаризации космоса, развертывания систем стратегической противоракетной обороны и высокоточного оружия, активности неправительственных организаций и сетей, изыскивая и разрабатывая все новые асимметричные меры, перекрывающие «окна» своей уязвимости. Благодаря крайне осторожной и выверенной политике национальной безопасности Россия не была втянута в локальные войны США и их союзников с Югославией и Ираком, не участвовала в оказании давления на Иран, Венесуэлу, Белоруссию, не вмешивалась в другие конфликтные отношения развитых и развивающихся стран. В условиях внутреннего системного кризиса

и ослабления международных позиций это было единственно разумное поведение для нашего государства. Политика предупреждения войн стала опираться на принципы адекватного использования национальной мощи: это асимметрия и превентивность, приоритет невоенных и непрямых действий над прямыми, опора на стратегическое и региональное сдерживание.

Предотвращение вооруженных конфликтов и локальных войн сегодня также обеспечивается за счет их сдерживания. Оно предполагает предупреждение и нейтрализацию угрозы военного вторжения, основывающееся на способности вооруженных сил нанести неприемлемый ущерб агрессору. Стратегическое сдерживание заключается в планировании и осуществлении комплекса взаимосвязанных мероприятий в политико-дипломатической, военной, военно-технической, экономической, информационной и других сферах. Функции неядерного сдерживания осуществляются группировками сил общего назначения. Сдерживание от угроз региональной и крупномасштабной войны возлагается на стратегические ядерные силы, потенциал которых поддерживается на минимально достаточном уровне. Стратегическое сдерживание предусматривает демонстрацию военного присутствия и решимости применения военной силы, например, дозированное боевое применение отдельных компонентов сил сдерживания, повышение уровня их боевой готовности, проведение учений и изменение дислокации войсковых частей.

В рамках международного права Россия проводит прагматичную внешнюю политику, исключая конфронтацию, в том числе и гонку вооружений. Россия использует, прежде всего, политические, правовые, внешнеэкономические, а затем уже военные и иные инструменты защиты своего суверенитета и национальных интересов. В этой связи в России выработана концепция трансформации враждебных, конкурентных отношений

в нейтральные и партнерские, находящая конкретное выражение во внешнеполитическом курсе РФ в отношении Европы, Северо-Восточной Азии и стран СНГ, с которыми формируется пояс партнерства, сотрудничества и безопасности. Россия отказалась от широкого использования союзнических отношений со взаимными, а де-факто односторонними для нее обязательствами в сфере военной безопасности, заменив их на отношения стратегического партнерства в экономической сфере и сфере коллективной безопасности. Вместе с тем союзники у России есть. Это государства – члены ОДКБ, хотя их реальная помощь нашей стране в защите ее интересов ограничена вопросами коллективной безопасности в Восточно-Европейском, Кавказском и Центрально-Азиатском регионах.

1. Ефимов Н.Н. Красная империя: взлет и падение. Военная политика СССР (1917–1991 годы). М.: Рейтар,

2006. 296 с.

2. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование): 2-е изд. М.: КАНОН-пресс – Кучково поле, 1998. 462 с.

3. Капитанец И.М. Флот в войнах шестого поколения. Взгляды на концептуальные основы развития и применения флота России. М.: Вече, 2003. 480 с.

4. Окорок А.В. СССР против США. Психологическая война. М.: Вече, 2011. 320 с.

5. Серебрянников В.В. Предотвращение войн: теория и практика // Военная мысль. 2008. № 12. С. 2–13.

1. Efimov N.N. Krasnaya imperiya: vzlet i padenie. Voennaya politika SSSR (1917–1991 gody). M.: Rejtar, 2006. 296 s.

2. Zolotarev V.A. Voennaya bezopasnost' Otechestva (istoriko-pravovoe issledovanie): 2-e izd. M.: KANON-press – Kuchkovo pole, 1998. 462 s.

3. Kapitanec I.M. Flot v vojnah shestogo pokoleniya. Vzglyady na konceptual'nye osnovy razvitiya i primeneniya flota Rossii. M.: Veche, 2003. 480 s.

4. Okorokov A. V. SSSR protiv SShA. Psixologicheskaya vojna. M.: Veche, 2011. 320 s.

5. Serebryannikov V.V. Predotvrashhenie vojn: teoriya i praktika // Voennaya mysl'. 2008. № 12. S. 2–13.

UDC 327.54

WARDING OFF WARS: THE SOVIET EXPERIENCE

Semchenkov Andrey Sergeevich,

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT),
Professor of Department of Political Science, History and Social technologies,
Doctor of Science (Politics),
associated professor,
Moscow, Russia,
E-mail: andsem4@yandex.ru

Annotation

The article examines the experience of the USSR for the prevention of international armed conflicts. The main instruments to prevent wars were the formation by diplomatic means the security belt along the boundaries of the country and indirect usage of military force in the form of strategic deterrence of aggression against the USSR at the global and regional levels.

Key words:

war, prevention, diplomacy, Soviet Union, asymmetry.

УДК 930.1

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРНОЙ ВОЙНЫ

Масаев Михаил Владимирович,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте,
профессор кафедры философии и социальных наук,
доктор философских наук,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru

Разбеглова Татьяна Павловна,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте,
зав. кафедрой философии и социальных наук,
кандидат философских наук, доцент,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Аннотация

Феномен культурной войны относится к числу так называемых явлений, связанных с понятием войн без применения классических видов вооружений. В данном отношении актуальность проблемы несомненна. Цель работы – показать широту и многоаспектность такого явления, феномена, как война и культурные ценности человеческой цивилизации в контексте понятия «культурной войны».

Ключевые слова:

война, культура, ценность, культурная война.

Постановка и актуальность проблемы.

Один из важных аспектов стоящей в заголовке статьи проблемы – так называемый феномен **культурной войны**. Данный феномен относится к числу явлений, связанных с понятием войн без применения классических видов вооружений (экономические войны, концентрические войны, символические войны, кибервойны, гибридные войны и т. д.) [3]. В данном отношении актуальность работы несомненна.

Цель статьи – показать широту и многоаспектность такого явления, феномена, как война и культурные ценности человеческой цивилизации в контексте понятия «культурной войны».

Новизна работы связана и с самой постановкой проблемы, и с привлечением концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [4–9], поскольку парадигмальный образ цивили-

зации будущего должен задаваться идеями мирного существования народов и цивилизаций, где не будет места войнам никакого характера – ни так называемым «горячим», ни холодным, ни войнам с применением нетрадиционных типов вооружения, в том числе и культурным.

Мы не вводим в предмет нашего исследования проблему уничтожения культурных ценностей в ходе войны. Это относится скорее к проблематике традиционных, «горячих» войн. Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта от 14 мая 1954 г. касается именно традиционных военных действий, а не «культурной войны» в нашем понимании. К нашей концепции «культурной войны» можно привлечь, пожалуй, лишь положения Конвенции об обязательстве воспитывать личный состав вооружённых сил в духе уважения культурных ценностей всех народов [2, с. 607], но суть нашей концепции не в защите памятников материальной культуры в ходе военных действий, а в защите от уничтожения духовной культуры народов в ходе войны нетрадиционной.

Достаточно ярко феномен культурной войны иллюстрирует Марина Волочкова: «В последнее время из разных регионов страны приходят сообщения о выставках, которые устраивает небезызвестный галерист Марат Гельман. Как правило, эти выставки сопровождаются скандалами. Еще в 1992 году состоялся один из первых «художественных» проектов Гельмана: ритуально разрезана и съедена перед телекамерами жареная свинья, украшенная надписью «Россия». А в 2003 году была проведена экспозиция, при входе на которую стояла пластмассовая корова. Зрителям предлагалось заглянуть ей под хвост – называлась эта процедура «Загляни вглубь России» [1, с. 7].

«Общественность, – продолжает автор вышеозначенного материала, – возмущается так называемыми перформансами и инсталляциями М. Гельмана и его единомыш-

ленников. Протесты и даже столкновения граждан с охранителями подобного искусства приводят к тому, что в ряде регионов заявленные выставки так и не смогли открыться. Тем не менее, скандально известный галерист и политтехнолог с завидным упорством пытается ознакомить большинство регионов нашей необъятной родины с этим специфическим искусством» [1, с. 7].

Далее автор делает промежуточный вывод о том, что, навязывая обществу такое «искусство» подобного рода, этот так называемый «творец» Гельман ведет настоящую культурную войну против народа собственно той страны, где он находится и за счёт которого он даже живёт и здравствует.

Таким образом, культурная война, согласно дефиниции М. Волочковой, – «это система действий, направленная на слом и/или фундаментальную замену духовных ценностей, культурных образцов и норм, определяющих внутренние установки личности или целого народа» [1, с. 7].

Исходя из данного определения, получается, что даже без так называемой классической войны можно подорвать и духовный стержень, и культурные нормы и образцы, шлифуемые многими годами, а порой и столетиями, а также резко изменить и впоследствии даже манипулировать и внутренними установками как отдельной личности, так и целого этноса, делая его неспособным или мало способным на возможное последующее сопротивление на вторжение извне уже другого, более радикального характера, могущее проявиться на завершающем этапе даже классической войной и классическим завоеванием и порабощением.

Действительно, если бросить ретроспективный взгляд в так называемые «лихие девяностые», когда под давлением внешних «доброжелателей» пространство бывшего СССР подвергалось многочисленным экспериментам нового порядка, а концепты типа безальтернативных «рыночной экономики», «свободного рынка», «свободных нравов»,

«шоковой терапии» и т. п. безостановочно вбрасывались в плохо анализирующее сознание целых народов постсоветского пространства, можно прийти к согласованному выводу, что всё это было одним достаточно масштабным проектом, призванным ввергнуть «подопытный материал» в бездну так называемого пресловутого «управляемого хаоса», имевшего явную тенденцию трансформации в хаос неуправляемый. И составной частью этого проекта являлось сознательное конструирование ложных образов, подменяющих повседневную реальность на симулякры, нивелирующие даже общепринятые критерии истинности, чести, благородства и, естественно, высокой культуры.

Как следствие, поднимаются вопросы типа «замещения ценностей», смены так называемого «культурного ядра» в России: о замене ценностей или, другими словами, о смене «культурного ядра» заговорил еще в начале 90-х годов советник президента Б. Ельцина Анатолий Ракитов: «Было бы очень просто, если бы переход к этой (западной) цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения... Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры» [Цит. по: 1, с. 7].

Показательно, таким образом, что определение культурного ядра, которое использует Ракитов в своих исследованиях, определяется следующим образом: «Ядро культуры концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического, профессионального или религиозно-культурного целого. <...> Главная функция

ядра культуры – сохранение и передача самоидентичности социума» [Цит. по: 1, с. 7].

Итак, действительно «перестройщики» понимали, что затрагивают «нормы, стандарты, эталоны», обладающие «высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью». Против устойчивости пустили в ход тяжелую артиллерию постмодерна, полагаясь на то, что отсутствие способности к быстрым переменам приведет к обрушению всей конструкции, не оставив камня на камне от «самоидентичности социума» [1, с. 7]. «Искусство... – писал в своё время советский художник Е. Е. Моисеенко, – делает тебя соучастником событий и давно минувших, и настоящих» [10, с. 6]. «Перестройщики», уничтожая «самоидентичность социума», делали людей своим «искусством» соучастниками событий, но уже по другую сторону баррикад.

Весьма показательны выявленные элементы и примеры так называемой «культурной войны».

Достаточно яркие в этом отношении примеры, связанные с фамилиями Абуладзе, Тодоровского, Хаматовой, Пелевина, Кононова и др.

Так, показателен фильм Абуладзе «Покаяние» (1984 г.), в котором сын, осознавший «страшную правду» о своем отце (сюжет в форме притчи адресован к «сталинизму» и его естественному разоблачению, где о средствах и цене этого разоблачения, как говорится, речь не шла и «за ценой не стояли» – М.М.), выкапывает из могилы его труп (родного отца! – М.М.) и выбрасывает на помойку. И, действительно, именно таким образом, «на помойку», нарушая общечеловеческие традиции, нормы, принципы и начала выбрасывать все, что составляло культурные нормы народа [1, с. 7], который по неизвестным причинам (а кому-то возможно весьма понятным и известным, надо только просто было трезво всё взвешивать и обдумывать),

по вечному определению Александра Сергеевича Пушкина, «безмолвствовал».

И это безмолвие породило и другие фантомы.

В частности, «изобретались мифы о русском характере. Так, режиссер П. Тодоровский заявлял, что русским в гены вогнали недоверие к людям: «У нас всегда стоит наизготовку целая армия самых подозрительных в мире доносчиков». Многие советские герои, которые на протяжении десятилетий являлись образцом беззаветного служения Родине, дискредитировались и унижались. Зоя Космодемьянская была объявлена психически больной пироманкой, а Александр Матросов – алкоголиком» [Цит. по: 1, с. 7].

Дальше – больше. Неприкрытую ложь стали, так сказать, «оформлять художественно»: «За работу по уничтожению советских ценностей взялись новые писатели. В одном из первых романов культового писателя перестройки В. Пелевина «Омон Ра» (1991 г.) курсантам летного военного училища ампутируют ноги («во имя Родины»), чтобы они были готовы и могли повторить подвиг Алексея Маресьева. Не отставал от новых веяний и театр. Под заявления «о новой театральности» Р. Виктюк эпатировал зрителей тем, что в спектакле «Служанки» выпустил на сцену полуголых мужчин в юбках (мол, автор пьесы Жан Жене рекомендовал, чтобы роли в «Служанках» играли именно мужчины). Актеры говорили томно и нараспев, над всем действием витал дух порока.

В 2005 году (к 60-летию Победы!) на сцене «Современника» поставили спектакль «Голая пионерка» по запрещенному в советское время роману М. Кононова. Главная героиня спектакля – слабоумная 14-летняя девушка, потерявшая во время войны родителей и попавшая на фронт, где она стала полковой проституткой (её роль исполняла Ч. Хаматова).

Через два года Ч. Хаматова снимается в фильме Германа-младшего «Бумажный солдат», который также дискредитирует знаменательный период советской истории – время покорения космоса. В фильме полет в космос – отчаянный жест слабых, прозябающих, неуверенных и даже подчеркнута жалких людей. Герой, прототипом которого является Юрий Гагарин, буквально трясется от страха. «Идеи никого счастливыми не делают. Скорее несчастными... Идеи коверкают нас», – считает режиссер. «Идеи калечат» – такой слоган еще долго гулял по медийному пространству после выхода фильма» [Цит. по: 1, с. 7]. А вспомнив реальность того, что «идея» сродни понятию «идеала», вспомним знаменитый афоризм великого Ивана Сергеевича Тургенева: «Жалок тот, кто живёт без идеала!» Как говорится, комментарии излишни.

И вновь вернёмся к «свободному художнику» Гельману, о котором шла речь в начале работы.

В своё время великий Н. А. Бердяев утверждал: «Культура родилась из культа. Истоки ее – сакральны... Культура имеет религиозные основы». И именно эту сакральность и пытаются уничтожить М. Гельман и его окружение» [Цит. по: 1, с. 7].

«В 2006 году в центре Сахарова состоялась выставка «Запретное искусство», на которой демонстрировалось распятие с орденом Ленина и изображение Христа с головой Микки-Мауса. Протестующие подали на организаторов выставки в суд, который вынес обвинительный приговор.

А уже этой весной протесты общественности не позволили провести торжественные открытия выставок Гельмана в Новосибирске, в Ставрополе, и Краснодаре...

15 мая 2012 г. в Краснодаре общественность и казаки сорвали открытие выставки «Icons». Под крики «Гельман – вон с Кубани!» галерист вынужден был ретироваться.

31 мая в Новосибирске только с третьей попытки открылась выставка «Родина» М. Гельмана – в каком-то клубе на окраине города. Несколько дней общественные организации держали пикет против «кошунственной» выставки, экспонатами которой были «церкви» из клизм и карта России на половой тряпке.

В сентябре в Москве, в «Галерее М. Гельмана» на «Винзаводе» во время открытия скандальной выставки «актуальных икон», стилизованных под образы «Pussy Riot» – «Духовная брань», православные активисты и казаки пытались заблокировать вход в галерею.

17 октября 2012 года Гельман отменил выставку икон в Санкт-Петербурге в связи с «крайне неблагоприятной атмосферой» для ее проведения.

Устроители подобных выставок притворно недоумевают: почему народ возмущается? Ведь эти работы – поиск новых религиозных образов, которые нужны современным людям.

В анонсе выставки «Духовная брань» заявлено:

«Мы хотим вернуть дух творчества в сферу сакрального искусства...

Икона должна быть освобождена от исторического «шлейфа», который несёт в себе рудименты патриархальности... мракобесия, невежества, подавления личности. Вот почему за отправную точку приняты образы участниц феминистической группы Pussy Riot, которые стали символом борьбы за духовную свободу, за живое религиозное чувство».

Не только верующие, но и светские люди понимают, что православие столетиями питало российскую культуру, определяя систему ценностей и этических норм. Поэтому неудивительно, что все, кто осознают значимость истории и культуры страны, не желают, чтобы подобные «деятели современного искусства» – галеристы во главе

с М. Гельманом глумились над духовными ценностями народа и православными символами.

Но М. Гельман не унимается. Недавно он разместил в своем ЖЖ фотографию «The Final Snack remix» эстонского фотохудожника Пеэтера Лауритса. На ней изображена сцена после попойки, композиционно копирующая фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Скоро эта фотография должна появиться на выставке в Москве. «Художники имеют право черпать вдохновение из православных образов», – поучает Гельман» [Цит. по: 1, с. 7].

«Да, – подчёркивает М. Волочкова, – имеют право, но не уничтожая при этом тот высочайший духовный смысл, который изначально заложен в эти образы. А деяния М. Гельмана уже не просто эпатаж и провокация, а «огонь по площадям», целью которого является окончательное уничтожение русского культурного ядра, которое можно уничтожить только вместе с народом» [1, с. 7].

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что сам по себе феномен войны и культурных ценностей человеческой цивилизации в контексте понятия «культурной войны» достаточно широк и многоаспектен. Он включает в себя и широкий культурологический контекст, и социально-философский (поскольку весьма плотно коррелирует с многими факторами перспективного развития человеческого социума). Кроме того, вышеозначенный феномен имеет огромное морально-нравственное значение, поскольку человеческая цивилизация с сильным культурным полем, культурным ядром должна противостоять должным образом любым попыткам извне подорвать этот важный компонент, поскольку на примере падения многих цивилизаций в истории мы видим, что попрание норм морали и нравственности влечёт за собой и последующий крах государств и цивилизаций. И в данных

ракурсах перспектив развития данной научной проблемы весьма и весьма оптимистичны.

1. Волочкова Марина. Культурная война и её участники / Марина Волочкова // Суть времени. – 2012. – № 1. – 24 октября. – С. 7.
2. Курс международного права. – Издание 2-е, переработанное и дополненное. – Ответственный редактор Ф.И. Кожевников. – М.: Международные отношения, 1966. – 648 с.
3. Масаев М.В. Образы войн будущего: «мятеж-войны», дистанционные (бесконтактные) войны, кибервойны, концентрические и символические войны в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций / М.В. Масаев // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць / гол. ред. В.М. Вашкевич. – К.: ПП «Видавництво «Гілея», 2014. – Вип. 81 (№ 2). – 372 с. – С. 216–222.
4. Масаев М.В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет» / М.В. Масаев. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
5. Масаев М.В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М.В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
6. Масаев Михайло Володимирович. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько-історичний аналіз). Автореферат дис... доктора філос. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.
7. Масаев М.В. Заклик до сучасної української педагогіки не відходити від власних національних коренів (в руслі осягнення проблем філософії освіти та концепції парадигмальних образів та символів епох, цивілізацій та народів) / М.В. Масаев. Рецензія на монографію: Кузьміна С.Л. Філософія освіти та виховання у Київській академічній традиції XIX – початку XX ст. Монографія. – Симферополь: Н. Орианда, 2010. – 552 с. / М.В. Масаев // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. – К.: ВІР УАН, 2013. – Вип. 70 (№ 3). – 908 с. – С. 870–873.
8. Масаев М.В. Православна спадщина, котра створює парадигмальні образи або про роль образотворчого мистецтва у духовному розвитку майбутнього вчителя Рецензія на монографію: Рашковська В.І. Образотворча православна спадщина: педагогічний аспект духовного розвитку майбутнього вчителя. Монографія / В.І. Рашковська. – Симферополь: Фенікс, 2008. – 402 с. / М.В. Масаев // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. – К.: ВІР УАН, 2013. – Вип. 71 (№ 4). – С. 940–942.
9. Масаев М.В. Феномен соотношения научной парадигмы и интервального метода в контексте понятий парадигмального образа и символа в философии истории / М.В. Масаев // Философские традиции и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 23–41.
10. Моисеенко Е.Е. Любите искусство! / Е.Е. Моисе-

енко // Энциклопедический словарь юного художника. – М.: Педагогика, 1983. – 416 с. – С. 5–6.

1. Volochkova Marina. Kul'turnaya vojna i eyo uchastniki / Marina Volochkova // Sut' vremeni. – 2012. – № 1. – 24 oktyabrya. – S. 7.
2. Kurs mezhdunarodnogo prava. – Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. – Otvetstvennyj redaktor F.I. Kozhevnikov. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966. – 648 s.
3. Masev M.V. Obrazy vojn budushhego: «myatezh-voyny», distantsionnye (beskontaktnye) vojny, kiber-voyny, konscentral'nye i simvolicheskie vojny v svete koncepcii paradigmal'nykh obrazov i simvolov e'pox i civilizacij / M.V. Masev // Gileya: naukovij visnik: zbirnik naukovix prac' / gol. red. V.M. Vashkevich. – K.: PP «Vidavnicтво «Gileya», 2014. – Vip. 81 (№ 2). – 372 s. – S. 216–222.
4. Masev M.V. Filosofiya istorii. Uchebno-metodicheskoe posobie. / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Ukrainy. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Avtonomnoj respubliki Krym. Respublikanskoe vysshee uchebnoe zavedenie «Krymskij gumanitarnyj universitet» / M.V. Masev. – Simferopol': Dolya, 2008. – 304 s.
5. Masev M.V. Curriculum vitae paradigmal'nykh obrazov i simvolov e'pox i civilizacij. Monografiya / M.V. Masev. – Simferopol': DOLYA, 2011. – 512 s.
6. Masev Mixajlo Volodimirovich. Paradigmal'ni obrazi i simvoli u transformacijnix procesax e'pox i civilizacij (filosofs'ko-istorichnij analiz). Avtoreferat dis... doktora filoz. nauk. – Dnipropetrov'sk, 2013. – 36 s.
7. Masev M.V. Zaklik do suchasnoji ukrains'koji pedagogiki ne vidxoditi vid vlasnix nacional'nix koreniv (v rusli osyagnennya problem filosofii osviti ta koncepcii paradigmal'nix obraziv ta simvoliv e'pox, civilizacij ta narodiv) / M.V. Masev. Recenziya na monografiyu: Kuz'mina S.L. Filosofiya osviti ta vixovannya u Kiivs'kij akademichnij tradicii XIX – pochatku XX st. Monografiya. – Simferopol': N. Orianda, 2010. – 552 s. / M.V. Masev // Gileya: naukovij visnik. Zbirnik naukovix prac' / Gol. red. V.M. Vashkevich. – K.: VIR UAN, 2013. – Vip. 70 (№ 3). – 908 s. – S. 870–873.
8. Masev M.V. Pravoslavna spadshhina, kotra stvoryue paradigmal'ni obrazi abo pro rol' obrazotvorchogo mistectva u duxovnomu rozvitku majbut'nogo vchitelya Recenziya na monografiyu: Rashkov'ska V.I. Obrazotvorcha pravoslavna spadshhina: pedagogichnij aspekt duxovnogo rozvitku majbut'nogo vchitelya. Monografiya / V.I. Rashkov'ska. – Simferopol': Feniks, 2008. – 402 s. / M.V. Masev // Gileya: naukovij visnik. Zbirnik naukovix prac' / Gol. red. V.M. Vashkevich. – K.: VIR UAN, 2013. – Vip. 71 (№ 4). – S. 940–942.
9. Masev M.V. Fenomen sootnosheniya nauchnoj paradigmy i interval'nogo metoda v kontekste ponyatij paradigmal'nogo obraza i simvola v filosofii istorii / M.V. Masev // Filosofskie tradicii i sovremennost'. – 2013. – № 1 (3). – S. 23–41.
10. Moiseenko E.E. Lyubite iskusstvo! / E.E. Moiseenko // E'nciklopedicheskij slovar' yunogo xudozhnika. – M.: Pedagogika, 1983. – 416 s. – S. 5–6.

UDC 930.1

ABOUT SOME ASPECTS OF THE CULTURAL WAR PHENOMENON

Masayev Mikhail Vladimirovich,

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of Philosophy and Social Sciences Chair
of Humanities and Education Science Academy (Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru

Razbeglova Tatijana Pavlovna,

Candidate of Philosophical Sciences,
Ass. Professor,
Head of Philosophy and Social Sciences Chair
of Humanities and Education Science Academy (Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Annotation

Phenomenon of cultural war refers to the so called aspects connected with the notion of wars without implementation of classical types of weapons. In this case the topicality of the problem is undoubtedly. The aim of the work to show the wideness and multidimensionality of such phenomenon as war and cultural values of human civilization in the context of the notion of «cultural war».

Key words:

war, culture, value, cultural war.

УДК 323.1

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1945–1950 ГОДАХ

Мельник Виктор Мирославович,

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
студент философского (отделение политологии) и юридического факультетов,
стипендиат Института международных отношений Вроцлавского университета,
член Украинской Ассоциации Внешней Политики,
Киев, Украина,
E-mail: melnyk_science@mail.ru

Аннотация

Цель исследования: осуществить исторический и этнополитический анализ депортации немецкого населения с территории Чехословакии в течение 1945–1950 годов. Методы: дескриптивный (описательный), этноисторический анализ. Выводы: специфика чешско-немецких отношений в историческом процессе всегда зависела от этнографической карты Богемии, Моравии, Силезии. Депортация чешских немцев в середине XX века нарушила этнокультурный баланс в целом регионе. Было осуществлено принудительное переселение более 3 миллионов немцев. Число жертв массовых этнических чисток немецкого меньшинства колеблется от 100 до 250 тыс. человек. Депортация немцев до сих пор вызывает острые дискуссии внутри немецкого общества и служит главным фактором напряжения во взаимоотношениях Германии, Австрии и Чехии.

Ключевые слова:

Чехословакия, Германия, Австрия, этноцид, геноцид.

В течение 4–11 февраля 1945 года, в доме Ливадийского дворца происходили острые дискуссии по поводу послевоенного устройства мира. Главным образом, лидеры стран антигитлеровской коалиции обсуждали вопросы, связанные с наказанием Германии, распределением репараций и будущим политическим положением самого Третьего Рейха. Особенно бурные дискуссии велись вокруг польского вопроса и проблемы «уменьшения» границ расселения немецких этнических групп на территории современной Центральной и Восточной Европы.

В соответствии с решениями предыдущей «встречи трех» – Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 года), был окончательно разработан концепт нового европейского пространства. Это пространство было задекларировано как «пространство без немцев и без Германии». Формализован этот подход к формированию новой европейской геополитической реальности был через согласование и принятие на Ялтинской конференции специальной «Декларации об освобожденной Европе», где, в частности, впервые в международно-правовой традиции акцент

делался на необходимости национального «переустройства» жизни на целом континенте. Фактически, речь шла не только об изменении государственных границ, но и о полной реорганизации этнографической, а, следовательно, и этнополитической карты Европы [1].

Реорганизация немецких границ в период «нулевых годов» (именно так в немецкой историографии именуется период с 1945 по 1949) оказалась:

а) средством удовлетворения интересов новых стран «социалистического лагеря» – Польши, Чехословакии и, частично, Югославии; таким образом, путем поддержки национально-патриотических настроений, Советский Союз получал возможность полностью подчинить себе новые восточноевропейские режимы народной демократии на международной политической и правовой арене, тогда как в национально-культурном и внутривосточноевропейском контексте эти республики получали достаточную свободу действий;

б) средством «перспективного запугивания» (то есть, со взглядом в будущее) населения оккупированной Германии.

Одной из самых массированных антигерманских террористических акций с признаками этноцида и фактами геноцида стала принудительная депортация немцев чехословацким правительством в течение 1945–1950 годов.

Цель нашей статьи – проанализировать процесс депортации немецкого населения с территории Чехословакии, выделить основные этапы этнических чисток немцев в 1945–1950 годах, кратко изложить малоизвестный аспект послевоенной истории Центрально-Восточной Европы.

Следует отметить, что специфика чешско-немецких отношений всегда формировалась в соответствии с этнографической картой Чехии и Словакии. Так, на территории Богемии проживало около 2,5 млн. немцев, что составляло в начале XX века около 45% населения региона. Согласно переписи населения в Чехословацкой республике, проведенного в 1921 году, немцы составляли

почти 33% населения Богемии! Большинство богемских немцев было на этих территориях автохтонной этнической группой, имея за плечами более чем тысячелетнюю историю проживания в регионе. Крупнейшим немецким центром в Чехии была Прага, где процент немцев в течение первой половины XX века в зависимости от политической ситуации колебался от 60% до 30%. Понятно, что официальные чехословацкие переписи населения существенно занижали количество чешских немцев, не отмечали наличия огромного числа смешанных браков между немцами и чехами. Кроме того, в связи с серьезным историко-культурным наследием Габсбургской Австро-Венгрии, немецкий язык занимал далеко не последние позиции и среди самих чехов. Так, в 1939 году на территории Богемии на немецком языке разговаривала половина населения. В городе Карлсбад (сегодня – Карловы Вары) немецкий язык был разговорным для более 90% жителей [3, с. 129–133].

800 тыс. немцев исторически проживали также на территории Моравии, составляя в начале XX века примерно 25% населения провинции. Также около 200 000 немцев жило в Моравской Силезии, достигая в отдельных районах (на границе с немецкой провинцией Силезия – сейчас Нижнесилезское и Опольское воеводства в Польше) 98% жителей. Не стоит, на наш взгляд, забывать и о судьбе тех 150–200 тысяч карпатских немцев, проживавших в Словакии и на Закарпатье.

Стоит отметить, что большинство решений относительно ассимиляции чехов в Германии принимались на уровне функционеров СС и формулировались в декларативном порядке. Правительственной программы относительно депортации чехов и их ассимиляции так и не было утверждено. В 1940–1941 годах подразделения СС провели относительно мирную операцию по переселению 18 000 чехов Босковицкого, Вишковского и Бланенского районов вглубь Богемии и Моравии. Это переселение происходило

достаточно организовано, с созданием относительно нормальных условий для переселенцев. Дело изменилась лишь в 1942 году. Тогда после убийства Гейдриха было выселено 65 территориальных общин с Бенешовского, Невекловского и Седлчанского районов. Всего в течение 1939–1944 годов немцы депортировали вглубь Богемии и Моравии около 50 тыс. чехов из приграничных административных районов.

В начале 1944 года практика организованных депортаций сельского населения была прекращена администрацией протектората. Также руководство СС было вынуждено забыть о реализации плана «Ост» и меморандума Франко. Приближалась война, а, следовательно, Чехия с ее рабочим и мобилизационным потенциалом оставалась стратегическим юго-восточным центром рейха.

Впрочем, переселение чехов из приграничных районов стало хорошим пропагандистским материалом для правительства «Национального фронта» в Кошице. Соответствующая идеологическая работа была проведена и среди бойцов шестидесятитысячного армейского корпуса генерала Свободы. 17 мая 1945 года чехословацкие военные заняли городок Ляндскрон (в современной Чехии – Ланшкроун), где в течение трех дней работал «народный трибунал», по приговору которого 121 человека расстреляли. В общем, на территории Богемии и Моравии, в течение мая 1945 через самосуды и военные трибуналы были замучены, повешены и расстреляны около 20-и тысяч немцев.

Уже 19 мая 1945 года в Праге началась публикация так называемых «декретов Бенеша», которые создали законодательную базу по переселению немецкого населения из Чехословакии в американскую и советскую зоны оккупации. Вот хроника этих декретов: 19 мая – декрет о недействительности передачи собственности немцам, венграм, чешским и словацким коллаборационистам во время оккупации; 21 мая – декрет о конфискации сельскохозяйственной собственности у ука-

занных категорий населения и их распределении между чехословаками; 19 июня – декрет о проведении народного правосудия против нацистских преступников и чехословацких коллаборационистов чрезвычайными народными судами; 20 июля – декрет о заселении конфискованной у немецкого населения земли славянскими фермерами; 2 августа – декрет о лишении всех лиц немецкой и венгерской национальности чехословацкого гражданства; 25 октября – декрет о конфискации всего имущества лиц немецкой и венгерской национальности, как имущества враждебного.

Узаконивание практики выселения и ограбления немцев происходило уже по следам массовых акций, осуществленных чехами против немецкого населения. Так, в ночь с 30 на 31 мая 1945 года все немецкое население города Брно (немецкое название – Брюн), а также десяти расположенных рядом поселений, было изгнано из своих домов и под конвоем отправлено в направлении австрийской границы. В «Брюнском марше смерти» участвовало от 27 до 30 тыс. немцев. Чехи провели депортацию половины довоенного немецкого населения города Брно. Характерно, что сначала советская администрация моравско-австрийской границы отказалась пропускать огромные колонны немецкого гражданского населения. В результате, бывших жителей Брно разместили в концентрационном лагере около Порлице (ныне – Погоржелице). В течение трех недель чехословацкие войска и парамилитарные формирования издевались над брюнскими немцами, пока советская администрация не спасла их и не переправила в Австрию. Всего в ходе этой акции чехами было замучено 5 200 человек [6].

Уже начиная с 10 мая 1945 года относительно немцев был введен ряд дискриминационных мер, вроде тех, которые организовывались немцами в отношении евреев. Так, немцы были обязаны носить на руке повязку с изображением свастики или пришивать букву «N» – «немец»; все велосипеды, автомобили, мотоциклы и любые средства транспор-

та, которые принадлежали лицам немецкой национальности, подлежали конфискации; немцам запрещалось посещать публичные места и рестораны; немцы подлежали обязательной регулярной регистрации в районных органах внутренних дел и лишались права на свободу передвижения по стране; за пользование радио и телефоном немцы подлежали расстрелу; для посещения магазинов немцам отводились отдельные часы; разговоры на немецком языке на улицах наказывались смертным приговором; немцы лишались права ходить по тротуарам [7].

С 3 до 7 июня 1945 чехи проводили заседание «народных трибуналов» в городке Постельберг (Постолоптры). За 4 дня там было расстреляно и замучено около 1 тыс. немцев. Июнь-август 1945 года на территориях бывшего протектората и Судетской области стали кровавыми летними месяцами. Чехословацкие органы внутренних дел в своих донесениях называли антигерманский террор «спонтанными акциями возмездия». Так, согласно чешскими подсчетам, в Доупи было замучено 24 человека, в Тоцове – 32, в Подборжанах – 68. В ходе депортации немцев из Хомутова были убиты также не менее 150 человек. В течение 31 мая – 15 июня 1945 года в городе Сааз (Жатец) было замучено почти 2000 немцев. К гибели этих немцев, как и к трибуналу в Постельберге, были причастны бойцы 1-й чехословацкой дивизии генерала Спаниеля. Кроме того, среди убийц было большое количество местных чехов, в частности, недавних членов фашистских организаций [8, с. 67]. Не менее тысячи немцев погибло во время изгнания всего немецкого населения с Йодерндорфа (теперь – Крнов) на территорию Саксонии. 30 июня 1945 года в Векельсдорфе расстреляли 23 гражданских лица, тогда как в Таусе (современное Домажлице) чехословацкими военными, при участии местных чехов, было замучено от 200 до 500 немцев. Специально для немецкого населения Остравы был организован концентрационный лагерь (так называемый

«Ханке-лагерь»), в котором его чешская администрация уничтожила до 500 человек. Официальные чешские данные об убийствах в Остраве говорят о 231 замученном немце [9, с. 88–124].

В течение июня-июля 1945 года состоялось переселение карпатоукраинских и словацких немцев. Однако в ночь с 18 на 19 июня в моравском городке Прерау (теперь – Пшеров) бойцы 17-го пехотного полка армейского корпуса генерала Свободы остановили поезд с депортированными словацкими немцами и расстреляли 265 человек (из них 120 женщин, 74 детей). Стоит отметить, что командующий расстрелом лейтенант контрразведки К. Коготь был арестован советской комендатурой.

31 июля, после взрыва склада с боеприпасами у города Усть над Лабой (немецкий Ауссиг), состоялись массовые убийства и издевательства над немцами, которых обвинили в диверсионной акции. Всего, по данным немецких историков, было замучено более 8000 человек [10].

В конце августа 1945 года чехам удалось принудительно отселить в Австрию и Баварию более 900 000 немцев. Это вызвало негативную реакцию как со стороны американской, так и советской оккупационной администрации.

2 августа 1945 в статье 13-й решения, согласованного на Потсдамской конференции, было определено требование к новым восточноевропейским государствам о проведении необходимой депортации немецкого населения «гуманными, организованными, упорядоченными методами». Контрольный совет союзников согласовал необходимость гуманизации процесса депортации.

Осенью 1945 года чехословацкое руководство было вынуждено реагировать на давление советской администрации, а также на достаточно жесткую позицию американской стороны. Проявлением такой реакции была правительственная реорганизация процесса переселения. Уже в январе 1946 года

с территории Чехословакии были депортированы почти 1,5 млн. человек. Из них, по данным немецкого историка И. Пустая, погибло от 150 до 200 тыс. человек. Кульминацией геноцида немцев в Чехословакии историк также считает май-август 1945 года. Однако, начиная с августа 1945 года, убийства немцев приняли более организованный характер, и стали прерогативой не парамилитарных или даже военных организаций различного идеологического направления, а именно правительственных институтов внутренних дел [12].

Первый товарный поезд с немцами, которым удалось пройти все фильтрационные процедуры, прибыл 25 января 1946 на территорию, оккупированную американскими войсками. Так, в Фурт с территории Богемии была доставлена партия в 5 тыс. человек. С 25 января 1946 года на баварские железнодорожные станции товарными поездами доставлялось не менее 4 500–5 000 немцев в день. Таким образом, за месяц в Баварию перевозилось не менее 140 000 человек.

В декабре 1946 года – январе 1947 года главная операция по депортации немцев чехословацкой властью была завершена [13, с. 96–114]. В свою очередь, с 1947 по 1950 годы были депортированы еще 50–100 тысяч человек – последние чехословацкие немцы. На территории Австрии, Баварии и Саксонии оказалось от 3,1 млн. до 3,3 млн. немцев [14]. По мнению немецкого исследователя Питера Хедрука вынужденными переселенцами стали не менее 3 миллионов человек [15]. Эта цифра полностью соотносится с материалами специализированной западногерманской Научной комиссии. Макс Гастингс (английский военный историк) и немецкий ученый Клаус Нордбрух пишут о 3 миллионах 250 тыс. человек, что, однако, превышает всё официальное довоенное количество немцев в ЧСР. Читая их труды, вполне можно предположить, что речь идет также и о смешанных немецко-чешских семьях. Количество уничтоженных и выселенных фольксдойче до сих пор не посчитано. Их

число вполне могло достичь и 200 000 человек [16].

Что же касается официальных чешских данных, то считается, что в течение 1945–1947 годов было депортировано около 3 миллионов 100 000 немцев. Количество жертв геноцида немцев, массовых этнических чисток 1945–1946 годов составила 18 816 человек, из которых убито – 5 596, совершили самоубийство – 3 411, погибли в концентрационных и фильтрационных лагерях – 6 615, во время транспортировки и сразу после этой процедуры умерло соответственно 1 481 и 705 человек, при попытке убежать были убиты 629 немцев. Также «по неизвестным причинам» погибло еще 379 человек [17]. Чешские данные сталкиваются с радикально отличающимися подсчетами западногерманской Научной комиссии, материалами современных Судетско-немецких организаций Баварии и Австрии, а также цифрами, приведенными в самостоятельных исследованиях отдельных историков [18]. Так, отмечается, что только в мае 1945 года было уничтожено около 20 000 гражданских немцев. Если умножить эту цифру на три летних месяца кровавой кульминации «акций возмездия» по всей территории Богемии, Моравии и Судетенланда, наиболее известные примеры которых также были нами описаны выше, то получим еще 60 000 человек. Этот результат коррелирует с самыми скромными австро-немецкими исследованиями, согласно которым в течение мая-августа 1945 года было замучено и казнено около 50 000 представителей немецкого гражданского населения Чехословакии.

Рассматривая процесс депортации немецкого населения с территории Чехословакии, мы можем наверняка утверждать о выселении не менее 3-х миллионов автохтонных немцев и убийство во время этой акции не менее 150 000 человек. Вот и подтверждение нашего тезиса, высказанного в начале исследования, о трактовке этой страницы немецко-чешской истории как полномасштабного геноцида, организованного с подачи новой чехословацкой

власти, прежде всего против коренного немецкого населения. Этот геноцид имел также четкие признаки этноцида и характеризовался использованием как всего личного состава чехословацких вооруженных сил, так и бывших чешских фашистских организаций эпохи протектората Богемии и Моравии.

1. Коммюнике о Крымской конференции. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim17.htm.

2. Блейер В. Германия во второй мировой войне (1939–1945). / В. Блейер, К. Дрехслер, Г. Ферстер, Г. Хасс. – Берлин, 1969. – 433 с.

3. Мельник В.М. Философия Ялтинских договоренностей в ближайшей этнополитической перспективе (пример Восточной Европы) / В.М. Мельник. // Scientific Journal «Virtus». – № 1. – с. 129–133.

4. Шимов Ярослав. Чехи и немцы: история непростого соседства / Я. Шимов. // 25.07.2009. Режим доступа: <http://www.radio.cz/ru/chexi-i-nemcy-istoriya-neprostopogo-sosedstva>.

5. Политдонесение Начальнику Политического управления Первого Украинского фронта гвардии генерал-майору тов. Яшечкину: «Об отношении чехословацкого населения к немцам». – Режим доступа: <http://voprosik.net/genocid-nemcev-v-chexii/>.

6. Das Deutsche Brunn und sein Ende. – 2004. – Режим доступа: <http://todesmarsch.bruenn.org/PDF/btm-doku-avt.pdf>.

7. Stanek Tomas. Perzekuce 1945. Perzekuce tzv. statne nespolehliveho obyvatelstva v ceskych zemich (mimo tabory a veznice) v kvetnu – srpnu 1945 / Tomas Stanek. – Praha: Institut pro stredoevropskou kulturu a politiku, 1996. – 231 s.

8. Hans-Ulrich Stoldt. Mord in Fasanengarten. / H.-U. Stoldt. // Der Spiegel. – nr. 36. – 31 August, 2009. – s. 67.

9. Borak Mecislav. Internacni tabor «Hanke» v Moravske Ostrave v roce 1945. / Mecislav Borak. // Ostrava: Prispěvky k dejinam a současnosti Ostravy a Ostravska. – 18 (1997). – s. 88–124.

10. Franzel Emil. Die Sudetendeutschen. / Emil Franzel. – Munchen: Aufstieg Verlag, 1980.

11. Turnwald Wilhelm. Dokumente zur Austreibung der Sudetendeutschen. / Wilhelm Turnwald. – 1951.

12. Ingomar Pust. Schreie aus der Holle ungehort. Das totgeschwiegene Drama der Sudetendeutschen. / Ingomar Pust. – Sersheim: Hartmann-Verlag, 1998.

13. Noskova A.F. Migrations of the Germans after the Second World War: Political and Psychological Aspects / A.F. Noskova. // Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939–1950. – London, 2000. – pp. 96–114.

14. Franzel Emil. Sudetendeutsche Geschichte / Emil Franzel. – Kraft-Mannheim, 1978.

15. Хедрук Питер. Геноцид в Восточной Пруссии / Питер Хедрук. // Режим электронного доступа: <http://hedrook.vho.org/library/prussia.htm>, ноябрь 2007.

16. Hastings Max. Armageddon: The Battle for Germany 1944–1945. / Max Hastings. – New-York, 2004.

17. Stanek Tomas. Odsun Nemcu z Ceskoslovenska 1945–1947 / Tomas Stanek. – Praha: Academia, Nase vojsko, 1991. – 536 s.

18. Meixner Rudolf. Geschichte der Sudetendeutschen / Rudolf Meixner. – Preusler-Nurnberg, 1988.

1. Kommyunike o Krymskoj konferencii. – Rezhim dostupa: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim17.htm.

2. Blejer V. Germaniya vo vtoroj mirovoj vojne (1939–1945). / V. Blejer, K. Drexler, G. Ferster, G. Xass. – Berlin, 1969. – 433 с.

3. Mel'nik V.M. Filosofiya Yaltinskix dogovorennostej v blizhajshej e'tnopoliticheskoj perspektive (primer Vostochnoj Evropy) / V.M. Mel'nik. // Scientific Journal «Virtus». – № 1. – s. 129–133.

4. Shimov Yaroslav. Chexi i nemcy: istoriya neprostopogo sosedstva / Ya. Shimov. // 25.07.2009. Rezhim dostupa: <http://www.radio.cz/ru/chexi-i-nemcy-istoriya-neprostopogo-sosedstva>.

5. Politdonesenie Nachal'niku Politicheskogo upravleniya Pervogo Ukrainского fronta gvardii general-majoru tov. Yashechkinu: «Ob otnoshenii chexoslovackogo naseleniya k nemcam». – Rezhim dostupa: <http://voprosik.net/genocid-nemcev-v-chexii/>.

6. Das Deutsche Brunn und sein Ende. – 2004. – Rezhim dostupa: <http://todesmarsch.bruenn.org/PDF/btm-doku-avt.pdf>.

7. Stanek Tomas. Perzekuce 1945. Perzekuce tzv. statne nespolehliveho obyvatelstva v ceskych zemich (mimo tabory a veznice) v kvetnu – srpnu 1945 / Tomas Stanek. – Praha: Institut pro stredoevropskou kulturu a politiku, 1996. – 231 s.

8. Hans-Ulrich Stoldt. Mord in Fasanengarten. / H.-U. Stoldt. // Der Spiegel. – nr. 36. – 31 August, 2009. – s. 67.

9. Borak Mecislav. Internacni tabor «Hanke» v Moravske Ostrave v roce 1945. / Mecislav Borak. // Ostrava: Prispěvky k dejinam a současnosti Ostravy a Ostravska. – 18 (1997). – s. 88–124.

10. Franzel Emil. Die Sudetendeutschen. / Emil Franzel. – Munchen: Aufstieg Verlag, 1980.

11. Turnwald Wilhelm. Dokumente zur Austreibung der Sudetendeutschen. / Wilhelm Turnwald. – 1951.

12. Ingomar Pust. Schreie aus der Holle ungehort. Das totgeschwiegene Drama der Sudetendeutschen. / Ingomar Pust. – Sersheim: Hartmann-Verlag, 1998.

13. Noskova A.F. Migrations of the Germans after the Second World War: Political and Psychological Aspects / A.F. Noskova. // Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939–1950. – London, 2000. – pp. 96–114.

14. Franzel Emil. Sudetendeutsche Geschichte / Emil Franzel. – Kraft-Mannheim, 1978.

15. Хедрук Питер. Геноцид в Восточной Пруссии / Питер Хедрук. // Режим электронного доступа: <http://hedrook.vho.org/library/prussia.htm>, ноябрь 2007.

16. Hastings Max. Armageddon: The Battle for Germany 1944–1945. / Max Hastings. – New-York, 2004.

17. Stanek Tomas. Odsun Nemcu z Ceskoslovenska 1945–1947 / Tomas Stanek. – Praha: Academia, Nase vojsko, 1991. – 536 s.

18. Meixner Rudolf. Geschichte der Sudetendeutschen / Rudolf Meixner. – Preusler-Nurnberg, 1988.

UDC 323.1

THE DEPORTATION OF THE GERMAN POPULATION FROM CZECHOSLOVAKIA DURING 1945–1950 YEARS

Melnyk Victor Miroslavovich,

Kiev national university of name Taras Shevchenko,
Student of philosophical (political science branch) and legal faculties,
grant-aided student of Institute of the international relations of Vroslavsky university,
member of the Ukrainian Association of Foreign policy,
Kiev, Ukraine,
E-mail: melnyk_science@mail.ru

Annotation

Objective: to make historical and ethnopolitical analysis of deportation of the German population from Czechoslovakia during 1945–1950 years. Methods: descriptive, ethnohistorical analysis. Conclusions: The specificity of the Czech-German relations in the historical process is always dependent on the ethnographic map of Bohemia, Moravia, Silesia. The deportation of Czech Germans in the middle of the twentieth century destroyed ethnocultural balance in the region. It was made resettlement of more than 3 million Germans. Number of victims of the mass ethnic cleansing of German minorities ranges from 100 to 250 thousand people. The deportation of Germans still causes heated debate within German society and serves as a major factor of tension in relations between Germany, Austria and the Czech Republic.

Key words:

Czechoslovakia, Germany, Austria, ethnocide, genocide.

УДК 808.53

РОЛЬ СИНХРОНИСТОВ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ДИСКУРСЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Хечошвили Николай Робертович,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте,
Институт экономики и управления,
студент 2-го курса,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: 1234-nikolay@bk.ru

Аннотация

Сейчас, по истечению многих десятков лет, ныне живущим Нюрнбергский процесс представляется простой формальностью или же наигранным фарсом, но при критическом объективном взгляде понимаешь – он был и остается самым важным судебным процессом в человеческой истории. Это была дискуссия между обвинителями и обвиняемыми, между двумя державами, двумя народами, двумя идеологиями. Но исследуя этот незаурядный феномен, зачастую забываешь о тех, благодаря кому весь мир узнал о том, как фашизм был побежден и осужден второй раз, уже не силой оружия, а силой закона. Речь идет о переводчиках-синхронистах.

Ключевые слова:

Нюрнбергский процесс, фашизм, переводчики-синхронисты, правосудие.

Нюрнберг. Небольшой опрятный городок, находящийся в северной части Баварии, он всегда рад приветствовать гостей уютном своих улиц и богатством истории. Рассматривая жизнерадостных, миролюбивых жителей этого города и созерцая тишину старинных переулков, сложно поверить, что в этом городе, в прошлом веке имели место быть события, играющие одну из первостепенных ролей в истории человечества...

Нюрнбергский процесс является первым крупным интернациональным мероприятием на котором была применена методика синхронного перевода. До этого попытки применить синхронный перевод предпринимались в Швейцарии и Голландии в течение десяти лет (с 1928 по 1938). Наиболее успешно син-

хронный перевод был применен в двуязычном бельгийском парламенте в 1936 [1]. В России синхронный перевод впервые был применен в процессе шестого съезда Коминтерна в 1928, где переводчикам приходилось воспринимать речь на слух, так как наушники еще не вошли в широкое применение, несмотря на то, что запатентованы они были (как инструмент переводчика) в 1926 году фирмой IBM [2]. Но технические нюансы постепенно устранялись, оборудование совершенствовалось и уже в 1935 году, на XI международном медико-физиологическом конгрессе открывающую речь И.П. Павлова можно было слышать на трех языках [3].

Нюрнбергский процесс был предприятием международным – Франция, США,

Германия, СССР вынуждены были тесно сотрудничать, дискутируя о судьбах побежденных. Посему, нельзя не упомянуть тех, благодаря которым могло успешно осуществляться многостороннее взаимодействие между обвинителями и обвиняемыми. Речь идет о переводчиках-синхронистах.

Итак, к моменту проведения Нюрнбергского процесса метод синхронного перевода уже существовал, но с уверенностью можно утверждать, что на Нюрнбергском процессе этот метод прошел суровую проверку, боевое крещение. После Нюрнбергского процесса синхронный перевод, доказав свою неоспоримую эффективность перед другими подобными средствами, был использован при проведении Токийского процесса, где судили военных преступников со стороны Японии. Ныне же, без переводчиков-синхронистов немыслимо ни одно международное предприятие.

Перед началом процесса стартовал отбор переводчиков для участия в этом мероприятии. В США этой задачей занялся Госдеп, а если точнее, то одно из его подразделений – Главный департамент по переводам. Для привлечения кадров посредством СМИ было объявлено, что все желающие и обладающие соответствующими навыками могут явиться в Государственный департамент для прохождения тестирования. Очень многих заинтересовала перспектива участия в подобном процессе, что обуславливалось и исторической его значимостью и, конечно же, более чем солидным вознаграждением. На проходение тестирования пришли многие, но прошли его единицы, ведь тест представлял из себя не только крайне сложные вопросы по письменному и устному знанию языков, но и предъявлял требования к эрудиции, культурному уровню, уравновешенности. Но подходящих кандидатур было катастрофически мало, поэтому за считанные недели до начала процесса Госдеп снарядил поездку своих уполномоченных по Европе, где и произошел добор недостающих кадров [4].

Советская же сторона была убеждена, что США возьмет на себя выполнение всех технических нюансов, ведь процесс проходил в американской зоне оккупации. Но по приезду в Нюрнберг советская делегация узнала, что перевод разрешен лишь на свой родной язык. О подобном обстоятельстве было сообщено в Кремль, который поручил лихорадочный поиск синхронистов сотрудникам НКВД, которые сумели выполнить свою задачу менее чем за 12 часов [5].

Перевод на Процессе шел в синхронном режиме, поэтому русским переводчикам, секцию которых возглавлял Е. Гофман, приходилось проявлять поразительную реакцию и скорость, а если учитывать, что большая часть переводчиков были молодые, едва окончившие университет и даже с микрофоном дела не имевшие, то приходилось реализовывать весь свой талант и профессионализм как руководителям, так и подчиненным. Ведь на процессе такой значимости и масштаба важно было каждое слово.

Переводчикам-синхронистам приходилось, кроме перевода речей в зале суда, также осуществлять перевод бесед неформальных, осуществлять перевод тысяч документов, оказывать помощь в работе стенографисток и машинисток. В конце дня синхронисты переводили регламент завтрашнего выступления от обвинителей, обвиняемых и защиты. В конце каждого заседания они переводили на четыре языка стенограммы, составленные в течение дня. Работа, предстоявшая синхронистам в ходе процесса, казалось невероятной еще и по той причине, что советская секция переводчиков насчитывала всего 40 человек, в то время как американская – 600.

Надо отметить, что во время процесса советская делегация впервые в истории советского перевода осуществила «дуальную систему» перевода. Когда становилось ясно, что в очередной речи будет обилие информации статистической, речь пойдет крайне быстро или последует быстрый диалог между обвиняемым и обвинителем, то к первому

переводчику на помощь приходил второй, который осуществлял запись быстро идущей статистической или иной труднозапоминаемой информации, чтобы первый не отвлекался на запись во время перевода и не напрягал память, пытаясь вспомнить названные цифры, если запаздывал.

Каждая секция переводчиков переводила произносимые в зале суда речи на свой язык, в то время как американские синхронисты вели перевод немецкой речи. В стеклянных кабинках (всего их было 4), располагавшихся у скамьи подсудимых, находилось 3 переводчика (британский, русский, немецкий), каждый из которых брался за микрофон в зависимости от того, на каком языке велась речь. Нередко бывало так, что французские переводчики не произносили ни слова часами, в то время как переводчикам с немецкого приходилось весьма непросто – порой они вынуждены были без остановки, крайне напрягаясь, вещать по полтора-два часа, работая в 3–4 смены.

Интересно, что значительная часть переводчиков от США, Франции и Британии была эмигрантами из России, и при приветствии от них часто можно было услышать – «Граф Росинов, здравствуйте», «Князь, Воротнов, очень приятно». Пожалуй, самой яркой личностью из них был Лев Толстой, худощавый человек со смуглым лицом – внучатый племянник знаменитого русского писателя, работавший во французской секции. Зная, что среди его коллег будут и советские люди, он привез для российской делегации русский эмигрантский журнал, а также теплейшее приветствие от И. А. Бунина, рассказ которого «Белый понедельник» был в этом журнале опубликован и обсуждаем русской делегацией месяц по меньшей мере. Также упоминания, несомненно, достойна княжна Т. В. Трубецкая, являвшаяся главой русских переводчиков в американской секции. Впоследствии она окажет неоценимую услугу русской группе. Также англичане с американцами поддерживали строгую субординацию в своих секциях,

все было формализовано, в то время как русская группа работала в атмосфере дружеской, непринужденной [6].

Процесс перевода без эксцессов не обходился – в самые ответственные моменты, когда подсудимый говорил крайне быстро и неразборчиво, перенервничавший переводчик мог сорвать с себя наушники и громким восклицанием заявить, что так он работать не может (касалось подобное переводчиков, в основном, американских). Тогда совещание приходилось останавливать на 5–10 минут для разрешения проблемы. Для ликвидации подобного была введена система «оранжевого знака» – если переводчик не успевал за говорящим, то он делал знак рукой судье, и тот призывал говорящего снизить темп. Бывали проблемы чуть серьезнее, к примеру, забастовка стенографисток, требовавших повышения зарплаты, произошедшая в последних месяцах процесса. Искать новых работниц не было возможности, и их требования были удовлетворены [7].

Нельзя не вспомнить и такую проблему, с которой столкнулась русская секция: согласно регламенту трибунала заседание начиналось в десять часов утра; до его начала обвинитель передавал текст обвинения переводчикам своей группы, они же должны подготовить текст, переведя его на французский, английский и немецкий языки для передачи текста иноязычной защите обвиняемых. Но в этот раз советский обвинитель не имел возможности передать текст обвинения переводчикам заблаговременно по объективным причинам, следовательно, из-за опоздания, переводчики не успевали перевести текст на английский – из всей секции только два человека обладали соответствующими навыками. Иначе говоря, два переводчика должны были за один день перевести с русского языка на английский колоссальных размеров текст. Под угрозой был поставлен исход заседания и, соответственно, всего процесса. За помощью решили обратиться к американской группе, глава которой охотно согласился по-

мочь, но перевод был бы готов не раньше, чем через два дня, в то время как в распоряжении русской группы был лишь один. Глава американской делегации ссылаясь на то, что он не имеет права заставлять переводчиков работать в субботу (описываемый разговор произошел в пятницу). Спустя двадцать минут агрессивной полемики, американский глава решил позвать самих подчиненных ему переводчиков, чтобы они сами подтвердили, что переводить в выходной не будут. Но вопреки ожиданиям главы и к облегчению русской группы, руководитель американской секции, которая, как уже раньше говорилось, состояла из, по большей части, русских эмигрантов, со словами «Ничего невозможного тут нет, русские для русских все сделают» [8, с. 60] сделала работу, хотя сидеть им пришлось до глубокой ночи. Этим руководителем была княжна Т.В. Трубецкая [8]. Этот эпизод также показывал спадавшее расслоение среди русских людей, имевшее место быть после гражданской войны.

Но как же переводчики относились к тому, что они переводили, к подсудимым? Согласно устоявшемуся мнению, хороший синхронист тот, которого не замечают. На Процессе не редки были случаи эмоционального срыва как со стороны обвинителей, так и со стороны обвиняемых. Но в отличие от них, синхронист не имеет право на эмоцию. Тем не менее, бывали моменты, когда оставаться безэмоциональным было невозможно. При оглашении подсудимыми статистики уничтоженных узников концлагерей, синхронисты не редко останавливались, снимая наушники не в силах переводить от услышанного. Как рассказывал обвинитель от США Джон Паркер, молодая синхронистка семитской национальности не смогла сдержать безудержных рыданий при переводе подробного описания методов уничтожения в концлагерях, сквозь слезы она проговорила – «Эти... они убили почти всю мою семью», в итоге пришлось ей искать замену. Очень часто, рассказывали впоследствии синхронисты, хотелось

вместо перевода кричать в микрофон – «Да расстреляйте же его!!! Проклятый мерзавец не достоин дышать!!!» [9].

Здесь будет не лишним упомянуть отношения самих осужденных к переводчикам. К примеру, такая яркая личность, как Геринг (несмотря на то, что он публично восхищался системой синхронного перевода) не упускал ни единой возможности уязвить переводчика, выводя того из равновесия. Но в целом отношение подсудимых к синхронистам было преисполнено уважения, величали их не иначе, как «Господин переводчик», притом, что ни к судье, ни к обвинителям подобного почета не выказывалось. Не удивительно, ведь, как мы потом узнаем из мемуаров Альберта Шпеера, – «судебный зал был заполнен враждебными лицами, и лишь глядя в нишу переводчиков, мы порой могли увидеть ободряющий кивок» [9, с. 120].

Повествуя об эмоциональном фоне в среде переводчиков, необходимым будет упомянуть тот день, когда защитой обвиняемых был поднят катынский вопрос, тот день, который впоследствии был назван «Черным днем нюрнбергского процесса». Согласно современным исследованиям весной 1940 года сотрудниками НКВД в катынском лесу был произведен расстрел более чем 20 000 польских военнопленных. Как вспоминает Татьяна Сергеевна Ступникова (член советской секции переводчиков), на одном из заседаний защита обвиняемых внезапно подняла вопрос расстрела в Катыни, а судья, вопреки ожиданиям советских обвинителей, вынес решение удовлетворить запрос на доставку в зал суда свидетелей, среди которых наиболее значительным были полковник Фридрих Аренс, чья ставка располагалась в катынском лесу в 1942, и который по стечению обстоятельств нашел братскую могилу польских военнопленных. Несмотря на все попытки советской стороны опровергнуть аргумент о расстреле сотрудниками НКВД, все выдвигаемые опровержения результата не давали, посему, согласно предварительной договоренности, судья

лишил обвиняемых свободы слова касательно катынского вопроса, а все свидетельства защиты были объявлены недействительными. Но как же отреагировала на подобный инцидент русская делегация? В ее среде царил мрачная подавленность, переводчики не могли поверить в то, что они переводили. Согласно воспоминаниям Т.С. Ступниковой, переводить было очень сложно, многие испытывали стыд, смешанный со скорбью за свое многострадальное отечество, все сложнее было скрывать свои эмоции, оставаясь бесстрастным. Все сложнее было не отвлекаться на собственные рассуждения. Ведь поднятие катынского вопроса лишило стальной уверенности и непробиваемого спокойствия и судей, и обвинителей [5, с. 94].

В заключение стоит сказать, что и поныне работа переводчика-синхрониста является крайне сложным, напряженным и ответственным делом. Значение имеет каждое произнесенное слово. Помимо идеального знания языков, переводчик должен обладать ораторским мастерством, быть эрудированным и обладать значительными знаниями в обсуждаемом вопросе, необходимо иметь невероятную скорость и реакцию, уметь быстро думать для нахождения нужных слов. От переводчика требуется ежесекундно оставаться в состоянии крайней мобилизации физических и психологических ресурсов, ведь спустя 30–40 минут непрерывного перевода наступает утомление ротового аппарата – язык, губы перестают слушаться, наступает боль в голосовых связках, все сложнее становится четко произносить слова, кроме того скорость сердцебиения может достигать ста шестидесяти ударов в минуту, в то время как энцефалограф покажет предельную активность нейронов в соответствующих областях мозга. Поэтому через 30–40 минут работы мозг приводит в действие защитные механизмы – так называемую «мертвую зону», после наступления которой переводчик не может вести свою деятельность – необходим отдых. По этой причине на современных междуна-

родных длительных конференциях переводчики работают по 3–6 смен [10].

Но в распоряжении современных переводчиков-синхронистов находится целый ряд специального оборудования, инструкций, методов. Тем более колоссальным кажется сейчас подвиг, совершенный переводчиками-синхронистами на Нюрнбергском процессе. Это были невероятно умные, влюбленные в свою профессию люди, фанатики языка, которые несмотря на невероятную сложность работы, непростые условия и неформальности синхронного подхода смогли стать посредниками, лексическими мостами между тремя странами, взаимодействовавшими на Нюрнбергском процессе для достижения общей цели.

1. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. Изд. 3. – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

2. Berman S. / Michael W. Nation, Language, and the Ethics of Translation – Princeton.: Princeton University Press, 2005. – 413 с.

3. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. Изд. 5 – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

4. Матасов Р.А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. – 2008. – № 2. – С. 18–34.

5. Ступникова Т.С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. – М.: Изд-во «Возвращение». – 2003. – 200 с.

6. Гофман И.Д. Нюрнберг предостерегает. – Полтава.: Изд-во ЧП Говоров С., – 2007. – 376 с.

7. Звягинцев А.Г. Главный процесс человечества. – М.: Изд-во ОЛМА МедиаГрупп, 2012. – 653 с.

8. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. – М.: Политиздат, 1986. – 207 с., ил.

9. Gaiba, F. The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. – Ottawa: University of Ottawa Press, 1998. – 281 с.

10. Ломб К. Как я изучаю языки. – М.: Аргамак, 1993. – 117 с.

1. Chernov G.V. Teoriya i praktika sinxronnogo perevoda. Izd. 3. – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

2. Berman S. / Michael W. Nation, Language, and the Ethics of Translation – Princeton.: Princeton University Press, 2005. – 413 с.

3. Chernov G.V. Teoriya i praktika sinxronnogo perevoda. Izd. 5 – М.: Изд-во URSS, 2009. – 208 с.

4. Matasov R.A. Sinxronnyj perevod na Nyurnbergskom processe // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2008. – № 2. – S. 18–34.

5. Stupnikova T.S. Nichego krome pravdy. Nyurnbergskij process. Vospominaniya perevodchika. – M.: Izd-vo «Vozvrashhenie». – 2003. – 200 s.
6. Gofman I.D. Nyurnberg predosteregaet. – Poltava: Izd-vo ChP Govorov S., – 2007. – 376 s.
7. Zvyaginets A.G. Glavnyj process chelovechestva. – M.: Izd-vo OLMA MediaGrupp, 2012. – 653 s.
8. Raginskij M.Yu. Nyurnberg: pered sudom istorii. – M.: Politizdat, 1986. – 207 s., il.
9. Gaiba, F. The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. – Ottawa: University of Ottawa Press, 1998. – 281 s.
10. Lomb K. Kak ya izuchayu yazyki. – M.: Argamak, 1993. – 117 s.
-

UDC 808.53

THE ROLE OF SIMULTANEOUS INTERPRETERS IN THE DISCOURSE OF NUREMBERG TRIALS

Hechoshvili Nikolay Robertovich,

Humanities and Education Science Academy (Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
Institute of Economy and Menagerment,
Second-year student,
Yalta, Crimea, Russia,
E-mail: 1234-nikolay@bk.ru

Annotation

Now, after many decades, now living Nuremberg process seems a mere formality, or feigned farce, but at the critical objective view of you know – it was and remains the most important trial in human history. It was a discussion between the accusers and the accused, between the two powers, two nations, two ideologies. But investigating this extraordinary phenomenon, often forget about those, thanks to whom the whole world knew about how fascism was defeated and condemned a second time, not by force of arms and the force of law. It is a simultaneous interpreter.

Key words:

Nuremberg Trials, fascism, simultaneous interpreters, justice.

УДК 327.56

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Иванов Олег Борисович,

Заслуженный юрист Московской области,
руководитель Центра урегулирования конфликтов,
Москва, Россия,
E-mail: sovetmomo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция общественной мысли по проблеме соотношения военного и политического компонентов социальных отношений, места военных конфликтов в политическом процессе. Анализируются основные классификации военных конфликтов и их познавательные возможности. Исследуется трансформация современных представлений о военных конфликтах в связи с развитием в науке таких понятий, как «мягкая сила», «информационная война» «гибридный конфликт (война)». Автор приходит к выводу, что в теории конфликтов военные конфликты представляются как экстраординарная форма отношений, выходящая за рамки обычного политического процесса, а иногда – и за рамки политики в целом.

Ключевые слова:

военный конфликт, политический процесс, мягкая сила, информационная война, гибридная война.

Соотношение политики и войны как форм общественных отношений с древнейших времён является предметом внимания мыслителей. Гераклит Эфесский видел источники развития в некоторых универсальных свойствах мира в целом, в его противоречивой сущности. Он отмечал: «Война – отец всех вещей, а мир – их мать... Одним она определила быть богами, а другим – людьми, одних она сделала рабами, других – свободными» [6, с. 89]. Таким образом, античный философ декларирует диалектическое единство войны и мира, вражды и политического процесса, которые, тем не менее, являются разными состояниями общественной жизни. Аналогичных взгля-

дов придерживался Эпикур, который тем не менее считал, что негативные последствия столкновений вынудят когда-то людей жить в состоянии постоянного мира. В целом, война рассматривается в этот период в связи с политическим процессом, но в то же время как нечто иное, «не-политика».

В философии Средних веков военные конфликты и политические процессы анализируются в контексте теологии. Христианская философия в соответствии с принципами Евангелия стремилась доказать преимущества мира, согласия и братства между людьми. На рубеже II–III вв. ее видные представители доказывали несовместимость войн с учением Христа, что, однако, вряд ли

повлияло на естественный ход исторического развития. В дальнейшем этот принцип был поставлен под сомнение [8, с. 435]. В частности, церковные идеологи оправдывали крестовые походы как «справедливые» войны, хотя внутри Европы церковь чаще всего выступала в роли миротворца.

В эпоху Возрождения мыслители выступали прежде всего с позиций гуманизма, осуждая вражду и насилие. Такого рода высказывания мы находим в работах Т. Мора, Эразма Роттердамского, Ф. Рабле. Особняком в этом плане стоит творчество Н. Макиавелли. В его работах конфликт, в том числе и военный, трактуется как один из инструментов политики.

Следует обратить внимание на размышления Ф. Бэкона, касающиеся конфликтов и методов их урегулирования. Его «Эссе о гражданской и моральной жизни» во многом посвящено вопросам предотвращения внутривластных вооружённых конфликтов (восстаний, мятежей), которые в период позднего Средневековья и на этапе Нового времени были почти что неизменным атрибутом политической жизни Англии. В этих условиях грань между военным и политическим конфликтом неизбежно размывается. Поэтому Бэкон указывает, что политика требует «разделения и раскалывания враждебных государству союзов», а «прекрасной мерой» предотвращения конфликтов является забота о том, чтобы у недовольных не нашлось вожака, объединяющего их. Также правителю нужно «иметь под рукой» людей, способных подавлять мятежи [3].

Соотношение военного и политического, рассматриваемое в несколько метафоризированном ключе – один из важных аспектов эпохального для общественной мысли труда Т. Гоббса «Левиафан». Война как состояние хаоса, борьбы всех против всех противопоставляется миру, обеспечиваемому государством как политическим институтом в рамках общественного догово-

ра. Таким образом, вооружённый конфликт должен быть исключён из внутривластной повестки дня как ненормальное для неё явление. Однако того же нельзя сказать о внешнеполитической среде государства.

Хотя Вестфальский мир заложил основы национальных государств как основных субъектов мировой политики, в дальнейшем наступление эпохи социальных революций, интервенций как средства борьбы с ними, и «освободительных войн» как средства их распространения приводят к отсутствию четкости в разграничении внутри- и внешнеполитических процессов. Это проявляется и в сфере социальных учений. В первую очередь, следует отметить появление работ, авторы которых стремятся вписать военные конфликты в русло политических, и, шире, общесоциальных процессов. Наиболее известным из них является сочинение К. Клаузевица «О войне», где речь, в частности, идёт о том, что «война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [12, с. 16]. Согласно этому мнению, война подчинена политике и ведётся для достижения определённых политических целей.

Формируются также концепции, в которых война рассматривается как проявление общеэволюционных процессов, связанных с «естественным отбором» и поддержанием ресурсного баланса в обществе. К таковым относится теория Т. Мальтуса, согласно которой рост средств существования людей «естественным образом» отстаёт от роста народонаселения. Борьба за средства существования делается, таким образом, неизбежной, поэтому военные конфликты объявляются «вечными» [1, с. 45–88]. В русле схожего подхода возникло направление, называемое социальным дарвинизмом (Г. Спенсер, У. Самнер, Л. Гумплович). Согласно взглядам этих исследователей, в обществе существуют механизмы «есте-

ственного отбора», позволяющие успешно развиваться наиболее приспособленным индивидам. Однако формы развития возникающих на этой основе конфликтов могут существенно различаться в зависимости от типа культуры, господствующих социальных норм и т. д. Поэтому общество способно эволюционировать от военных методов разрешения конфликтов к политическим.

Наконец, в трудах К. Маркса обосновывается возможность, и даже необходимость внутривнутриполитических вооружённых конфликтов революционного типа, направленных на смену социально-экономических формаций. С точки зрения Маркса, классовые конфликты являются движущей силой развития общества, обеспечивая переход к новым этапам развития (формациям). Наиболее эффективным способом такого перехода считается революционный путь, позволяющий провести преобразование социальной структуры в кратчайшие сроки («революции – локомотивы истории»). В дальнейшем на этой основе была разработана концепция «мировой революции», сопровождаемой классовой войной, фактически стирающей грань между внутри- и внешнеполитической конфликтностью.

Теоретики формирующейся в XX в. конфликтной парадигмы исследования социальных процессов также уделяли существенное внимание тематике военных и политических конфликтов. Военные конфликты рассматриваются ими как выполняющие преимущественно негативные, разрушительные функции. Задачей же трансформации, управления социальными конфликтами становится их перевод в конструктивные формы развития, что обеспечивается в первую очередь с помощью механизмов политической институционализации. Так, Л. Козер отмечает, что конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые нетерпимы по отношению к нему, в которых он не институализирован. Чрезмерная жесткость социальной структуры прово-

цирует конфликт с катастрофическими последствиями для общества. Повышение степени институционализированности конфликта влияет на уровень согласия сторон по поводу способов и методов взаимодействия в нём, позволяя лучше контролировать возможные последствия тех или иных действий. Высокоинституционализированные конфликты отличает возможность коллективного управления их развитием, а также чёткое определение момента окончания конфликта [13, с. 188]. Военные конфликты можно отнести к числу низкоинституционализированных, в предельном случае – деинституционализированных. В этом заключается, с позиций Л. Козера, основное различие между военной и политической борьбой.

Аналогичных позиций придерживается и Р. Дарендорф, утверждая, что «конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в какой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [7, с. 145–146].

В современной науке о конфликтах изучению роли военных конфликтов в политическом процессе также уделяется определённое внимание. Оно сосредоточено на таких аспектах, как содержательная составляющая военно-политических конфликтов и возможности их типологизации (Э. Мирбашир оглу [16, с. 115–118]), возможности использования политических методов в их урегулировании (А. В. Загребельный [9, с. 182–191], П. В. Калмыков [10, с. 75–77]), особенности отдельных видов военно-политических конфликтов (Анкудинов Е. В. [2]). Кроме того, ряд известных исследователей политической конфликтности (А. В. Глухова, А. В. Дмитриев и др.) в своих работах затрагивают проблематику военных конфликтов в политическом процессе. Так, А. В. Глухова отмечает, что политический конфликт не равнозначен военному конфликту, воору-

женной борьбе, хотя в экстремальных случаях может ею заканчиваться. Но военный конфликт подчиняется собственным законам, включая технические [5, с. 27].

В ходе исследования роли и места военных конфликтов в политике сложились их основные классификации. В первую очередь следует выделить наиболее востребованное в научных работах разделение таких конфликтов на внутривнутриполитические и внешнеполитические. К первым можно отнести гражданские войны, вооружённые восстания, сепаратистские вооружённые конфликты и др. Ко второму типу относятся вооружённые конфликты между государствами или их коалициями, а также военные действия против международных террористических организаций.

Достаточно часто используется классификация конфликтов в зависимости от их масштаба. В данном ракурсе можно выделить локальные военные конфликты (на уровне отдельных регионов или районов государства либо в виде столкновения между двумя государствами, в которое не вовлечены другие акторы); региональные (как правило, с прямым или косвенным участием нескольких государств одного региона, а также с возможным вовлечением государств, находящихся за его пределами); глобальные (с вовлечением наиболее значимых государств современного мира, грозящим перейти в открытые военные действия друг против друга).

Можно применить и классификацию, опирающуюся на длительность протекания конфликта. В её рамках выделяются краткосрочные военные конфликты (как правило, длительностью до нескольких недель), среднесрочные (до года), длительные или затяжные (стороны могут вести, прекращать и возобновлять военные действия в течение неопределённо длительного периода).

Военные конфликты также включаются в качестве одной из категорий в некоторые классификации, широко используемые в со-

временной конфликтологии. К примеру, известный американский конфликтолог А. Раппопорт выделил три типа конфликтов: спор, игра и война. В первом случае стороны стремятся достичь своих целей путем убеждения друг друга. Во втором случае стороны могут применять насильственные, принудительные действия, но лишь в рамках установленных правил. Стороны используют любые методы, в том числе и насильственные, не будучи чем-либо ограничены. Данный тип конфликтов чреват быстрой эскалацией. Таким образом, и в классификации Раппопорта конфликт военного типа связывается с отсутствием каких-либо ограничений, что препятствует его регулированию и фактически выводит его за рамки политического процесса.

На современном этапе развития социально-гуманитарных знаний в целом сложившиеся представления о военных конфликтах подвергаются существенной корректировке в связи с появлением в поле научных дискуссий таких понятий, как «мягкая сила», «информационная война», «гибридный конфликт». Они расширяют сложившиеся представления о самом понятии и формах конфликтных отношений, в том числе и в виде военных действий.

Первое из этих понятий зарождается в русле «стратегии не прямых действий», которую сформулировал в своих исследованиях английский военный теоретик Б. Лиддел Гарт. Он отмечал, что метод не прямых действий является основным в области политики, а изменение взглядов достигается легче и быстрее незаметным проникновением новых идей [14, с. 4]. В русле данной идеи разрабатываются концепция «мягкой силы» (Дж. Най [21]) и технологии непрямого воздействия на оппонентов в конфликтах. Как отмечает И. В. Шамин, в современной науке, прежде всего в работах западных ученых, сформировалось направление, изучающее «непрямые технологии» геополитической борьбы [20, с. 3]. Некоторые

отечественные исследователи считают, что стратегии непрямых действий и «мягкой силы» – это особые технологии её осуществления [11].

Использование «мягкой силы» предполагает способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников [17]. Политическое влияние государства, согласно этой концепции, конвертируется в политические дивиденды за счет символического капитала культуры, политических (демократических) ценностей и смыслов. Данный капитал позволяет формировать положительное общественное мнение в отношении его обладателя, которое может стать ресурсом в условиях латентных, не перешедших в острую фазу конфликтов.

Более агрессивным, хотя и не выходящим за рамки косвенного влияния, является управление на основе информационного воздействия в условиях открытого конфликта. Оно может быть направлено, к примеру, на консолидацию противников существующего политического режима, ослабление его позиций в общественном сознании и т. д. Действия такого типа нацелены на достижение решающего преимущества над оппонентом, закрепляемого через трансформацию его политической системы на основе внедрения институтов определённого типа. А. В. Манойло видит в этом основное отличие англосаксонской модели управления конфликтами, тогда как в рамках западноевропейской модели не ставится задача путем прямого вмешательства изменить политические системы в государствах-участниках конфликта [15, с. 69]. Подобные стратегии управления конфликтами, призванные обеспечить доминирование какого-либо из участников конфликтов, переносятся с международного на национальный уровень, в том числе за счет вмешательства внешних сил в региональные внутригосударственные конфликты.

Крайней формой такого информационного воздействия считается инфор-

мационная война. Г. Г. Почепцов считает, что «информационная война представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов вооруженными силами и реализации национальной политики» [19, с. 36]. По мнению Н. И. Панарина, информационная война – это «комплексное совместное применение сил и средств информационной и вооруженной борьбы» [18, с. 21]. Исходя из этого, информационная война может вестись без непосредственного вторжения на территорию противника или сопровождать такое вторжение. С другой стороны, расширительное использование данного понятия размывает его сущностные характеристики, которые и так остаются весьма неопределёнными в современной науке.

Наконец, термин «гибридный конфликт» («гибридная война») отражает смешанную стратегию ведения конфликта, в которой тесно переплетаются военные и невоенные составляющие. В настоящее время этот концепт ещё не в достаточной степени разработан. Начальник Генерального штаба вооруженных сил России В. Герасимов подчёркивал, что «гибридная война» включает в себя асимметричные формы ведения военных действий. Акцент военных действий сместился в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, направленных на активизацию протестного потенциала населения [4]. Кроме того, достаточно широко применяются нерегулярные военные формирования, сложная техника, экономические методы воздействия на оппонентов (блокада, санкции и т. д.).

Таким образом, представления о военных конфликтах и их месте в политическом процессе эволюционируют в процессе развития общественной мысли. Большинство исследователей подчёркивает наличие ряда принципиальных отличий, которые делают

военный конфликт экстраординарной формой политики, а в некоторых случаях – выводят его за рамки политики, превращая военное в антитезу политического. В связи с развитием сетевого общества формы и методы ведения противоборства с элементами военных действий значительно изменились, что требует переосмысления как самого понятия, так и влияния стоящих за ним явлений на политический процесс.

1. Акаев А.А., Коротаев А.В., Малинецкий Г.Г., Малков С.Ю. (ред.). Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: Красанд, 2011.
2. Анкудинов Е.В. Гражданская война как военно-политический конфликт // http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Politologia/21231.doc.htm.
3. Бэкон Ф. Эссе о гражданской и моральной жизни // Собр. соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 2.
4. Герасимов В. Ценность науки в предвидении // <http://vpk-news.ru/articles/14632>.
5. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: Теоретико-методологический анализ. М.: Эдиториал УРСС, 2010.
6. Гуроров В.В. Античная социальная утопия. Л., 1979.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.
8. Дмитриев А.В. Социальный конфликт. Общее и особенное. М. 2002.
9. Загребельный А.В. Несиловые способы урегулирования военно-политических конфликтов: концептуальные подходы // PolitBook. 2013., № 1.
10. Калмыков П.В. теория и практика предотвращения военных конфликтов современности // Власть. 2007. № 4.
11. Карякин В.В. Россия как цель реализации стратегий «непрямых действий» и «мягкой силы» внешнеполитических акторов // <http://www.riss.ru/?newsId=943>.
12. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
13. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000.
14. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М.: Иностранная литература, 1957.
15. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами // Политэкс. 2008. № 3.
16. Мирбашир оглу Э. Сущность военно-политических конфликтов и их основные разновидности // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 8.
17. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10.
18. Панарин И.Н. Информационная война и власть. – М.: Мир безопасности, 2001.
19. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000.
20. Шамин И.В. Технологии «прямых» и «непрямых» действий и их применение в современном международно-политическом процессе: дис. ... д. пол. н. Нижний Новгород, 2011.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
1. Akaev A.A., Korotaev A.V., Malineckij G.G., Malkov S.Yu. (red.). Proekty i riski budushhego: koncepcii, modeli, instrumenty, prognozy. M.: Krasand, 2011.
2. Ankudinov E.V. Grazhdanskaya vojna kak voenno-politicheskij konflikt // http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Politologia/21231.doc.htm.
3. Be'kon F. E'sse o grazhdanskoj i moral'noj zhizni // Sobr. soch.: V 2 t. M., 1979. T. 2.
4. Gerasimov V. Cennost' nauki v predvidenii // <http://vpk-news.ru/articles/14632>.
5. Gluxova A.V. Politicheskie konflikty: osnovaniya, tipologiya, dinamika: Teoretiko-metodologicheskij analiz. M.: E'ditorial URSS, 2010.
6. Gutorov V.V. Antichnaya social'naya utopiya. L., 1979.
7. Darendorf R. E'lementy teorii social'nogo konflikta // Socis. 1994. № 5.
8. Dmitriev A.V. Social'nyj konflikt. Obshee i osobennoe. M. 2002.
9. Zagrebel'nyj A.V. Nesilovye sposoby uregulirovaniya voenno-politicheskix konfliktov: konceptual'nye podxody // PolitBook. 2013., № 1.
10. Kalmykov P.V. teoriya i praktika predotvrashheniya voennyx konfliktov sovremennosti // Vlast'. 2007. № 4.
11. Karyakin V.V. Rossiya kak cel' realizacii strategij «nepryamych dejstvij» i «myagkoj sily» vneshnepoliticheskix aktorov // <http://www.riss.ru/?newsId=943>.
12. Klauzevic K. O vojne. M.: Gosvoenizdat, 1934.
13. Kozler L. Funkcii social'nogo konflikta. M.: Ideya-Press, 2000.
14. Liddel Gart B. Strategiya nepryamych dejstvij. M.: Inostrannaya literatura, 1957.
15. Manojlo A.V. Psixologicheskie operacii: modeli i texnologii upravleniya konfliktami // Polite'ks. 2008. № 3.
16. Mirbashir oglu E'. Sushhnost' voenno-politicheskix konfliktov i ix osnovnye raznovidnosti // Zhurnal nauchnyx publikacij aspirantov i doktorantov. 2009. № 8.
17. Naj Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl'-XXI. 2004. № 10.
18. Panarin I.N. Informacionnaya vojna i vlast'. – M.: Mir bezopasnosti, 2001.
19. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. M.: Refl-buk, K.: Vakler, 2000.
20. Shamin I.V. Texnologii «pryamych» i «nepryamych» dejstvij i ix primenenie v sovremennom mezhdunarodno-politicheskom processe: dis. ... d. pol. n. Nizhnij Novgorod, 2011.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

UDC 327.56

ARMED CONFLICT AS A FORM OF POLITICAL PROCESS

Ivanov Oleg Borisovich,

Honored Lawyer of Moscow Region,
The head of the Center of settlement of conflicts,
Moscow, Russia,
E-mail: sovetmomo@mail.ru

Annotation

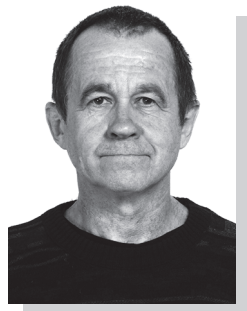
This paper describes the evolution of public opinion on the issue of the relation of the military and political components of social relations, place of military conflicts in the political process. Analyzes the basic classification of armed conflicts and their educational opportunities. We study the transformation of modern ideas about the military conflicts in connection with the development of science concepts such as «soft power», «information war», «hybrid conflict (war)». The author concludes that the theory of conflict armed conflicts presented as an extraordinary form of relationship that goes beyond the usual political process, and sometimes – and the scope of the policy as a whole.

Key words:

armed conflict, political process, soft power, information war, hybrid war.

УДК 327.2

«ВАНПАОШАНЬ» И ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ В МАНЬЧЖУРИИ 1931 Г.

Гайкин Виктор Алексеевич,

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела японоведения,
Владивосток, Россия,
E-mail: unara49@mail.ru

Аннотация

Ванпаошаньский инцидент – известный и неизвестный. Статья о конфликте между корейскими и китайскими крестьянами, ставшим прологом к агрессии Японии в Маньчжурии, о международных отношениях в одном из локальных эпицентров мировой геополитики. Ванпаошаньский инцидент стал апогеем политики «защиты и покровительства», реализуемой Японией в отношении корейской диаспоры и одновременно предлогом для оккупации Маньчжурии. Он высветил цели и смысл этой политики, её экспансионистскую подоплёку, как в кривом зеркале отразил суть взаимоотношений трёх восточноазиатских народов в эпоху империалистических войн за передел мира.

Ключевые слова:

Ванпаошань, корейские эмигранты, японская агрессия.

Ванпаошаньский инцидент (июль 1931 г.) стал своего рода кульминацией проводимой японскими агрессорами с 1907 г. политики «защиты и покровительства» корейской диаспоры в Маньчжурии, целью которой было использование корейских эмигрантов в качестве орудия и предлога для экспансии в Северо-восточном Китае. «Защищая» корейцев, Япония обеспечивала себе право на вмешательство во внутренние дела Китая, на военное присутствие в Маньчжурии, на создание экономической базы в сельском хозяйстве этого региона.

Плодородные земли долины реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы (с середины XIX в.). Позднее про-

никновение китайцев объясняется труднодоступным характером местности, огражденной горами. С корейской же стороны попасть туда, перейдя реку Туманган было довольно легко. В результате к началу 20 века китайская территория, прилегающая к пограничной с Кореей реке, оказалась заселенной корейскими крестьянами-иммигрантами. Этот регион получил название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72 076 корейцев и только 21 983 китайцев [17, с. 326]. Сегодня это корейский автономный округ Яньбянь, который должен стать территорией реализации «Проекта Туманган». В четырех уездах Цзяньдао в 1920 г. проживало уже 143 тыс. человек, из них корейцев – 109 500, китайцев – 33 тыс. На 1931 г. число жителей превысило

500 тыс. человек, из которых корейцы составили 395 847 человек [14, с. 12].

Корейские иммигранты, пройдя через Цзяньдао, селились и во внутренних районах провинции Цзилинь. Еще один район значительной концентрации корейского населения – это приграничные уезды провинций Цзилинь (в районе Чанбайшаня) и Ляонин (за р. Ялуцзян). По численности корейцы уступали здесь китайцам. Из районов, примыкающих к р. Ялуцзян, корейцы распространялись вглубь провинции Ляонин. К началу 30-х гг. корейское население в Северо-Восточном Китае составляло около 800 тыс. человек. В провинции Цзилинь (включая Цзяньдао) насчитывалось около 500 тыс. корейцев [7, с. 90], в провинции Ляонин – около 250 тыс. [6, с. 75], в провинциях Хэйлунцзян и Хэйхэ – около 50 тыс. человек.

В 20-е годы интенсивное заселение Маньчжурии китайцами привело к росту цен на землю и повышению арендных ставок. Эти и другие факторы вызвали увеличение числа арендных конфликтов между китайскими землевладельцами и корейскими арендаторами. Китайские власти, защищая интересы помещиков, сгоняли с земли корейских крестьян. Газета ЮМЖД «Манчжуриа дэйли нюс» от 16 января 1924 г. писала: «Ввиду преследования корейцев в Маньчжурии и отношения к японцам, которое является далеко не благоприятным, токийское правительство должно взять на себя обязанность поддержания японского престижа и окончательного разрешения этого вопроса».

Резкое увеличение численности корейцев в Маньчжурии, их экономическое преуспевание, с одной стороны, активность Японии в Цзяньдао, по существу превратившей этот район в свою полуконию, с другой стороны, заставили китайские власти принять радикальные меры. Вторая половина 20-х годов – это период гонений на корейцев, равных которым не было в истории корейской эмиграции в Китае. Правовой основой для преследования корейцев послужили, как ни странно, два

японо-китайских секретных соглашения, инициатором заключения которых была Япония. Это – «Двустороннее соглашение о контроле над корейцами», заключённое 11 июня 1925 г. и получившее название «Договор Мицзюя», и «Правила осуществления контроля над корейцами», заключённое 8 июля 1925 г. [16, с. 139]. В подписании этих соглашений участвовали начальник полицейского управления корейского генерал-губернаторства и начальник полиции провинции Ляонин. Заключая эти соглашения, японцы стремились руками китайских властей пресечь антияпонскую деятельность корейских борцов за независимость в приграничных с Кореей районах Маньчжурии. Они давали право китайской администрации арестовывать корейцев, являющихся японскими подданными, невзирая на право экстерриториальности, и выдавать их Японии.

Однако для китайской администрации нежелательными были как корейские коммунисты, так и корейские крестьяне, которых японцы стремились использовать в качестве орудия колониальной политики. Вслед за заключением соглашений последовала серия законов и постановлений, выпущенных китайскими властями, обрушивших на корейцев Маньчжурии репрессии под предлогом борьбы с антияпонским движением. Эти законы преследовали цель если не изгнать сотни тысяч корейцев из Маньчжурии, то запугать, деморализовать, вывести из под японского влияния, заставить принять китайское подданство и ассимилировать их.

За 1925–1926 гг. было зарегистрировано 30 случаев гонений на корейцев, основывавшихся на вышеуказанных постановлениях. Из них – 10 были в области образования, 5 – запрещение проживания, 4 – запрещение аренды земли, 4 – принуждение к натурализации, 1 – покупка земли, 6 – связаны с документами на проживание [16, с. 142, 143]. Рекордным по количеству инцидентов и интенсивности репрессий был 1927 г. (зарегистрировано 197 случаев репрессивных действий). По мо-

тивам они распределялись следующим образом: на первом месте – изгнание с места жительства (94 случая – почти половина всех зарегистрированных инцидентов), на втором месте – принуждение к натурализации (36 случаев), на третьем месте – нарушение арендных прав (18 случаев), кроме того, 12 случаев незаконного налогообложения, далее: закрытие корейских школ, штрафы и прочее [16, с. 150, 151]. «Японская пресса подняла кампанию, обвиняя китайские власти в преднамеренном преследовании корейцев и японских подданных и утверждая, что эти конфликты являются результатом действий, направленных против японской политики в Маньчжурии» [2, с. 1].

29 декабря 1928 г., через 7 месяцев после убийства Чжан Цзолина, его сын и преемник Чжан Сюэлян выступил с заявлением о признании власти Нанкинского правительства. Переориентация Чжан Сюэляна означала продолжение репрессий по отношению к корейцам. В 1930 г. маньчжурские власти опубликовали указ, призывающий китайских землевладельцев разорвать все арендные договоры с корейцами [16, с. 128]. 18 апреля 1930 г. администрация провинции Цзилинь объявила о закрытии всех корейских школ в провинции [22, с. 64]. В мае 1930 г. был издан приказ администрации района Цзяньдао-Хунчунь о запрещении натурализации прояпонски настроенных корейцев [16, с. 126].

Один из китайских журналов писал: «Сейчас корейцы очень плохи. Китайцы в Маньчжурии избегают их и отказываются иметь с ними дело (автор статьи «забыл» о китайских землевладельцах, эксплуатировавших корейских крестьян. – В.Г.). Корейцы потеряли все черты национального характера, а с ними и чувство честности и благопристойности. Под защитой японцев (экстерриториальность), которые намеренно расширяют её в ущерб китайцам, корейцы покупают землю и уклоняются от финансовых обязательств. Совершают преступления и подлые поступки» [20, с. 851].

Ненависть, питаемая китайцами к Японии и ко всему с ней связанному, пере-

носилась на корейцев. Таким образом, Япония претворяла в жизнь излюбленное правило колонизаторов «разделяй и властвуй», вбивая клин между китайским и корейским населением Маньчжурии. Что касается вышеприведённых обвинений китайского буржуазного журнала, то если в них и была доля правды, она целиком относилась к меньшинству прояпонски настроенных корейцев, которые при подстрекательстве японцев порой совершали антикитайские выпады.

Во время событий 1907–1909 гг. (попытка оккупации Цзяньдао) японские колонизаторы выработали специфическую многоцелевую политику в отношении маньчжурских корейцев, состоявшую из комплекса политических, экономических и идеологических мероприятий, политику, которая в несколько видоизменённом виде претворялась в жизнь вплоть до 1931 г. и демагогически называлась «защитой и покровительством».

Политика «защиты и покровительства» определялась отнюдь не филантропическими соображениями. Она являлась составной частью агрессивной политики Японии по установлению своего господства в Северо-Восточном Китае. Во-первых, Япония использовала лозунг «защиты корейцев» как предлог для посылки войск в Маньчжурию с целью территориальной экспансии, для содержания в Маньчжурии консульства и полицейских отрядов. Присутствие корейских переселенцев в Маньчжурии стало фактором, усиливающим позиции Японии в этом регионе, расширяло зону её влияния, давало возможность Японии оказывать давление на китайское правительство.

Другой целью политики «защиты и покровительства» было стремление Японии использовать корейских крестьян для японской сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии. При всех льготах, которые японское правительство предоставляло японским крестьянам-переселенцам, сельскохозяйственная колонизация Северо-Востока Китая силами японских колонистов по многим при-

чинам не удалась [19, с. 54, 55, 56]. В то же время заселение Маньчжурии корейскими крестьянами проходило довольно интенсивно. Колонизаторы стремились привлечь корейских переселенцев на свою сторону. Однако, учитывая, что японцы хозяйничали в Корее, подвергали притеснениям и эксплуатации коренных жителей и что причиной эмиграции многих корейцев была именно колониальная политика Японии в Корее, завоевать доверие переселенцев было крайне трудно.

Арендные конфликты, возникавшие между китайскими помещиками и корейскими крестьянами, Япония использовала в своих интересах, разжигая национальную рознь, оглушая корейцев демагогией фраз о заботе, сочувствии и общности интересов. Само по себе широко рекламируемое «покровительство» Японии порождало недоверие китайцев к корейской диаспоре. Частым явлением стали антикорейские выпады на страницах китайской печати, настраивающие общественное мнение против корейцев, именуемых не иначе, как «авангард японской колонизации» [23, с. 342]. Обвинения были выдержаны в шовинистическом духе.

Японские экспансионисты пытались закабалить корейских крестьян экономически, взять под контроль землю, которую они обрабатывали, урожай, который они получали. Для этой цели в Маньчжурии в 1910 г. были организованы так называемые кредитные товарищества. Тем не менее, корейские переселенцы не стали послушным орудием японской агрессии. По данным японской разведки «в конце 1921 г. 150 тысяч корейцев в Маньчжурии и Сибири находились под влиянием большевистской пропаганды (среди китайцев – 20 тысяч)» [24, с. 22].

Поэтому третьей целью политики «защиты и покровительства» являлась борьба с антияпонским движением корейского населения Маньчжурии. Если японские карательные экспедиции, периодически (в 1910, 1920, 1930 гг.) вторгавшиеся в Северо-Восточный Китай для расправы с борцами за независимость, были

кнудом, то «защита и покровительство» были пряником, которым японцы надеялись привлечь корейское население на свою сторону, создать вокруг борцов за освобождение Кореи вакуум и тем самым обречь их на поражение. С этой целью в Маньчжурии строились школы для корейских детей с преподавателями-японцами, которые рассказывали школьникам о величии Японии и о пагубности национально-освободительного движения. Корейским переселенцам оказывалась незначительная финансовая помощь, сопровождаемая пропагандистской шумихой. Цель колонизаторов состояла в том, «чтобы с минимальной суммы затрат получить максимальные политические проценты» [8, с. 177].

Цели политики «защиты и покровительства» были сформулированы в известном «меморандуме Танака». В главе «Поддержка и защита корейской эмиграции» говорилось: «С одной стороны, мы сможем использовать натурализовавшихся корейцев, чтобы скупать землю под выращивание риса. С другой стороны, мы сможем увеличить им помощь через посредство «кооперативного общества», ЮМЖД и др., чтобы они могли служить передовым отрядом нашего экономического проникновения. Их натурализацию нужно считать временной необходимостью. Когда число корейцев достигнет 2,5 млн. или больше, их можно будет толкнуть на военные действия, если в этом будет необходимость, и под предлогом подавления корейцев мы сможем оказать им помощь» [23, с. 342]. Ему вторили авторы книги «Современное положение Цзяньдао»: «... Необходимо развивать насколько это возможно финансовые, лечебные, учебные, полицейские органы (в Цзяньдао – В.Г.). Когда число зарубежных корейцев достигнет 1 млн. человек, то Цзяньдао станет провинцией Кореи, а управление её возьмут на себя эти органы» [11, с. 266].

1931 г. ознаменовался новыми действиями, направленными против корейских крестьян. В марте китайские чиновники в уезде Куаньдянь издали приказ о выселении

20 корейских семей под предлогом того, что эти корейцы были связаны с компартией [22, с. 64]. В мае 1931 г. в уезде Хунчунь управление общественной безопасности выпустило указ «об ограничении корейских школ и контроле над антияпонски настроенными корейцами» [18, с. 178].

Апогеем японской политики «защиты и покровительства» корейцев стал известный Ванпаошаньский инцидент, ставший одним из звеньев в цепи провокаций, предварявших захват Японией Маньчжурии. В Ванпаошане, местечке в 18 милях от Чанчуна, весной 1931 г. группа корейцев арендовала участок заболоченной земли (около 300 акров) для проведения ирригационных работ и выращивания риса (появление в этом регионе корейских беженцев было вызвано коммунистическим восстанием в Цзяньдао 30 мая 1930 г., военными действиями, связанными с его подавлением китайскими властями и неизбежными при этом тяготами для крестьян). В китайской прессе отмечалось, что аренда такого большого участка не могла обойтись без японского капитала.

Работы по сооружению каналов для подведения воды из реки Итун на поля началась без разрешения китайских властей. Китайцы – владельцы земель, по которым корейцы рыли каналы, начали протестовать, опасаясь эрозии почвы и затопления 2 тыс. акров их земли. Одновременно беспокойство по поводу появления корейских беженцев высказали власти Маньчжурии. 25 мая администрация провинции Цзилинь издала секретный указ о выселении уже проживавших в провинции корейцев и противодействии въезду новых иммигрантов, который был послан и мэру Чанчуна. Мэр Чанчуна отдал соответствующие распоряжения полиции, которая начала «прессовать» корейцев (аресты, избиения). Оказавшись в безвыходном положении, корейцы, вспомнив японскую риторику о «защите и покровительстве», обратились к японскому консулу в Чанчуне, который послал на место несколько полицейских и чиновников консульства [15, с. 23].

Поскольку корейцы продолжали копать каналы по землям китайских крестьян, те в свою очередь пожаловались администрации провинции Цзилинь. 30 мая 200 китайских полицейских потребовали у арендаторов прекратить работы, но не были услышаны. Ситуация накалялась, и правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян предложил японскому консульству одновременный вывод из Ванпаошаня японской и китайской полиции. По японской версии такое же распоряжение было послано МИДом Японии консулу в Чанчуне [15, с. 11, 12]. В своём донесении консул ответил МИДу, что японская полиция должна защитить корейцев – японских подданных, Япония должна занять на переговорах жёсткую позицию и потребовать компенсации китайской стороной затраченного корейцами труда, оцененного в 4 000 иен [15, с. 14].

Китайская сторона, чтобы разрядить ситуацию, приняла решение вывести свою полицию в одностороннем порядке и потребовала того же от японцев. Одновременно, Чжан Сюэлян пообещал не препятствовать корейцам в обработке рисовых полей, что снимало проблему компенсации. Мининдел Японии предложил японскому консулу объяснить Чжан Сюэляну озабоченность Японского правительства и народа по поводу эскалации действий китайских властей против японского присутствия в Маньчжурии [15, с. 24]. Этот демарш был, по сути, завуалированной угрозой. Китайская администрация Маньчжурии решила избегать конфронтации. 26 июня корейские крестьяне возобновили рытьё каналов, полиция им не мешала.

Однако с этой политикой не были согласны китайские крестьяне. 1 июля около 500 китайских крестьян разрушили построенную корейцами дамбу и закопали 400 футов каналов. На следующий день в Ванпаошань прибыли 30 японских жандармов с пулемётом, и когда в 10 часов утра появились китайские крестьяне, чтобы продолжить разрушение каналов, японские жандармы открыли по ним огонь. Китайцы ответили тем же. Перестрелка

продолжалась около часа. 3 июля 72 японских жандарма были присланы в Ванпаошань и по существу оккупировали местность, запретив китайцам вход.

Министр иностранных дел Японии заявил, что правительство будет вынуждено защитить японских граждан в Маньчжурии, если китайские власти не смогут это сделать сами. Кроме того, японская сторона потребовала компенсировать корейцам их труд, вложенный в строительство разрушенных каналов, разрешить свободное проживание корейцев в Ванпаошане, обеспечить их права на аренду земель в этом районе [23, с. 339, 340]. Переговоры возобновлялись, и, зайдя в тупик, вновь срывались.

Японские газеты в Корее начали активную антикитайскую кампанию, расписывая «ужасы» Ванпаошаньского инцидента. Подстрекательство прессы, слухи о массовых убийствах корейцев в Китае привели 3 июля к китайским погромам в городах Кореи, где существовали сравнительно большие китайские общины. Толпы разъярённых корейцев грабили и разрушали магазины и лавки, принадлежавшие китайцам, убивали китайских резидентов. Японская администрация Кореи разослала губернаторам провинций указание ввести цензуру на статьи, разжигающие межнациональные конфликты. Тем не менее, погромы продолжались. В Сеуле 4 июля полиция задержала более 200 корейцев, участвовавших в беспорядках, 5 июля полиция разогнала в Сеуле 5-тысячную толпу возбуждённых корейцев. В то же время, по многим свидетельствам, полиция часто безучастно наблюдала за действиями погромщиков. Только 6 июля волнения стали стихать. В других городах Кореи погромы и убийства китайцев продолжались до 8 июля. Погибло в общей сложности 95 китайцев, был нанесен ущерб на 2 млн. долларов [15, с. 18].

Китайский МИД 7 июля выразил протест в связи с нападениями на китайских резидентов в Корее. Япония выразила соболезнование, отметив при этом, что не признаёт вину

государства в действиях погромщиков, и, следовательно, не будет рассматривать вопрос о возмещении ущерба пострадавшим китайцам. Позже корейское генерал-губернаторство проявило инициативу, пообещав выделить 200 тысяч иен для поддержки пострадавших торговцев. Китайская сторона отказалась получать эти «пожертвования», обуславливая их получение признанием вины японской администрации Кореи за погромы [15, с. 18].

Японская пресса в Корее констатировала непринятие властями серьёзных мер по предотвращению погромов, о которых японские компетентные органы знали заранее. Американские миссионеры рассказывали, что знакомые корейцы за несколько дней до начала беспорядков советовали им не выходить из дома [15, с. 18]. По словам тех же американских проповедников, члены японских националистических, антикоммунистических обществ в Корее подстрекали корейцев к убийствам китайцев. Потерявшие имущество китайские лавочники более возмущались поведением этих молодых японцев, чем действиями корейских погромщиков [15, с. 19]. По японской версии предотвратить погромы полиции помешало временное безвластие. В июне в Японию были отозваны генерал-губернатор Кореи и главный государственный инспектор. Новый генерал-губернатор Имаи прибыл в Корею только 7 июля. Без топ-менеджеров чиновники среднего и низшего звена боялись брать на себя ответственность в принятии решений [15, с. 21].

В последующие недели события развивались следующим образом. Возмущение китайского населения Шанхая, городов северного и центрального Китая фактической оккупацией японскими жандармами Ванпаошаня и убийствами соотечественников в Корее вылилось в кампанию за бойкот японских товаров. В Маньчжурии реакцией на «Ванпаошань» были антикорейские репрессивно-ограничительные меры китайских властей. 7 июля 1931 г. управление образования провинции Ляонин наложило строгие

ограничения (вплоть до полного запрещения) на частные школы, созданные корейскими общинами, а с августа запретила принимать корейских детей в китайские школы. 11 июля полицейское управление провинции Ляонин опубликовало указ, запрещающий нанимать корейцев на сельскохозяйственные работы, сдавать им дома, призывавший изгонять корейцев как натурализованных, так и не-натурализованных, так как они являются авангардом японского империализма [18, с. 180]. 22 июля мининдел Китая направил Японии вторую ноту протеста, потребовав вывести из Ванпаошаня японскую полицию [23, с. 333]. Японская сторона дала формальный ответ, фактически отрицающий какую-либо вину и ответственность Японии. 24 августа китайский МИД отправил японскому правительству письмо, в котором возлагал всю вину за «Ванпаошань» на Японию [15, с. 16].

19 сентября 1931 г. Квантунская армия начала боевые действия с целью оккупации Маньчжурии. Независимо от того, был ли Ванпаошаньский инцидент подготовлен Японией, или японские власти «воспользовались ситуацией», этот эпизод стал одним из предлогов к агрессии в Манчжурии и псевдоаргументом для оправдания оккупации. Апологет японской агрессии в Китае К. Каваками в своей книге, вышедшей в 1932 г., писал: «Сегодня в Маньчжурии почти миллион корейцев. Эти корейцы надеются, что Япония будет защищать их. Но Япония не хозяйка Маньчжурии <...> дипломатические представления Японии по этому вопросу, как и по многим другим, никогда не принесли плодов. Если Япония обращалась к Мукдену, ее отсылали в Нанкин, когда она обращалась в Нанкин, ее отсылали в Мукден. Если она апеллировала сразу и к тем, и к другим, ответ был – ничего не знаем» [21, с. 103].

Японский журналист пытается подвести зарубежного читателя (а книга, вышедшая в Нью-Йорке на английском языке, была рассчитана именно на него) к мысли о том, что, поскольку ни нанкинское правительство,

ни мукденские власти не брали на себя ответственность в вопросе защиты корейцев, Япония вынуждена была взять на себя решение этой задачи. А единственно радикальным решением было вооруженное вторжение. Таким образом, агрессия в Маньчжурии оправдывается желанием помочь угнетенным корейцам. Нечего и говорить о том, что высказывание автора о надежде миллиона корейцев на японское заступничество – заведомая ложь. Японские империалисты, по большому счёту, были незваными «покровителями» корейских крестьян, проводившими политику непрошеной «защиты».

Семена национальной розни, посеянные японскими экспансионистами и китайскими властями, дали обильные всходы в период военных действий. Отряды китайской армии и партизанские отряды, сопротивляясь японской агрессии, зачастую обрушивали жестокие удары на корейских крестьян, которые, традиционно, считались японскими сторонниками. Многие корейцы были вынуждены спасаться в полосе отчуждения ЮМЖД, крупных городах.

В ноябре 1931 г., когда сопротивление китайской армии возросло, количество беженцев начало увеличиваться, и зимой 1931 г. составило около 10 тыс. человек [18, с. 180]. Во время антияпонского восстания в Цзяньдао в 1932 г. количество беженцев в городах Цзяньдао достигло к марту 1933 г. 35 тыс. человек (к январю 1934 г. оставалось 15 тыс.). В Цзяньдао часть беженцев, видимо, составляли зажиточные корейцы, против которых были настроены корейские партизаны левой ориентации.

Многие корейцы возвращались в Корею. В 1931 г. вернулось 10 600 человек, в 1932 г. – 18 тыс., в январе-феврале 1933 г. – 9 500 человек [12, с. 179]. И только в 1934 г. отток в Корею прекратился, точнее, сократился до обычного в предвоенные годы уровня. Несколько сот корейцев было убито. Велик был материальный ущерб, нанесённый восстанием и его подавлением (сожжённые дома, разрушенные хозяйства).

Все старания новой японской администрации Маньчжурии смягчить антикорейские настроения не увенчались успехом. В 1932 г. было объявлено, что отныне, корейцы, не имевшие китайского подданства (около 70%), и японцы, будут пользоваться правом экстерриториальности, которое на практике до инцидента китайскими властями не признавалось [13, с. 527]. Был издан соответствующий закон, согласно которому корейцы подлежали юрисдикции японских консульств. Несмотря на это, управление полиции провинции Цзилинь 12 июля 1933 г. опубликовало «указ о контроле за маньчжурскими корейцами».

Такой поворот дел беспокоил японцев, которые не забыли превратное толкование китайцами «соглашения Мицзюя», использованное для гонений на корейцев. Министр иностранных дел Японии заявил, что «этот приказ цзилиньского провинциального управления направлен против корейцев и наделяет маньчжурские власти и полицейских на местах слишком широкими полномочиями. В результате местная полиция сможет, злоупотребляя этим указом, проводить репрессии против корейцев. Поэтому я серьезно протестую и прошу обратить на это внимание... нужно позаботиться о помещении в «Известиях провинциального управления» исправленного указа или отменить этот указ. До инцидента (имеется ввиду оккупация Маньчжурии японской армией. – В.Г.) полиция провинции Цзилинь в нарушение договора арестовывала много корейцев, что вызывало серьезные осложнения между двумя странами. В наше время наблюдаются рецидивы таких инцидентов... и это не идет на пользу отношениям между нашими государствами» [10, с. 262–272].

Случаи давления на корейцев наблюдались в 1934 г., в провинции Синьань. Японский консул сделал властям провинции замечание. Разумеется, забота японцев объяснялась не абстрактными идеалами справедливости, а конкретными опасениями

того, что указ даже в руках марионеточных чиновников станет орудием, направленным против использования корейцев для укрепления в Маньчжурии японских позиций.

Управлять корейским переселением в Маньчжурию и направлять его в необходимые районы были давнишней мечтой японских экспансионистов. До 1931 г. она не могла осуществиться из-за активного противодействия китайских властей. После 1931 г. положение изменилось. Если в начале года власти провинции Ляонин издали «положение о наказании за незаконную продажу земли иностранцам», грозящее заключением в тюрьму или смертной казнью лицам, сдающим в аренду, в залог или продавшим землю иностранцам [9, с. 19], то в 1932 г. марионеточные власти Маньчжурии выпустили новые правила, согласно которым «арендовать землю на одинаковых условиях могут, как местные жители, так и иностранцы, проживающие в Маньчжурии» [9, с. 24]. Генерал-губернатор Кореи генерал Угаки заявил: «Мы хотим выступить со своими корейцами в области земледелия и скотоводства... наш план гораздо выгоднее плана переселения в Маньчжурию японцев» [2, с. 59].

Различные мнения были о способе переселения. Наиболее циничный проект был опубликован в журнале «Даймондо» (1932, № 20): «Вооруженная крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков, их следует заставить заниматься рисосеянием, работой уготованной им природой. Я полагаю, что японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооруженных крестьянских семейств, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их» [цит. по 1].

Автор статьи предлагал что-то вроде плантационного типа хозяйств с использованием рабского труда корейцев. Японские правительственные органы понимали, что привлечение корейцев на свою сторону

экономическими подачками и контроль над ними через систему кредитных органов и сельскохозяйственных кооперативов принесут большую отдачу, нежели рабский труд. Газета «Дайренсимбун» (13.07.1934) писала, что основная цель переселения корейцев в Маньчжурию – создание в северной Маньчжурии прочного японо-маньчжурского плацдарма, являющегося важным элементом развития хозяйственной жизни страны и укрепления обороны края [9, с. 30].

Первые попытки организованного поселения корейцев (беженцы 1931–1932 гг.) были сделаны в Маньчжурии (без Цзяньдао) в 1932–1935 гг. Их селили в специально построенные посёлки, которые получили название «безопасных деревень». Таковых в 1932–1935 гг. было создано пять. Однако за первые пять лет после оккупации Маньчжурии реализовать многочисленные проекты и планы организованного, направленного вселения корейцев в Восточную Маньчжурию не представлялось возможным из-за сильного антияпонского партизанского движения, охватившего эти районы.

Ванпаошаньский инцидент стал апогеем политики «защиты и покровительства» реализуемой Японией в отношении корейских эмигрантов и одновременно предлогом для оккупации Маньчжурии. Он высветил цели и смысл этой политики, её экспансионистскую подоплёку, как в кривом зеркале отразил суть взаимоотношений трёх восточноазиатских народов в эпоху империалистических войн за передел мира. «Ванпаошань» – это иллюстрация банальных, но справедливых истин, заключающихся в том, что политика – грязное дело, а война – продолжение политики.

1. Бюллетень иностранной прессы ДГУ. Владивосток. 10.07.1932.

2. Вестник Маньчжурии. 1928. № 7.

3. Вестник Маньчжурии. 1931. № 12.

4. Вестник Маньчжурии. 1932. № 9–10.

5. Вестник Маньчжурии. 1934. № 11–12.

6. Леонидов И. Корейцы в Маньчжурии. – Вестник Маньчжурии. 1930. № 11–12.

7. Маньчжурия. Экономическое, географическое описание. Харбин, 1934, ч. 1. 287 с.

8. Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966. 345 с.

9. Экономический бюллетень. Харбин. 1934. № 8.

10. Дайккай дзэнкокуэн сандзикан гидзироку (Первая всеманчжурская конференция уездных советников. Протоколы) Чанчунь. 1934.

11. Дзюнсукэ Усимару, Ёсимаро Мурата. Сайкин Канто дзидзё (Современное положение Цзяньдао). Сеул – Токио, 1927. 407 с.

12. Мансю имин мондай то дзиссэки тэса (проблемы переселения в Маньчжурию и результаты обследования). Токио. 1937. 298 с.

13. Мансю нэнкан (ежегодник Маньчжурии) Дайрен. 1936. 670 с.

14. Мун Ындо. 1920 нёндемал – 1930 нёндэ хотон манчибан чосон инмин ы киегып кусон квасэн хвалсантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев Восточной Маньчжурии в конце 20 – начале 30-х гг.). Ёксаквахак. 1967. № 1.

15. Нагата Акифуми. Ванпаошан дзикен то кокусай канкэй (Ванпаошанский инцидент и международные отношения). – Sophia historical studies. Токио. 2007. V. 52. pp. 1–37.

16. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок сильтхэ 1910–1930 (Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910–1930 гг.). – Пэксан хакпо. Сеул, 1970. № 9.

17. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей). Т. 1. 1970. Токио. 697 с.

18. Уэда Кёсукэ. Маммо но дзэнгосаку о никка рёкокумин ни катару (народам Японии и Китая о положении в Маньчжурии и Монголии). Токио – Осака, 1932. 230 с.

19. Ямада Гоити. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антияпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы). – Рэкиси хёрон, 1962, № 6, 7, 9, 10.

20. Chinese economic journal, Shanghai, 1930. v. VII, № 2, p. 851.

21. Kawakami K. Japan speaks on the sino-japanese crisis. N.Y., 1932. 189 p.

22. Takeo Itoh. China's challenge in Manchuria. S. 1., 1932. 285 p.

23. The China weekly review. 1931 v.57, № 9 (1.08.1931).

24. The journal of Asian studies. 1960, v. xx. № 1.

1. Byulleten' inostrannoj pressy DGU. Vladivostok. 10.07.1932.

2. Vestnik Man'chzhurii. 1928. № 7.

3. Vestnik Man'chzhurii. 1931. № 12.

4. Vestnik Man'chzhurii. 1932. № 9–10.

5. Vestnik Man'chzhurii. 1934. № 11–12.

6. Leonidov I. Korejcy v Man'chzhurii. – Vestnik Man'chzhurii. 1930. № 11–12.

7. Man'chzhuriya. E'konomicheskoe, geograficheskoe opisanie. Harbin, 1934, ch. 1. 287 s.

8. Shipaev V.I. Korejskaya burzhuziya v nacional'no-osvoboditel'nom dvizhenii. M., 1966. 345 s.

9. E'konomicheskij byulleten'. Harbin. 1934. № 8.

10. Dajikkaj dze'nkokuke'n sandzikan gidzироку (Pervaya vsemanchzhurskaya konferenciya uездных советников.

Protokoly) Chanchun'. 1934.

11. Dzyunsuke' Usimaru, Yosimaro Murata. Sajkin Kanto dzidzyo (Sovremennoe polozhenie Czuan'dao). Seul – Tokio, 1927. 407 s.

12. Mansyu imin mondaj to dzisse'ki tyosa (problemy pereseleniya v Man'chzhuriyu i rezul'taty obsledovaniya). Tokio. 1937. 298 s.

13. Mansyu ne'nkan (ezhegodnik Man'chzhurii) Dajren. 1936. 670 s.

14. Mun Yndo. 1920 nyonde'mal – 1930 nyonde' choton manchiban choson inmin y kiegyup kusun kvase'n xvalsante' (Klassovaya struktura i usloviya zhizni korejcev Vostochnoj Man'chzhurii v konce 20 – nachale 30-x gg.). Yoksakvaxak. 1967. № 1.

15. Nagata Akifumi. Vanpaoshan dziken to kokusaj kanke'j (Vanpaoshanskij incident i mezhdunarodnye otnosheniya). – Sophia historical studies. Tokio. 2007. V. 52. pp. 1–37.

16. O Se'chxan. Che'man xanin y saxvechok sil'txe' 1910–1930 (Social'noe polozhenie korejcev v Man'chzhurii 1910–

1930 gg.). – Pe'ksan xakpo. Seul, 1970. № 9.

17. Tyose'n todzi siryo (Materialy po istorii upravleniya Koreej). T. I. 1970. Tokio. 697 s.

18. Ue'da Kyosuke'. Mammo no dze'ngosaku o nikka ryokokumin ni kataru (narodam Yaponii i Kitaya o polozhenii v Man'chzhurii i Mongolii). Tokio – Osaka, 1932. 230 s.

19. Yamada Goiti. Mansyu ni oke'ru xanman koniti undo to nogyo imin (Antiyaponskoe dvizhenie v Man'chzhurii i sel'skoxozyajstvennye pereselency). – Re'kisi xyoron, 1962, № 6, 7, 9, 10.

20. Chinese economic journal, Shanghai, 1930. v. VII, № 2, p. 851.

21. Kawakami K. Japan speaks on the sino-japanese crisis. N.Y., 1932. 189 p.

22. Takeo Itoh. China's challenge in Manchuria. S. 1., 1932. 285 p.

23. The China weekly review. 1931 v.57, № 9 (1.08.1931).

24. The journal of Asian studies. 1960, v. xx. № 1.

UDC 327.2

«VANPAOSHAN» AND THE JAPANESE AGGRESSION IN MANCHURIA IN 1931

Gajkin Victor Alekseevich,

Institute of History, Archaeology and Ethnographies of Far East Peoples,
The Russian Academy of Sciences, Far East Branch,
Department of Japanese studies,
Senior Researcher,
Candidate of historical sciences,
Vladivostok, Russia,
E-mail: unara49@mail.ru

Annotation

Vanpaoshan incident – known and unknown. Article about the conflict between the Korean and Chinese peasants, become prologue to aggression of Japan in Manchuria, about international relations in one of local epicenters of world geopolitics. Vanpaoshan incident became apogee of a policy «protection and protection», the realized Japan concerning the Korean diaspora and simultaneously a pretext for occupation of Manchuria. It has highlighted the purposes and sense of this policy, its expansionary underlying reason as in a curve mirror has reflected an essence of mutual relations of three East Asian people during an epoch of imperialistic wars for world repartition.

Key words:

Vanpaoshan, the Korean emigrants, the Japanese aggression.

УДК 301 + 327

КЛУБЫ ЮНЕСКО И МОЛОДЕЖНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В 21 ВЕКЕ

Бедулина Галина Федоровна,

Белорусский государственный экономический университет,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономической социологии,
Минск, Республика Беларусь,
E-mail: bedulina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам развития молодежной публичной дипломатии. В ней анализируются формы обучения молодежи общественной дипломатии в рамках клубной деятельности по использованию проведения прямого диалога с деятелями культуры, политики, официальными представителями зарубежных стран и дипломатами. Выявлена необходимость развития новых форм дипломатического искусства.

Ключевые слова:

общественная дипломатия, молодежь, клубы ЮНЕСКО, модель ООН, дипломатические сессии.

Роль общественной дипломатии в контексте глобальных проблем современности является уникальной и актуальной. В настоящее время влияние общественной дипломатии особенно возросло; при этом сама общественная дипломатия зачастую остается невидимой для глаз людей, воздействуя на сознание без их ведома.

Под термином «общественная дипломатия» мы понимаем те специфические средства, с помощью которых правительства стран, частные сообщества и индивидуальные личности влияют на мнение и отношение других людей и правительств для того, чтобы оказать влияние на правительственные внешнеполитические решения и их экономику в целом. Данное определение в 1965 году выдвинул

Эдмунд А. Галлион, декан Флетчеровской школы права и дипломатии, который считал публичную дипломатию более уместным выражением, нежели синонимичное, по его мнению, слово «пропаганда».

На Саммите Организации Объединенных Наций по Устойчивому Развитию, который проходил 2 сентября 2015 года, мировые лидеры единогласно приняли план Устойчивого Развития, который должен быть в полной мере реализован к 2030 году во всем мире. 17 Целей Устойчивого Развития призваны искоренить бедность, бороться с неравенством и несправедливостью и изменением климата. Одна из целей касается уравнивания права людей на образование, его улучшения и всевозможно-

го распространения. Одним из непосредственных инструментов, который позволяет обучать молодежь общественной дипломатии и распространять идеи и цели ООН, является моделирование работы Организации Объединенных Наций.

Республиканское общественное объединение «Белорусская Ассоциация клубов ЮНЕСКО (далее по тексту РОО БелАЮ, БелАЮ) – является одной из старейших и авторитетных молодежных общественных организаций республики. «Культура мира» – главная программа работы Ассоциации. Программа подразумевает продвижение идей защиты мира и развитие межкультурных коммуникаций, учит молодежь быть толерантной и жить в многообразном мире, но при этом помнить свои истоки и сохранять национальную культуру. Этому способствуют различные формы и методы работы по развитию молодежной общественной дипломатии [2, с. 48].

Одной из таких форм является Моделирование ООН. Модель ООН – это своеобразная ролевая игра, в которой участники становятся делегатами от различных стран мира и решают различные глобальные проблемы современности, т.е. фактически – имитируют работу настоящих заседаний ООН в штаб-квартире в Нью-Йорке. Роль дипломата, которую примеряют на себя учащиеся школ и студенты, дает в полной мере возможность ориентироваться в насущных вопросах политики и экономики, понимать их суть и предлагать собственные пути их решения; дает возможность изучения мировых культур и практику языка. Эффективность использования Моделирования ООН в образовании неопределима, т.к. участие в конференциях помогает изучить национальные интересы разных стран мира, их географию, культуру и традиции, международное законодательство и международную финансовую систему.

Ключевая роль – роль общественной дипломатии через Моделирование ООН – очевидна. С помощью данной научно-образовательной игры такая масштабная Организация, объеди-

няющая 193 государства, как ООН распространяет свои ценности и идеалы, продвигает цели и идеи, т.к. в ходе участия в конференциях участники не только ищут информацию, связанную с проблемой современности в их комитете, но и узнают больше о самой Организации. На сегодняшний день около 400 таких конференций проходят в 35 странах мира, в которые вовлечены более 200 тысяч учащихся школ, колледжей, университетов, и эти цифры непреклонно растут [1, с. 232].

Непосредственное участие в этом движении принимает и Беларусь. Ежегодно проводится «Гимназическая Модель ООН», которая организуется Республиканским общественным объединением «Белорусская ассоциация клубов ЮНЕСКО» на базе клуба ЮНЕСКО «Гольфстрим» гимназии № 12 г. Минска. Данная конференция собирает более 200 учащихся со всей республики и из зарубежья, и широко поддерживается Представительством ООН в Беларуси.

Общественная дипломатия через Модель ООН играет свою роль сразу в двух аспектах. Первый заключается в самом решении одной из глобальных и остающейся актуальной уже многие десятилетия проблемы, такой как образование в мире среди молодежи. Второй аспект – формирование, если можно так сказать, имиджа Организации Объединенных Наций, её представления себя в глазах людей как положительной организации, помогающей и дающей удивительные возможности.

Молодежная дипломатия является одним из инструментов для формирования долгосрочных отношений, обмена опытом. Для формирования взаимопонимания между молодежью из разных стран, а также для понимания культуры, различных процессов, строительства долгосрочных отношений, обмена опытом. Особенностью молодежной публичной дипломатии является направленность на определенную аудиторию, использование соответствующего этой аудитории языка и образов [3, с. 41].

Развитие государственной политики в сфере международного сотрудничества, уча-

стие Республики Беларусь в реализации двухсторонних и многосторонних соглашений в работе международных структур, таких как ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, культурные акции представителей зарубежных стран и международных организаций, которые проводятся в Беларуси, а также расширение возможностей народной дипломатии обусловили повышение интереса молодёжи к международному культурному и гуманитарному диалогу.

Этот интерес проявляется в участии студентов и старшеклассников в мероприятиях Белорусского Общества Дружбы, где активно используется возможность проведения прямого диалога с деятелями культуры, политики, официальными представителями зарубежных стран и дипломатами. При использовании традиционных форм развития народной дипломатии всё чаще становятся затребованными встречи и диалоги, которые обеспечивают возможность высказать личные точки зрения. С этой целью была организована работа клуба Юный дипломат, который действует на базе Республиканского общества Дружбы с 2012, членами которого являются клубы ЮНЕСКО г. Минска. Цели и задачи клуба:

- возможность расширить знания учащихся о профессии дипломата, с историей и развитием народной дипломатии;
- формирование понятий ключевых проблем современного мира и роль дипломатии в проведении бесконфликтной политики;
- мастерство ведения межкультурного диалога;
- приобретение опыта публичных выступлений, дискуссий, аргументации своей позиции;
- совершенствование навыков иностранных языков;
- знакомство с культурными и духовными ценностями своего и других народов мира;
- воспитание поликультурной личности, духовной толерантности и доброжелательности.

Заседания клуба проходят с участием дипломатических служб зарубежных посольств,

деятелей науки и культуры Беларуси и других стран. В процессе работы клуба участники имеют возможность прямого общения с официальными лицами, задать любой интересующий их вопрос и получить исчерпывающий ответ. Такие прямые контакты содействуют расширению мировоззрения молодёжи, формированию активной жизненной позиции и гражданственности. За время работы клуба было проведено 12 заседаний: с Чрезвычайными послами Индии, Японии, Кореи, Британии, Финляндии, Чехии (на английском языке), Германии (3 заседания на немецком языке), Венесуэлы (на испанском языке), Польши (на польском), Ирана (на русском).

Одной из интересных форм работы являются дипломатические сессии, которые проводятся в рамках конференций. В ноябре 2015 г. РОО БЕЛАЮ при поддержке фонда «Русский мир» реализовало проект «Международная научно-практическая конференция «Русский язык как средство коммуникации в современном интернациональном пространстве» с участием педагогов и молодежи Беларуси, Российской Федерации, Польши и Литвы. В ходе дипломатических сессий проходила открытая дискуссия участников, направленная на выявление новых информационных и проектных взаимодействий по установлению гуманитарного сотрудничества представителей сферы образования и некоммерческого сектора стран постсоветского пространства, Европы, России на базе изучения и распространения русского языка. Также рассматривался вопрос – как каждый участник после возвращения будет распространять полученный опыт на своем рабочем месте, в классе либо студенческой группе и в местном сообществе.

Таким образом, молодежная публичная дипломатия на современном этапе является важным направлением в развитии дипломатического искусства в 21-ом веке.

1. Бардашевич-Шалыгина В.Л., Качицкая К.С. Моделирование ООН, как средство обучения принципам общественной дипломатии / В.Л. Бардашевич-Шалыгина,

К.С. Качицкая // Русский язык как средство коммуникации в современном интернациональном пространстве: материалы междунаро. науч. – практ. конф., Минск, 26–27 ноя. 2015 г. / редкол.: Я.С. Яскевич (гл. ред.) и [и др.]; Институт социально-гуманитарного образования УО «Белорусский государственный экономический университета». – Минск: РИВШ, 2015. – 332 с. / 232–234.

2. Бедулина Г.Ф. Формирование коммуникативной культуры обучающихся как фактор развития навыков общественной дипломатии / Г.Ф. Бедулина // Русский язык как средство коммуникации в современном интернациональном пространстве: материалы междунаро. науч. – практ. конф., Минск, 26–27 ноя. 2015 г. / редкол.: Я.С. Яскевич (гл. ред.) и [и др.]; Институт социально-гуманитарного образования УО «Белорусский государственный экономический университета». – Минск: РИВШ, 2015. – 332 с. / 234–238.

3. Бедулина Г.Ф., Субцельный Д.Ю. Клубы ЮНЕСКО в учреждения образования Республики Беларусь: история, структура, функционирование, формы и методы работы / Г.Ф. Бедулина, Д.Ю. Субцельный. – Минск: Зорны Верасок, 2015. – 228 с.

4. Заболотнов А.Ю. Молодёжная публичная дипломатия, как инструмент преодоления негативных тенденций в международных отношениях. URL: http://rg-parlament.ucoz.ru/publ/molodezhnaja_publichnaja_diplomatija_kak_instrument_preodolenija_negativnykh_tendencij_v_mezhdunarodnykh_otnoshenijakh/ 1–1–0–1.

Modelirovanie OON, kak sredstvo obucheniya principam obshhestvennoj diplomatii / V.L. Bardashevich-Shalygina, K.S. Kachickaya // Russkij yazyk kak sredstvo kommunikacii v sovremennom internacional'nom prostranstve: materialy mezhdunarod. nauch. – prakt. konf., Minsk, 26–27 noya. 2015 g. / redkol.: Ya.S. Yaskevich (gl. red.) i [i dr.]; Institut social'no-gumanitarnogo obrazovaniya UO «Belorusskij gosudarstvennyj e'konomicheskij universiteta». – Minsk: RIVSh, 2015. – 332 s. / 232–234.

2. Bedulina G.F. Formirovanie kommunikativnoj kul'tury obuchayushhixsya kak faktor razvitiya navykov obshhestvennoj diplomatii / G.F. Bedulina // Russkij yazyk kak sredstvo kommunikacii v sovremennom internacional'nom prostranstve: materialy mezhdunarod. nauch. – prakt. konf., Minsk, 26–27 noya. 2015 g. / redkol.: Ya.S. Yaskevich (gl. red.) i [i dr.]; Institut social'no-gumanitarnogo obrazovaniya UO «Belorusskij gosudarstvennyj e'konomicheskij universiteta». – Minsk: RIVSh, 2015. – 332 s. / 234–238.

3. Bedulina G.F., Subcel'nyj D.Yu. Kluby YuNESKO v uchrezhdeniya obrazovaniya Respubliki Belarus': istoriya, struktura, funkcionirovanie, formy i metody raboty / G.F. Bedulina, D. Yu. Subcel'nyj. – Minsk: Zorny Verasok, 2015. – 228 s.

4. Zabolotnov A.Yu. Molodyozhnaya publichnaya diplomatija, kak instrument preodoleniya negativnyx tendencij v mezhdunarodnyx otnosheniyax. URL: http://rg-parlament.ucoz.ru/publ/molodezhnaja_publichnaja_diplomatija_kak_instrument_preodolenija_negativnykh_tendencij_v_mezhdunarodnykh_otnoshenijakh/ 1–1–0–1.

1. Bardashevich-Shalygina V.L., Kachickaya K.S.

UDC 301 + 327

UNESCO CLUBS AND YOUTH PUBLIC DIPLOMACY IN THE 21 CENTURY

Bedulina Galina Fedorovna,

Belarusian State Economic University,
candidate of sociological sciences,
associate Professor of economics,
Minsk, Republic of Belarus,
E-mail: bedulina@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the development of youth public diplomacy. It examines the forms of training of youth public diplomacy in the framework of the club activity using the direct dialogue with artists, politicians, official representatives of foreign countries and diplomats. Identified the need to develop new forms of diplomatic skills.

Key words:

public diplomacy, youth, UNESCO clubs, model UN, diplomatic session.

УДК 327.56

ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА В СИРИИ

Никулина Яна Сергеевна,

Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
студент,
Новороссийск, Россия,
E-mail: ken_lena@mail.ru

Сейфиева Елена Николаевна,

Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат политических наук,
Новороссийск, Россия,
E-mail: ken_lena@mail.ru

Аннотация

Ситуация, складывающаяся на Ближнем Востоке, является результатом передела сфер влияния между крупными игроками мировой политики. Медленные темпы роста экономического благосостояния народа Сирии привели к тому, что в стране появилось много оппозиционных группировок, чем воспользовались террористы всего мира. Это обусловило развитие конфликта, приведшего к гражданской войне, а потом и вмешательству влиятельных мировых держав.

Ключевые слова:

война, терроризм, конфликт, беженцы, вооружённые силы, оппозиция.

Конфликт с Сирией является очень важной и актуальной проблемой не только для России, но и для всего мира в целом, поэтому вопрос о регулировании конфликта, методах его предотвращения и возможностях развития событий невозможно оставить без внимания. Особое место в сирийском конфликте занимают известные террористические группировки, такие как ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра», являю-

щаяся филиалом «Аль-Каиды» в Сирии. Эти группировки с каждым днем становятся всё больше и больше.

Рассмотрим статистические данные о численности одной из группировок в период с июня 2014 года по декабрь 2015 года (Рис. 1) [5].

Из рисунка видно, что численность ИГИЛ выросла с 12 000 человек до 200 000 человек,

Численность ИГИЛ

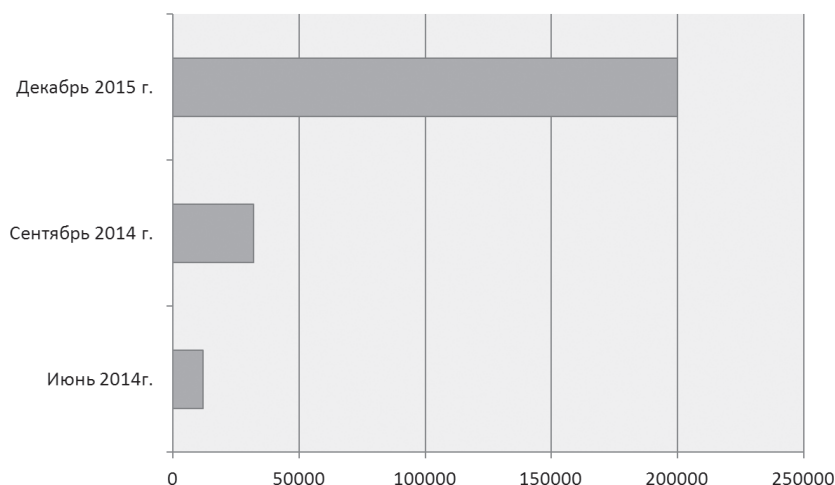

Рисунок 1 – Численность ИГИЛ в 2014–2015 гг.

количество пугает и настораживает, с каждым днем пособников становится больше.

Террористы переезжают из города в город и уничтожают мирных жителей, их цель – максимальное количество жертв. По различным данным на вооружении боевиков состоит около 70–100 единиц тяжелой бронетехники и 2–2,5 тысяч военных автомобилей. Члены группировок пытаются привлечь как можно больше людей для достижения максимальной цели. Боевики вербуют людей через социальные сети, оказывая на них психологическое влияние, они очень тонко подходят к каждому человеку, изучают его фотографии, после этого делают рассылку видеозаписей и в дальнейшем ведут переписку с выбранным контактом. Возраст завербованных от 17 до 40 лет, причём довольно часто – это образованные и с хорошим достатком люди. Многие террористы передвигаются на территории других государств под видом беженцев [4].

Не стоит забывать о том, что по сообщению ООН (9 июля 2015 года), с 2011 года Сирию покинуло более четырёх миллионов человек. Кроме того, по подсчетам наблюдателей ООН, ещё 7,6 миллиона сирийцев были вынуждены покинуть свои дома, но до сих пор остаются на территории Сирии. Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антониу

Гутерриш сказал: «Это самый большой контингент беженцев из очага одного конфликта за все последнее поколение» [2].

На рисунке 2 отображена численность беженцев из Сирии с 2011 по 2015 гг.

По данным рисунка видно, что число беженцев с 2011 г. увеличилось в 3 раза.

Одним из первых терактов, за который группировка ИГИЛ взяла ответственность, был подрыв фугаса близ города Баакуба в провинции Дияла (Ирак) 6 мая 2007 года, в результате которого погиб российский фотокорреспондент и 6 американских военнослужащих. Начиная с 2009 года, группировка регулярно заявляет о своей ответственности за взрывы, нападения и другие преступления.

На рисунке 3 отчетливо видно, что террористические группировки не стоят на месте, их действия постоянно активизированы.

Можно выделить четыре основных причины сирийского конфликта [7].

Первой и, пожалуй, самой важной причиной являются экономический и природный факторы. Нефтяные месторождения захватывают представители племен, которых чаще всего называют бедуинами. Для них война стала не только выгодным исходом ситуации, но и позволила воплотить в жизнь главную мечту – стать королями нефтяных

Численность беженцев

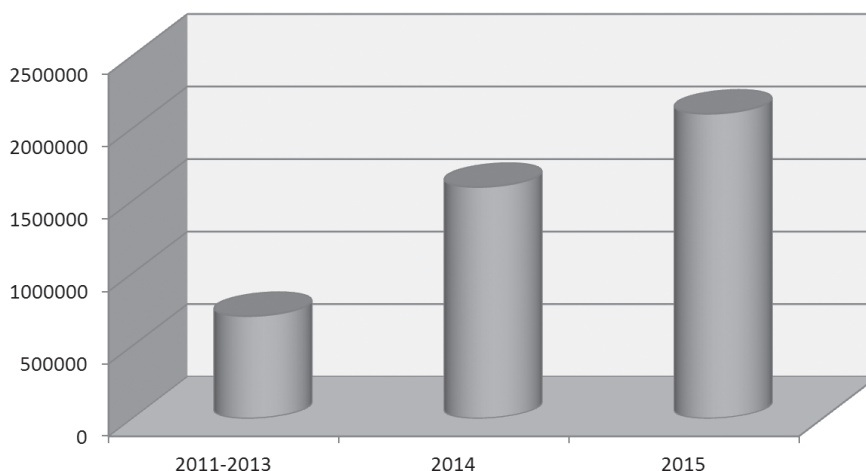

Рисунок 2 – Численность беженцев из Сирии.

Террористические акты

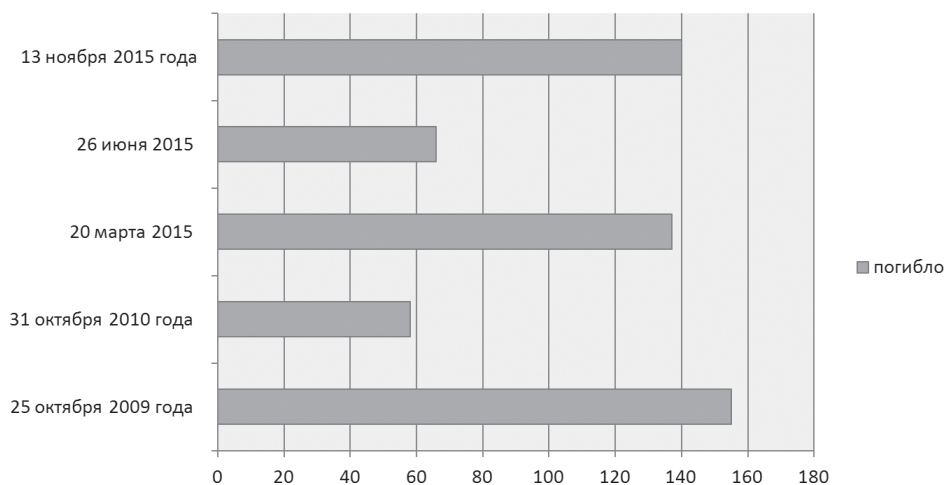

Рисунок 3 – Жертвы террористических актов.

предприятий и месторождений. Бедуины продают нефть не только повстанцам, но и властям. Именно этот фактор является основным для раскола страны, в условиях отсутствия сильной власти государство Сирия может распасться на отдельные контролируемые территории.

Вторая и не менее важная причина – террористические акты. Все разговоры о народном восстании разбиваются о тот факт, что армию оппозиции подпитывают джихадисты всех стран мира. В ней находятся и евро-

пейцы, и ливийцы, и кавказцы, и выходцы из Средней Азии. Они гастролируют из Ливии в Египет, из Египта в Сирию, пропагандируя свои интересы.

Следующая причина – обнищание нации, ведь именно в бедных кругах общества нашлись те люди, которые решили создать свой джихад.

Четвертая причина – религиозные взгляды. Текущую войну называют войной между мусульманами разных направлений – суннитами и шиитами [3, с. 180].

Из рисунка 4 видно, что сунниты составляют большинство населения Сирии – две трети. 10% христиан и представителей других религий. Алавитов – 12%, это ответвления от шиитов. Представители правящей власти являются представителями алавитов.

3. Начало наступления (7 октября 2015 год), плотная поддержка ВВС РФ, применение боевых вертолётов (стратегически операция идёт весьма успешно, т.к. уничтожены (с воздуха) склады оружия боевиков, основные штабы и командные пункты и всё

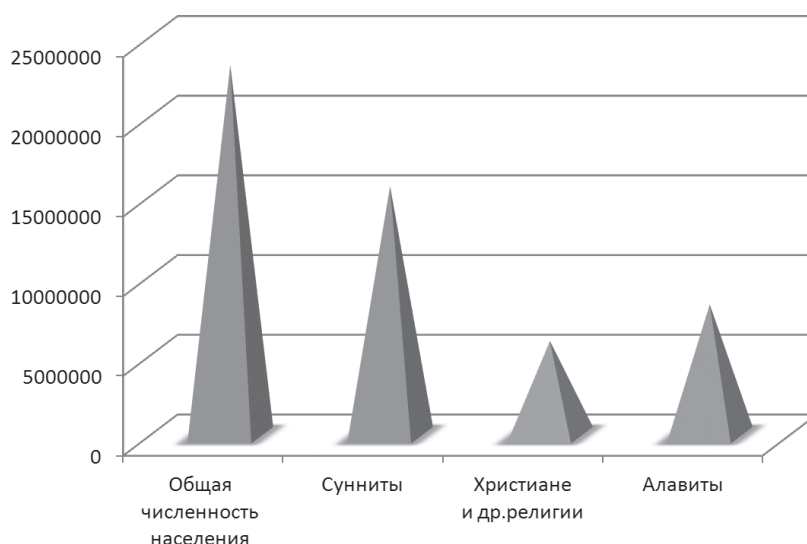

Рисунок 4 – Структура населения Сирии по религиозной принадлежности.

Как известно, Асад официально обратился к РФ с просьбой направить в Сирию войска. Стоит отметить, что в Сирии Асаду приходится воевать сразу с несколькими противниками – это группировки повстанцев (антиасадской коалиции) и боевики ИГИЛ. У Российской Федерации существовали все возможности изменить ситуацию в Сирии и сделать это очень быстро и эффективно. Действия России можно разделить на три этапа:

1. Перебрасывания в Сирию вооруженных сил (данный этап прошел незамедлительно, без каких-либо помех).

2. Начало военной операции ВВС; этот этап также прошёл эффективно и плавно подошёл к третьему этапу. 30 сентября самолеты российских Воздушно-космических сил России с авиабазы в районе Латакия приступили, по просьбе президента Сирии Башара Асада, к проведению воздушной операции с нанесением точечных ударов по позициям ИГИЛ.

это за считанные дни, при поддержке РФ).

Можно выделить основную цель РФ при проведении военной операции: помощь Сирийской армии в восстановлении всей Сирии и помощь при ликвидации сил оппозиции, которые состоят из экстремистских мусульманских организаций. В процессе этого следует ожидать, что в течение короткого срока Сирия (большая её часть) будет освобождена от сил оппозиции. Если всё произойдет именно так, то будет восстановлено единое, независимое Сирийское государство с авторитетной и сильной центральной властью, основная база террористов будет ликвидирована. Исламское государство контролирует значительные территории и Ирака, и Сирии. Террористы публично говорят о том, что готовы двигаться на Мекку, на Медину, на Иерусалим, в их планах распространение активности на Европу, Россию, центральную и Юго-Восточную Азию [8, с. 155].

Намерения России отличаются от западных. Запад утверждает, что хочет бороться с ИГИЛ, но при этом помогает другим, так называемым «умеренным» исламистам. Так, например, «Аль-Каида» скрывается за куда более заманчивым названием «Джаиш аль-Фатх» или «Армия завоевания», которую поддерживают Катар, Турция, Саудовская Аравия. Друзья Запада (Катар, Саудовская Аравия и Турция) помогают этому движению и тем самым ведут двойственную игру. Поэтому западная стратегия куда более непоследовательная, чем российская. Россия всегда отдавала предпочтение шиитам, которые не устраивают терактов на ее территории, и борется с не раз отметившимися с 1990-х годов радикальными исламистами. Запад хочет свергнуть режим Башара Асада и в то же время победить Исламское государство, избегает объединения со всеми его врагами [1, с. 232].

Обеспечение выживания режима Башара Асада в противостоянии с врагом, Исламским государством, – позиция Российской Федерации. Она поддерживает Дамаск в борьбе с исламистским суннитским восстанием. Ее стратегия – не уклониться в последовательности. У России есть абсолютно конкретный враг и конкретный союзник, в то время как у Запада – несколько противоречивых и двусмысленных партнеров. Сирия – единственный реальный ближневосточный союзник для России, который пользуется там военно-морской базой в Тартусе и получает тем самым выход в Средиземное море. Ни один другой режим не позволяет РФ разместить у себя флот. На протяжении многих лет у Москвы нет другого выхода в Средиземное море. Поэтому России необходимо, чтобы сирийский режим выжил [6, с. 44].

В Сирии на сегодняшний день существует умеренная оппозиция. На данный момент все боевые успехи оппозиции были за счёт ИГИЛ, Джабхат-Ан-Нусра и т. д. Так называемая «Сирийская оппозиция» состоит, в основном, из бывших офицеров и генералов Сирийской армии, оппозиция не является демократической, потому что кроме общих заявлений

о борьбе за демократию – больше ничего не существует.

Присутствие России на Ближнем Востоке не должно рассматриваться как прямая угроза интересам США и ЕС в регионе. Есть целый ряд областей, где интересы России, США и ЕС тесно связаны. Например, вопрос сохранения режима нераспространения ядерного оружия на Ближнем Востоке, проблема стабилизации обстановки в Ираке и борьбы с распространением радикального ислама. Российские власти редко пытались разыграть ближневосточную карту против Запада. В апреле 2015 года Владимир Путин снял запрет на экспорт ракетных комплексов С-300 в Иран.

Тем не менее, это был всего лишь наглядный жест. Количество С-300, которые Россия пообещала поставить в Иран, недостаточно, чтобы коренным образом изменить баланс сил в регионе. Из этого следует, что решение России продать их следует рассматривать скорее как сигнал Западу о том, что Москва – важный и независимый игрок на территории Ближнего Востока. В действительности, РФ имеет ограниченную свободу маневра на Ближнем Востоке. В большинстве случаев РФ сосредоточена на защите своих экономических интересов и сохранении своих связей с ближневосточными государствами.

На фоне активизации Башара Асада в Сирии могут сблизиться давние противники – Иран и Ирак. И они могут объединиться против Саудовской Аравии, которая сейчас активно финансирует как ИГ, так и сирийскую оппозицию. Но это лишь возможный прогноз последствий войны в Сирии.

1. Алисова Р.А., Чешенова Н.В. Современные конфликты и их причины / Материалы XVI Межвузовской научно-практической конференции «Наука и знание». – Издательство: Краснодарский центр научно-технической информации (Краснодар), 2014. – С. 231–235.

2. Густерин П.В. Сирия без Асада – Сирия без суверенитета. http://arabinform.com/publ/sirija_bez_asada_sirija_bez_suvereniteta/113-1-0-1117.

3. Ирицян Г.Э. Критика философии культуры: Ф. Ницше и дискурсы постмодерна. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 233 с.

4. Исламское государство Ирака и Леванта – «Википедия». <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
 5. Исламское государство Ирака и Леванта. Досье // <http://itar-tass.com>.
 6. Кутыгина Е.Н. Ретроспективный анализ мировых кризисов // Научные труды SWORLD. Иваново: ООО «Научный мир», 2010. № 4. – С. 43–45.
 7. Чернышев К.Э., Валиев И.Н. Гражданская война в Сирии: причины войны и пути решения кризиса // SCI-ARTICLE.RU. 2013. – № 3. URL: <http://sci-article.ru>.
 8. Швец О.В. Расширение форм терроризма в современном мире / В сборнике: «Наука и образование в XXI веке» Международная научно-практическая конференция. 2013. – С. 154–156.
-
1. Alisova R.A., Cheshenova N.V. Sovremennye konflikty i ix prichiny / Materialy XVI Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Nauka i znanie». – Izdatel'stvo: Krasnodarskij centr nauchno-texnicheskoy informacii (Krasnodar), 2014. – S. 231–235.
 2. Gusterin P.V. Siriya bez Asada – Siriya bez suvereniteta. http://arabinform.com/publ/siriya_bez_asada_siriya_bez_suvereniteta/113-1-0-1117.
 3. Iricyan G.E'. Kritika filosofii kul'tury: F. Nicshe i diskursy postmoderna. – Pyatigorsk: PGLU, 2010. – 233 s.
 4. Islamskoe gosudarstvo Iraka i Levanta – «Vikipediya». <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
 5. Islamskoe gosudarstvo Iraka i Levanta. Dos'e // <http://itar-tass.com>.
 6. Kutygina E.N. Retrospektivnyj analiz mirovyx krizisov // Nauchnye trudy SWORLD. Ivanovo: ООО «Nauchnyj mir», 2010. № 4. – S. 43–45.
 7. Chernyshev K.E', Valiev I.N. Grazhdanskaya vojna v Sirii: prichiny vojny i puti resheniya krizisa // SCI-ARTICLE.RU. 2013. – № 3. URL: <http://sci-article.ru>.
 8. Shvec O.V. Rasshirenie form terrorizma v sovremennom mire / V sbornike: «Nauka i obrazovanie v XXI veke» Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 2013. – S. 154–156.

UDC 327.56

THE REASONS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE CONFLICT IN SYRIA

Nikulina Yana Sergeevna,

Student of Novorossiysk Branch of Financial University
under the Government of Russian Federation,
Novorossiysk, Russia,
E-mail: ken_lena@mail.ru

Seyfiyeva Elena Nikolaevna,

Novorossiysk Branch of Financial University
under the Government of Russian Federation,
PhD of Political Science,
Novorossiysk, Russia,
E-mail: ken_lena@mail.ru

Annotation

The situation developing in the Middle East is the result of the redistribution of spheres of influence among major players of world politics. Many opposition groups had appeared because of the slow growth rates of economic well-being of the nation of Syria. This situation was used by terrorists around the world. The fact caused the development of the conflict which led to the Civil War, and then to the intervention of high world powers.

Key words:

war, terrorism, conflict, refugees, armed forces, opposition.

УДК 141.3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ФИЛОСОФОВ

Корсунский Андрей Георгиевич,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте,
аспирант кафедры философии и социальных наук,
Ялта, Крым, Россия,
E-mail: 8equinox4@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные работы французских философов. Внимание уделено пересечению философского и политического дискурсов. Отдельно рассматривается влияние, оказанное французскими мыслителями, на социальную и политическую ситуацию в стране.

Ключевые слова:

французская философия, политический дискурс, порядки признания.

Говоря об актуальной международной ситуации и дипломатической активности нельзя обойти вниманием современных французских философов. Дипломатия представляет собой средство осуществления внешней политики. На политические же ценности и ориентиры значительно влияют философские исследования.

Современному развитию философии всё более свойственна социальная и политическая направленности. Появляются новые направления в философии, всё чаще звучит тема власти, её методы обогащаются междисциплинарными подходами.

По мнению М. Фуко политическая направленность принципиальна для современной философии, так он говорит: «Я полагаю, что отношения между философией и полити-

кой являются непрерывными и фундаментальными» [3, с. 721]. Уже с момента политического регулирования обществом и становления современного государства, особенной функцией философии является наблюдение над эксцессами власти в парадигме политической рациональности.

Французские философы оказали значительное влияние на левые политические движения и в целом на формирование адекватного политического видения. Во Франции традиции Сартра продолжают жить, здесь философия и политическая ангажированность неразделимы. Эта ориентация на деятельность, на политическую и гражданскую активность выделяет французскую философию.

Для Альтюссера философия не является статичным знанием, он понимал философию

как акт, а одной из её важных функций считал способность разделять мнения и теоретические формы деятельности; так его теоретические работы вполне можно рассматривать как «политическое вмешательство в сферу теории» [1, с. 54].

Рембо в своих стихотворениях использует выражение – «логические восстания» [2, с. 12]. Именно с таким названием в 70-х годах 20-го века Жак Рансьер начал выпускать свой журнал, и именно такое определение оказалась наиболее удачным для философского акта.

Целые поколения французских философов видели своей задачей общественную критику слепого повиновения общепринятым мнениям. Для таких философов важно было:

1) открыть молодежи новые возможности, позволяющие переменить мнения касательно социальных норм;

2) в процессе дискуссий заменить рациональной критикой подражание и импульсивное одобрение.

Французские критики и политические деятели правого толка считают, что таким образом вопрос ставится слишком радикально и якобы предлагается подменить «восстанием подчинение». Но у такого «восстания» мы не найдём ничего общего со спонтанностью или агрессивностью, поскольку оно руководствуется принципами и критикой, вынесенными из всеобщего обсуждения.

И сегодня французские философы не остаются в стороне от политической жизни. Ален Бадью, возглавляющий лево-радикальную непартийную политическую организацию, выступает с критикой французской внешней политики, определяя её как империалистическую.

Политика имеет дело всегда с конкретными событиями и ситуациями, но не меньшее значение имеют политические убеждения и ценности, а также теоретическая основа. И тут хотелось остановиться на специфике подходов французских мыслителей и их основных позициях.

Общим для французской современной философии является понимание важности личности и способностей человека, а также необходимости политической и общественной деятельности для полной реализации этих способностей. Далее следует заметить, что реализация и полное раскрытие способностей личности возможны только при наличии в обществе справедливых социальных институтов, так, «субъект могущий» становится действующим, социально существующим, историческим субъектом.

Через свою критическую ипостась философия каждый раз поднимает вопрос о сути явлений господства, вне зависимости от формы их выражения или области проявления – институциональной, политической, экономической.

В объективных отношениях господства-подчинения человек проявляет собственную субъективную духовную волю и формирует соответствующее политической сфере некое специфическое «сознание». Рикёр утверждает и обратное отношение: «развитие сознания соответствует развитию объективности».

Был поднят вопрос, можно ли мыслить политику. Бадью говорит о метаполитике.

Событие является политическим, если оно не может быть отнесено ни к чему, кроме концепции коллектива. Коллектив здесь не числовой концепт. Бадью называет событие онтологически коллективным в том случае, если это событие является носителем политической истины, которая является общей, не только в результате, но и в композиции своего предмета.

Важно отметить проведённый Бадью разбор современной политической ситуации и нахождение им параллелей с деятельностью термидорианцев. Здесь мы обнаруживаем основополагающий триплет концепций: объективной концепции страны, консервативной концепции закона и охранной концепции ситуаций.

Для Сен-Жюста противоположностью добродетели является коррупция.

Актуальность такого размышления не представляется спорной. Сильвен Лазарюс показал, что «коррупция», прежде всего, является следствием неустойчивости политики, вызванной лежащими в её основе субъективными принципами. Материальная коррупция в этом случае лишь вторична и выступает как результат. В политике определяющее значение принимают убеждения и политические воли. Термидорианец извлекает выгоду из неустойчивости политических убеждений, он коррумпирован по своей политической сущности.

Также французские философы критикуют новые практики декларации, манифестации, организации. Отношение здесь представляет, по их мнению, выхолащивание.

Следующее, что хотелось заметить у французской школы, последнее по порядку изложения, но первостепенное по значимости, – это проблема признания, которая является ключевой для многих французских мыслителей и непосредственно связана с концептами политической философии. Не менее важна эта проблема и для практической дипломатии, работа с порядками признания открывает новые альтернативы.

Политическая философия обретает свою специфику, когда социальные, межличностные отношения рассматривает как опосредованные институтами.

Действия тех или иных агентов испытывают на себе влияние социальных систем различного порядка. Проблема признания, изначально сформулированная как межличностная, получила новое развитие при рассмотрении личностных интенций и взаимодействий с социальными системами. Рикёр в своих работах подчёркивает необходимость признания в организации.

В работах Жан-Марка Ферри взаимодействующие крупные социальные структуры (к ним он относит последовательность из технической, денежной, налоговой, правовой, бюрократической, демократической, педагогической, научной систем) рассматриваются в опции «порядков признания».

Рикёр, распространяя логику такого подхода на международные отношения и используя нарративную идентичность, предлагает нам с этих позиций исследовать отношения идентификации, признания, позиционирования различных сообществ, социальных классов, наций, народов. История хранит временную последовательность «порядков признания», их манифестацию народами и нациями. Обращение к только что описанному дискурсу способно дать более полное понимание как важнейших исторических конфликтов, так и логику построения новых политических целей.

1. Badiou, Alain. Louis Althusser. – L.: Verso, 2009. – P. 54.

2. Badiou, Alain. La Relation énigmatique entre politique et philosophie – L.: Verso, 2011. – P. 12.

3. Foucault M. L'éthique du souci de soi comme pratique de la liberté // Dits et écrits: 1954–1988. Tome IV: 1980–1988. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 721.

UDC 141.3

POLITICAL DISCOURSE IN WORKS OF MODERN FRENCH PHILOSOPHERS

Korsunsky Andrey Georgievich,

Humanities and Education Science Academy (Branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta,
post-graduate student of chair of philosophy and social sciences,
Yalta, Crimea, Russia,
e-mail: 8equinox4@gmail.com

Annotation

In the article the topical works of French philosophers are under concern. The attention is on the intersection of philosophical and political discourses. The influence being born by French notionalists on the social and political situation in the country is studied separately.

Key words:

French philosophy, political discourse, recognition orders.

УДК 327.82

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЗА ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ В 1944–1946 ГОДАХ

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

Рассматриваются дипломатические попытки СССР установить контроль над Черноморскими проливами на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее завершения. Показывается, что намерения СССР не были поддержаны союзниками по антигитлеровской коалиции. Делается вывод, что СССР своими претензиями на Проливы превратил некогда нейтральную Турцию в стратегического партнера США.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, советско-турецкие отношения, Черноморские проливы, конвенция Монте.

Турция вступила во Вторую мировую войну в качестве дружественной державы для обеих противоборствующих сторон. В мае и июне 1939 года она подписала с Англией и Францией соглашения о взаимопомощи в случае агрессии в районе Средиземноморья, а 18 июня 1941 года – договор о дружбе и ненападении с гитлеровской Германией. 25 июня 1941 года, на третий день после нападения Германии на СССР, Турция объявила о своем нейтралитете.

Поначалу Москву вполне устраивал нейтралитет Турции, однако в 1943 году позиция стала меняться. Теперь политика нейтралитета Турции воспринималась сталинским руководством как фактор, выгодный одной лишь гитлеровской Германии. В октябре 1943 года

И. Сталин прямо заявил: «В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах», и добавил, что если Турция претендует на участие в послевоенной конференции стран-победительниц, «нужно, чтобы она внесла свой вклад в дело победы и заслужила участие на мирной конференции» [6, т. 1, с. 123].

Как показали последующие события, лишь 2 августа 1944 года Турция разорвала дипломатические отношения с Германией, а 23 февраля 1945 года символически объявила ей войну. Но тогда, в 1943-м, у Москвы появились свои резоны усиления дипломатического давления на Турцию. Суть их весьма точно выразил посол СССР в Анкаре С. Виноградов,

который считал, что даже отказ Турции вступить в войну на стороне антигитлеровской коалиции «не был бы «бесполезен» для нас, так как увеличил бы счет наших претензий к Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить» [2, с. 124].

Претензии к турецкой стороне, о которых говорил советский посол в 1943 году, сводились, по сути, к двум темам. Во-первых, речь шла о возвращении бывших территорий Российской империи, переданных Советской Россией правительству камалистской Турции. Тогда, стремясь выйти из международной изоляции, большевики добровольно уступили туркам в Закавказье районы Карса, Ардагана и Артвина и признали новую северо-восточную границу Турции. Теперь же, на исходе Второй мировой войны, советское руководство посчитало, что настал удобный момент для их возвращения назад [4].

Другим направлением дипломатического наступления на Анкару стала попытка советского руководства подвергнуть ревизии международную конвенцию Монтре, принятую в 1936 году и закрепившую суверенитет Турции над Черноморскими проливами. Осенью 1944 года в недрах советского МИДа была подготовлена справка «К вопросу о Проливах», адресованная руководству страны. Содержание документа было нацелено на лишение Турции исключительных прав контроля над режимом пропуска судов через Черноморские проливы, при этом отмечалось, что Турция будет сопротивляться этому и потребуются согласие многих стран, особенно Великобритании, для пересмотра конвенции [2, с. 155]. Однако попытка И. Сталина обсудить советские предложения в отношении Проливов с У. Черчиллем в октябре 1944 года во время визита последнего в Москву закончилась безрезультатно. Британский премьер занял в этом вопросе весьма сдержанную позицию.

Второй раз тему Проливов на высшем уровне Сталин попытался обсудить с лидерами антигитлеровской коалиции на Ялтинской

конференции в феврале 1945 года. О конвенции Монтре, в частности, он заявил: «В настоящее время этот договор устарел и изжил себя... Турции дано право закрывать Проливы тогда, когда она этого пожелает. Необходимо изменить существующий до сего времени порядок без ущерба для суверенитета Турции» [6, т. 4, с. 196–201]. Здесь Сталин намерено смягчил позицию, подтвердив суверенитет Турции, и был услышан. По итогам обсуждения было достигнуто соглашение, что три министра иностранных дел стран-союзников на своем ближайшем совещании в Лондоне обсудят предложения советского правительства в отношении конвенции Монтре и сделают доклад своим правительствам.

В мае 1945 года в Москве состоялась встреча наркоминдела СССР В. Молотова с послом Турции в СССР С. Сарпером. Разговор, инициированный турецкой стороной, шел о возможностях заключения нового договора о дружбе и нейтралитете между двумя странами. Прежний договор от 1925 года был досрочно денонсирован советской стороной в марте 1945 года, что было воспринято в Анкаре как скрытая угроза. Во время беседы Молотов неожиданно выдвинул два условия, от выполнения которых будет зависеть сама возможность появления нового советско-турецкого договора: 1) возвращение под советскую юрисдикцию территорий, переданных Турции в 1921 году; 2) совместный контроль над Проливами и размещение в зоне Черноморских проливов советских военных баз [2, с. 186–187]. Сарпер отказался обсуждать претензии СССР, однако известил о содержании разговора свое руководство, а то, в свою очередь, внешнеполитические ведомства Великобритании и США.

Претензии СССР на Проливы весьма удивили США и Великобританию, поскольку шли вразрез ялтинским договоренностям, где было условлено, что этот вопрос должен обсуждаться совместно с ними, а не в одностороннем порядке, как это сделал СССР. Более того, союзники не поддержали одно-

сторонних требований Советского Союза к Турции и настояли, чтобы в итоговых документах Потсдамской конференции (июль-август 1945 года) было записано: «Три Правительства признали, что Конвенция о Проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством» [6, т. 6, с. 444]. На деле это означало, что союзники выступили против попыток Сталина добиться расширения зоны советского военного присутствия за счет территорий, прилегающих к Проливам.

Не получив поддержки со стороны вчерашних союзников СССР развернул по всему миру мощную антитурецкую пропагандистскую кампанию. Во всех центральных газетах СССР была растиражирована статья двух грузинских академиков под недвусмысленным заголовком «О наших законных претензиях к Турции» [1]. Вдоль советско-турецкой границы, а также в Болгарии, где находились советские войска, были усилены гарнизоны Красной армии. Маршал Ф. Толбухин – в 1946 году главнокомандующий Южной группой войск, созданной для вероятных военных действий на Балканах и в Турции, – рассказывал, что его войска были способны оккупировать Турцию в течение суток: «Если бы товарищ Сталин разрешил, я бы эти земли освободил за двадцать четыре часа» [3, с. 61–62].

Военные приготовления СССР и подготовка общественного мнения к возможному вторжению в Турцию не остались незамеченными для американских политиков. Военные эксперты докладывали в госдепартамент, что развитие авиации в годы Второй мировой войны сделало бессмысленным создание военной базы в Проливах, и что истинная цель СССР по поводу Турции «заключена в желании изменить внутренний

режим (строй) Турции» [2, с. 248]. Это заставило США предпринять ряд ответных шагов по сдерживанию советской экспансии. В секретном меморандуме, подготовленном военным и военно-морским ведомствами для президента Г. Трумэна, отмечалось, что «настало время решить, будем ли мы выступать против советской агрессии имеющимися у нас средствами или нет, особенно это касается агрессии против Турции. При осуществлении этой политики, наши слова и наши действия должны помочь убедить СССР, что мы не согласны с советской агрессией против Турции», и далее – «русских можно заставить отступить только в том случае, если они будут уверены в готовности США ответить оружием на любой акт агрессии» [2, с. 421]. Президент Трумэн поддержал предложенный политический курс. В ряде американских изданий появилась информация, что госдепартамент готов обеспечить территориальную целостность Турции.

В апреле 1946 года в качестве демонстративной поддержки Анкары со стороны Вашингтона был организован визит американского линкора «Миссури» в Стамбул, расцененный в Москве как недружественный шаг [5]. Вслед за этим последовал ряд заявлений представителей турецкого правительства о том, что любым требованиям Советов Турция даст достойный отпор, и что США готовы защитить Турцию от любой угрозы [2, с. 383]. В Кремле осознали: турецко-американский альянс сложился, в ответ на дипломатической давлении СССР Турция нашла себе сильного заступника в лице США. По сути, это была первая весточка «холодной войны».

Однако Москва продолжала упорствовать. 7 августа 1946 года в МИД Турции была представлена советская нота «О Конвенции Монтре по Черноморским проливам», в которой в очередной раз ставился вопрос о размещении в зоне Проливов советских военных баз для контроля их совместно с Турцией. После предварительных консультаций с правительствами США и Великобритании Турция

в ответной ноте от 22 августа вновь ответила отказом на советские предложения, мотивируя свое решение необходимостью сохранения суверенитета Турецкой Республики. Далее последовал обмен нотами между двумя странами. 24 сентября 1946 года очередная нота о Проливах была направлена турецкому правительству; 18 октября турецкое правительство ответило встречной нотой. Позиции сторон оставались неизменными.

Время шло. Турция, чувствуя политическую поддержку со стороны США и Великобритании, не уступала. В конце концов, Москва осознала, что достигнуть двустороннего, выгодного для СССР решения вопроса о Проливах, с Анкарой не удастся. Обсуждать же этот вопрос с США и Соединенным Королевством уже не имело смысла: между СССР и бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции разворачивалась «холодная война», к началу которой в немалой степени приложил руку сам Советский Союз своими экспансионистскими планами в отношении турецких территорий. По сути, СССР своими претензиями на Проливы превратил некогда нейтральную Турцию в стратегического партнера США.

В конечном итоге Москва отступила, предпочитая именовать проблему Проливов, а также территорий Карса и Ардагана – «неурегулированными вопросами» советско-турецких отношений.

Лишь после смерти Сталина Советский Союз начал выстраивать более реалистичную политику в отношении Турции и отказался от территориальных требований к стране, которая к этому времени уже была полноценным членом НАТО. 30 мая 1953 года советская сторона в официальной ноте правительству Турции окончательно заявила, что «во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительство Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское правительство пересмотрело

свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции» [6, т. 6, с. 514].

Весьма эмоциональную оценку сталинской дипломатии в отношении Турции дал Н.С. Хрущев, выступая в свойственной для него манере на июньском 1957-го года Пленуме ЦК КПСС: «Разбили немцев. Голова пошла кругом. Турки, товарищи, друзья. Нет, давайте напишем ноту, и сразу Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Дарданеллы – не Турция, там сидит узел государств. Нет, взяли ноту специальную написали, что мы расторгаем договор о дружбе и плюнули в морду туркам... Это глупо. Однако мы потеряли дружескую Турцию и теперь имеем американские базы на юге, которые держат под обстрелом наш юг...» [2, с. 509]. Точнее не скажешь.

По прошествии десятилетий трудно предположить, стала бы Турция столь стремительно противником Советского Союза, если бы СССР в те годы не оказал на нее беспрецедентное политико-дипломатическое давление, угрожая суверенитету и целостности турецкого государства. Очевидно одно: экспансионистская политика СССР после Второй мировой войны вынудила западные страны искать новые решения по обеспечению европейской безопасности. И Турция, не в последнюю очередь благодаря «усердию» Сталина и Молотова, превратилась для западной дипломатии в важнейший элемент сдерживания наступательной внешней политики победившего в войне Советского Союза.

1. Бердзенишвили Н., Джанашиа С. О наших законных претензиях к Турции // Известия. 1945. 20 декабря.

2. Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: «Центр Пропаганды», 2008. 664 с.

3. Мгеладзе А.И. Сталин. Каким я его знал. Б.м.,

2001. 386 с.

4. Мошкин С.В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2009. Т. 5. № 4. С. 245–253.

5. Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 138–154.

6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов: в 6-ти томах. М.: Политиздат, 1984.

1. Berdzenishvili N., Dzhanashia S. O nashix zakonnykh pretenziyax k Turcii // Izvestiya. 1945. 20 dekabrya.

2. Gasanly Dzh. P. SSSR – Turciya: ot nejtraliteta k xolodnoj vojne (1939–1953). M.: «Centr Propagandy», 2008. 664 s.

3. Mgeladze A.I. Stalin. Kakim ya ego znal. B.m., 2001. 386 s.

4. Moshkin S.V. «Ruka Moskvyy» v istorii vstupleniya Turcii v NATO // POLITE'KS: Politicheskaya e'kspertiza. 2009. Т. 5. № 4. С. 245–253.

5. Pervye pis'ma «xolodnoj vojny» // Mezhdunarodnaya zhizn'. 1990. № 11. С. 138–154.

6. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyx konferenciyaх perioda Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov: v 6-ti tomax. M.: Politizdat, 1984.

UDC 327.82

DIPLOMATIC WAR OVER THE BLACK SEA STRAITS IN 1944–1946

Moshkin Sergey Vyacheslavovich

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist,
Doctor of Political Science,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The author considers diplomatic efforts of the USSR to establish control over the Black Sea straits in the final stage of World War II and in the first years of the post-war period. It is shown that the intentions of the Soviet Union were not supported by the Allies. The author concludes that the demands of the USSR for a regime change on the Turkish straits resulted in strategic alliance of the previously neutral Turkey with the USA.

Key words:

World War II, the Soviet-Turkish relations, the Black Sea straits, The Montreux Convention.

Резолюция конференции «ЯЛТА-45/16»

Уделяя первостепенное значение проблемам международной безопасности, в том числе обеспечению условий устойчивого развития природы, человека и общества в условиях глобального экономического кризиса, военного противостояния, разрушительного влияния техногенных катастроф, вызванных загрязнением окружающей среды, использованием вредных производств, а также ухудшениями среды обитания человека, вызванных изменением природно-климатических условий, связанных с глобальным потеплением климата, изменениями качества воды и продуктов питания, влияющих на здоровье человека, принимая во внимание решения ООН по созданию условий по обеспечению рационального природопользования, по проведению мероприятий в области защиты окружающей среды, принятые в рамках Парижской конференции 2015 г., участники конференции, посвященной проблемам международной дипломатии в истории военных конфликтов, поддерживают предложения Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской интеграции, модернизации и устойчивого развития о создании в г. Ялте музея истории ООН, библиотеки ООН и научно-образовательного центра международного открытого университета ноосферного развития природы, человека и общества.

Создание указанных учреждений в Республике Крым вызвано исторически значимым решением, принятым в феврале 1945 г. на Ялтинской встрече глав государств Англии США и СССР, о создании ООН, целью которой является сохранения мира и международной безопасности.

ООН за 70 лет своего существования внесла огромный вклад в сохранение мира, в обеспечение устойчивого развития, в решение проблем сохранения природы и среды обитания человека, предотвращения глобальных техногенных катастроф, вызванных

выбросом парниковых газов и глобальным потеплением.

Полуостров Крым занимает важное геополитическое место в развитии человеческой цивилизации. Крым являлся важной вехой в развитии торговых путей и экономических связей между Востоком и Западом. Он лежал на пересечении великого шелкового пути, обеспечивая поставку товаров из Азии в Европу.

Крым являлся и является центром развития цивилизаций и местом проживания различных народов и национальностей: татар, греков, украинцев, русских, евреев и других народов.

Оказание влияния на развитие Крыма связано с попытками его захвата со стороны Турции, Англии, Франции, Германии. Полуостров пережил ряд кровопролитных войн, отстояв свою независимость и территориальную целостность. Большое внимание на развитие Крыма оказала Российская империя, а впоследствии, после Октябрьской революции, – Союз Советских Социалистических Республик.

В настоящее время Крым с апреля 2014 г. входит в состав Российской Федерации. Этому способствовало свободное волеизъявление граждан Крыма, принявших решение о вхождении в состав Российской Федерации.

К сожалению, указанный факт не признается руководством Украины, которое считает Крым неотъемлемой частью Украины, и эту точку зрения поддерживают страны Запада, и прежде всего США, принявшие антироссийские санкции и ряд мер, ухудшающих положение крымчан в рамках визового режима, а также препятствующих развитию торговых и внешнеэкономических связей.

В настоящее время на Крым оказываются дополнительные экономические санкции, приведшие к перекрытию подачи водоснабжения и электроэнергии. Остается надеяться на то, что это положение не будет продолжаться вечно, и Республика Крым сможет свободно раз-

виваться, находясь в составе России. Для этого со стороны руководства Российской Федерации создаются необходимые законодательные и экономические условия, в том числе принято решение о создании зоны устойчивого опережающего развития Крыма, а также выделяются инвестиции на развитие инфраструктуры, обеспечение сохранения окружающей среды и т. д.

Важно подчеркнуть, что выступая на последнем заседании ООН, которое состоялось в 2015 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул важность Ялтинской конференции 1944 г., принявшей решение о создании ООН, а также о расширении функций ООН в обеспечении международной безопасности, предотвращении терроризма, угрозы развязывания третьей мировой войны, обеспечения сохранения природы и среды обитания человека.

В этих условиях Крым со временем мог бы сыграть важную роль в развитии партнерства цивилизаций, сохранении мира и рационального использования уникальных природно-климатических условий, в обеспечении устойчивого развития, международного культурного обмена, развития, туризма и отдыха.

В этих условиях создание на территории Крыма в г. Ялте музея истории ООН, библиотеки ООН, научно-образовательного центра международного открытого университета ноосферного развития природы, человека и общества будет способствовать укреплению добрососедских международных отношений России, Украины, Белоруссии, Армении, Греции, Израиля и других стран, чьи народы совместно проживали и проживают на территории Крыма. Республика Крым со временем может стать местом проведения международных конференций, саммитов, фестивалей и других мероприятий, способствующих развитию добрососедских отношений.

Создание на базе Гуманитарно-педагогической академии (филиала) в г. Ялте

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» **Центра международного открытого университета ноосферного развития природы, человека и общества** с участием Международного университета природы, общества и человека (г. Дубна), МГУ, Санкт-Петербургского технического университета, а также университетов Республики Беларусь, Казахстана, Армении и других стран, будет способствовать подготовке кадров и повышению квалификации специалистов-международников, дипломатов, участвующих в регулировании международных отношений в области охраны окружающей среды, создания и гармонизации законодательства в области экологически чистых производств и технологий.

Конференция рекомендует советнику Президента Российской Федерации, Председателю Научного совета РАН по проблемам евразийской интеграции, модернизации и устойчивому развитию академику *С.Ю. Глазьеву* обратиться к руководству Российской Федерации и Республики Крым с предложением о создании в г. Ялте музея истории ООН, библиотеки ООН и центра международного открытого университета ноосферного развития природы, человека и общества.

Исполнители:

Наумов Е. А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической политики Государственного университета управления, академик РАЕН, вице-президент Международной академии инноватики «ГЛОБЕЛИКС».

Шевченко О. К., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте, член-корреспондент Академии военно-исторических наук.

Астафурова Т.Н., Анненкова О.В.

ДИСКУРС АНГЛОСАКСОНСКОЙ АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ

Власть появилась с возникновением человеческого общества, и в той или иной форме всегда сопутствовала его развитию. Власть необходима, прежде всего, для воспроизводства человеческого рода. *Семейно-родовая* форма власти наблюдалась у кочевых народов, развитием оседлости постепенно утверждалась *племенная* власть. Формирование власти *территориальной* обусловлено необходимостью организации общественного производства и потребностью регулирования социальных отношений между людьми. С появлением классов и государства кровные, родовые связи были разрушены, моральный авторитет старейшины рода сменился авторитетом правителя, власть которого отделилась от общества и встала над ним. Феномен власти – один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение между членами социума, один из которых подчиняется распоряжениям другого; в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы. Методами власти выступают *убеждение, принуждение, насилие*.

Наивысшей формой принуждения является *абсолютная власть*, отличительными признаками которой являются верховенство, легальность, моноцентричность, вездесущность и широчайший спектр используемых средств для ее завоевания, удержания и проявления. Ярким историческим примером реализации абсолютной власти в Великобритании XV–XVI вв. явилось правление двух представителей королевской династии Тюдоров – Генриха VIII и Елизаветы I, которые сформировали и усовершенствовали механизм абсолютизма, позволивший сконцентрировать

в одних руках все виды власти, включая религиозную.

Дискурс англосаксонской абсолютной власти отмечен широкой представленностью лексем, номинирующих субъекты и объекты власти, ее инструменты и ресурсы, властные действия, состояния и процессы, характеризующие этапы зарождения, жизни и смерти власти в целом. Важными дискурсивными признаками англосаксонского властного дискурса являются четко прописанные *участники – субъекты* исполнения и *объекты* приложения власти:

- субъекты верховной / монархической власти (*king, queen, prince, princess etc.*);
- субъекты верховной / религиозной власти (*king, queen, archbishop*);
- субъекты исполнительной власти (*sheriffs, officials, etc.*);
- субъекты судебной власти (*justices, judges, etc.*);
- объекты приложения власти – представители всех сословий англосаксонского общества (*bishops, deacons, abbots, earls, barons, foresters, stewards, servants, merchants, knights, subdeacons, freemen, liegemen, etc.*);
- исторические персоналии (*William Marshal, earl of Pembroke, William earl of Salisbury, Thomas Basset, John Fitz Hugh, etc.*).

Отличительной особенностью англосаксонского властного дискурса является конкретизация хронотопа – времени и территории распространения власти («*in the plain called Runnymede between Windsor and Stanes, on the fifteenth day of June, in the seventeenth year of our reign*», «*namely, after the expiry*

of at least 40 days and at a fixed place we will specify the reason of the summons» (Magna Carta: 16).

Концептосфера властного дискурса представляет собой систему концептов авторитарной коммуникации, ценностными параметрами которых являются *агональность, интеграция и ориентация власти*.

Авторитарная агональность, понимаемая как интенция существующей власти сохранить себя, заключается в стремлении уничтожить оппонента властного режима, либо лишить его социального статуса, а также соответствующих этому статусу собственности и привилегий. Она проявляется через маркеры «чуждости» – знаки, содержащие компоненты дистанцирования, умаления значимости, недоверия к оппоненту, угрозы, иронии.

Интеграция обеспечивает контактную фазу общения и передается маркерами «своих» – инклюзивы (*we, our, us*), лексические единицы с компонентами совместимости и причастности (*on behalf of, together, etc.*), грамматические формы императива («*We therefore beg your Serene Highness again and again that you be pleased to set a limit to your acts*»; «*... before these gentlemen go into their countries, you bring them all to kiss my hand*»).

Ориентация позволяет определить «своих» и «чужих». К знакам ориентации относятся все номинации, обозначающие координаты монархического пространства (король и его двор / придворные). Лингвосемиотическими презентемами властных субъектов являются их титулы (*earl, baron, duke, countess, etc.*), звания (*King of England, Prince of Wales, Earl of Burmingham, Archbishop of Canterbury, etc.*), обращения (*Your Highness, Your Majesty, Your Eminence, Your Grace, Your Worship, Your Honour, Your Lordship / Ladyship etc.*), роли (*Lord Treasurer, Maid of Honour, Chancellor*), регалии (*crown, orb, sward, mantle, etc.*), а также номинации социокультурных локусов (*sheriffdom, princedom, kingdom, earldom*) в иерархии института королевской власти Великобритании.

Системообразующие признаки властного дискурса включают в себя *институциональность, авторитарность, дистанцированность, ритуальность*.

Институциональность. Властный дискурс относится к институциональной форме общения, которая характеризуется авторитарными правилами и ритуализованными рамками функционирования. Власть как социальный институт реализуется в англосаксонском социокультурном пространстве в разного рода ритуализованных действиях, нормативных процедурах и организационных формах в зависимости от представленного в них уровня проявления власти / институциональности. Отличительной чертой властного дискурса является направленность на индивидуального («*to our reverend fathers Stephen, archbishop of Canterbury; Hugh bishop of Lincoln; Walter Bishop of Worcester; William bishop of Coventry*»), группового / корпоративного («*to archbishops, bishops, abbots, earls, barons, justices, foresters, sheriffs, to all officials*») и массового адресата («*to other loyal subjects*») (Magna Carta www).

Авторитарность. Предпосылкой авторитарного воздействия является социально обусловленная неравноположенность участников властного дискурса по социально-ролевому статусу. Социально-ролевой статус как следствие иерархически сложившихся политико-экономических, профессиональных и т. д. отношений в англосаксонской лингвокультуре характеризуется разветвленной иерархией, основанием которой является диада «соверен – подданный». Асимметричная властная коммуникация не предполагает равноценного диалога, поскольку sovereign как носитель верховной власти и подданный как бесправный исполнитель и объект эксплуатации действуют в рамках узаконенных статусов, рангов, ролей и должностных обязанностей.

Авторитарный дискурс характеризуется следующими особенностями:

1) Преобладанием коммуникативных актов и властных номинаций, в которых подданные выступают в качестве инструмента

беспрекословного подчинения субъекту верховной власти; так в прецедентных текстах власти, в частности, в *Act of Supremacy*, король Генрих VIII Тюдор закрепляет за собой мирскую (государственную) и церковную власть. Авторитарными маркерами выступают: безальтернативные дескриптивы (*just, rightful, supreme*), прескриптивы (*ought to be, shall be taken, accepted and reputed*), репрессивы (*shall have full power and authority to repress, redress, record, order, correct, restrain, amend all such errors, heresies, abuses, offenses, and enormities, whatsoever they be*), номинации лояльности субъекту верховной власти (*is recognized by the clergy, shall have and enjoy, annexed and united to the imperial crown of this realm*).

2) Наличием явных и скрытых форм авторитарного воздействия через прямые и косвенные речевые акты давления и нажима на подданных, унижения, угрозы, лести, увещевания, возведения в абсолют права соверена судить, наказывать и миловать через указание на божественное происхождение королевской власти, право наследования, дарования привилегий и вынесения приговоров инакомыслящим / нелояльным.

Вариативность и своеобразие *властных речевых жанров* в значительной степени определяются стратегиями субъекта власти, которые детерминируются типом (королевская vs гражданская), сферой (юридическая, политическая, военная, гражданская, религиозная), статусом (высокий vs низкий), оценкой (позитивная, нейтральная, негативная) и форматом (устный, письменный) актуализации власти. *Типология* речевых жанров англосаксонского властного дискурса не отличается многообразием, поскольку в нем реализуются преимущественно три типа властных проявлений – волеизъявление, регуляция и предписание:

1. Речевые *повелевающие жанры* (*edict, rescript, ordinance, ultimatum*) закреплены преимущественно за монархом, определяются диадой «соверен – подданный» и реализуются в оппозиции «королевская vs гражданская

власть», действуют во всех сферах власти, имеют высокий статус и позитивную оценку как в письменном, так и в устном формате, коррелируют с семантикой соответствующих глагольных властных номинаций (*establish, authorize, constitute, proclaim, rule, reign, grant, decree, revoke, etc.*) и характеризуются вариативностью признака «мирная / насильственная реализация власти».

2. Речевые *регулирующие жанры* (*verdict, injunction, statute, mandate, query, request, petition, bill*) относятся к гражданскому типу власти, реализуются в письменном формате, закреплены за конкретными сферами проявления власти (*verdict, injunction, statute, query, bill, solicitation* – юридическая; *mandate, statute, petition, request* – политическая и гражданская), дифференцируются по статусу (*verdict, statute, mandate, query* – высокий; *petition, bill, solicitation, request* – низкий) и оценке (*verdict, statute, mandate* – позитивная; *petition, bill, injunction, solicitation* – негативная; *request* – нейтральная). Глагольными номинациями этих речевых жанров являются лексемы *deny, outlaw, imprison, deprive, annul, judge, transgress, permit, diminish, to remit, revoke, convict, arrogate, pledge, submit, to worship, undermine, levy, fine, allow, amerce, distribute, compel, permit, etc.* Устойчивыми интегральными признаками являются мирный и явный характер реализации власти, вариативным признаком оказывается ее легитимность / нелегитимность.

3. Речевые *предписывающие жанры* (*precept, order, command u dictate*) реализуются в письменном и устном форматах, коррелируют с гражданским типом власти, характеризуются высоким властным статусом, но варьируются по оценке (*precept, order, command* – нейтральная, *dictate* – негативная) и сферам власти (*precept, order* – преимущественно все сферы власти, *command* – действует в военной сфере, *dictate* – в политической). Их основными глагольными номинантами выступают лексемы *force, surpass, eradicate, usurp, oppress, oust, decrown, dispossess*. В этой

группе жанров интегральными признаками оказываются легитимный и насильственный характер проявления власти, а вариативным – явная или скрытая форма ее приложения.

Дистанцированность. Традиционно власть стремится дистанцироваться от народа, возвыситься над ним и занять позицию авторитета, что находит отражение в семиотике власти: пышность и торжественность королевских ритуалов; отделение топоса властных персон от топоса подданных по признаку «богатство :: бедность», который отражается в метафорических противопоставлениях «*palaces and slums* – дворцы и хижины».

Ритуальность. В процессе развития англосаксонской власти сформировалась жестко

фиксированная система знаков, денотирующих властную ритуальную коммуникацию: *регулятивы* (титулы и формы обращения во властной иерархии), *процессивы* (ритуальные действия и поступки участников), *классификаторы* (распределение участников по статусным, национальным и поведенческим группам). Ритуальные знаки введения во власть (коронация, инициация) закрепляются символами власти, придающими пышность этим церемониям: регалиями (корона, скипетр, держава), обилием золотых украшений, оружия, дорогих одеяний, колесниц, информирующих общество о могуществе и богатстве монарха, его таланте воина и государственного деятеля.

Астафурова Т.Н., Захаров С.В.

ДИСКУРС АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ГЛЮТТОНИИ

Вся история цивилизации свидетельствует о том, что пищевые ресурсы являются объектом постоянной борьбы за обладание ими. Разделение социального мира по признакам наличия / отсутствия доступа к пищевым ресурсам, изысканности / скудности пищи, высокого / низкого качества потребляемых продуктов, церемониального / рутинного способов приема пищи и т. д. неразрывно связано с разнообразными формами проявления власти, борьбы за пищевые ресурсы, с поддержанием и переустройством социального мира ради обеспечения контроля и превосходства тем, кому эти ресурсы принадлежат. Таким образом, к важнейшим социальным институтам относится институт питания с закрепленными за ним функциями распределения и реализации продуктов питания, потребление которых институционально варьируются в соответствии с социальным статусом потребителей.

Количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов отличают разные этносы, а искусство приготовления и потребления пищи (глюттония) является одной из самых древних областей человеческой деятельности, в которой проявляются этические и эстетические нормы поведения потребителей, различающиеся у богатых и бедных. Институциональная корреляция глуттонии и власти представляется очевидной, поскольку вся история человечества свидетельствует о зависимости глуттонического процесса от власти. Питание выполняет социальные функции, являясь своеобразным социальным знаком. Потребление тех или других продуктов может создать социальную близость или дистанцию, сигнализировать отграничение своих от чужих, разделить общество на богатых и бедных. Стереотипные представления о «богатой» еде – возможность питаться обильно, разнообразно, покупать дорогие экзотические

продукты не только по праздникам, возможность питаться в ресторане, где подают дорогие блюда. Питание бедных, как правило, характеризуется как некачественное, скудное, однообразное, в нем отсутствуют многие жизненно важные продукты.

Дискурс англосаксонской институциональной глоттонии представляет собой лингвосемиотическую систему знаков пищевых ресурсов, их добычи, обработки, приготовления и потребления, рецепты приготовления блюд, меню, эстетические образы блюд, правила поведения за столом, ритуалы потребления пищи, которая используется властью в качестве механизма управления социумом и отличается лингво- и этно-культурной спецификой. Дискурс англосаксонской институциональной глоттонии реализует следующие важнейшие коммуникативные функции:

- денотативную, связанную с закреплением в сознании коммуникантов образа еды (глоттонимы), ее качества (квалификативы), места (локативы) и способа ее приготовления (инструментативы), а также субъектов действий, связанных с добычей, обработкой, приготовлением и потреблением еды (персоналии);

- инструктивную, описывающую алгоритм приготовления пищи (дескрипторы, комментативы, регулятивы, пермиссивы и лимитаторы);

- квалификативно-оценочную, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления / потребления пищи (перцептивы) и формирующую культурные доминанты (квалификативы).

Концепт «пища» (*food*) является одной из важнейших когнитивных единиц институциональной глоттонической коммуникации, смысловое наполнение которого варьируется в зависимости от социального статуса потребителей и вербализуется в социально маркированных вертикальных (социальные верхи vs низы, богатые vs бедные) и горизонтальных (горожане vs сельские жители; священнослужители vs прихожане) диадах.

В синонимическом ряду пища/еда (*food*) отмечены лексемы снедь (*eatables*), яства (*viands*), съестное (*edibles*), припасы (*supplies*), продукты (*produce, products*), продовольствие (*food-stuffs*), провизия (*provisions*), провиант (*victuals*), корм (*forage, feed*), фураж (*fodder*), блюдо, кушанье (*dish*), стол (*board*), диета (*diet*), закуска (*refreshment, appetizer*), питание (*nourishment, nutrition*), стряпня (*cooking*), деликатес (*delicacy*), лакомство (*dainty*), трапеза (*meal*), кухня (*cuisine*) (Roget's Thesaurus). Но выделенные лексемы различаются по количественным, качественным, процессуальным и стилистическим признакам.

В глоттонической концептосфере наиболее частотны лексемы, номинирующие объекты кулинарного воздействия, в частности, продукты растительного и животного происхождения; в качестве субъекта кулинарного воздействия выступают люди, осуществляющие добычу продуктов питания, производящие определенную обработку объекта для последующего употребления.

Приготовленные блюда характеризуются по параметрам оценки их полезности (низкокалорийный, питательный – *low-calorie food, nutritious food* vs жирный – *fat, greasy*), зрительной не/привлекательности (неаппетитный – *non-appetizing* vs аппетитный, поджаристый – *appetizing, tempting, crisp*), вкусовой не/привлекательности (горький, соленый – *bitter, salty* vs лакомый, вкусный – *delicious, dainty*), осязательной не/привлекательности (вонючий – *stinking, putrid* vs ароматный, душистый *fragrant*), обыденность / праздничность (каша, омлет – *porridge, omlette* vs торт, праздничный пирог – *cake, festive pie*).

Субъект институциональной глоттонии характеризуется по параметрам внешности субъекта, обусловленной переизбытком / недоеданием (жирный, тучный – *fat, stout* → ладный, дородный – *portly, corpulent, plump* → стройный, худенький – *slender, slim* → костлявый, тощий – *scraggy, skinny*), не/разборчивости в еде (ненасытная утроба – *insatiable, greedy* vs гурман, лакомка, сластена – *gourmand*,

sweet tooth), высокой / низкой потребности в еде (хороший аппетит – *good, huge appetite* vs привередливый, аноректик – *fastidious, picky, anorectic*).

Глуттонические *топосы*, т.е. места, где пища обрабатывается, употребляется и/или продается, вербализуются по параметрам размера (киоск, лавка – *foodstall, foodstand, shop* vs гастроном, универсам, супермаркет, гипермаркет – *grocery, department store, supermarket, hypermarket*); функции (кафе, бар, бистро, закусочная, ресторан, столовая – *cafe, pub, snack-bar, bistro, restaurant, canteen*); специализации (булочная, молочный магазин, кондитерская, кафе-мороженое – *bakery, dairy shop, confectionery, ice-cream cafe*).

Неотъемлемой составляющей глуттонического дискурса является текст кулинарного рецепта, который относится к числу прецедентных текстов. Кулинарные рецепты (*Cookery recipes*) преимущественно ориентированы на простого потребителя, не являющегося специалистом в этой сфере, поэтому они рекомендуют незамысловатые, простые в приготовлении блюда, не пользующиеся особой популярностью в домах аристократов и богатей, где на кухне работают профессиональные повара с устойчивыми навыками приготовления изысканных блюд из стран Европы и Азии. Поэтому базовые ценности данного дискурса сконцентрированы в отношении к процессу приготовления пищи: 1) прагматическом (повседневное, бытовое vs ритуальное, праздничное); 2) институциональном (социальные различия в потреблении пищи богатыми и бедными).

Первые англоязычные кулинарные рецепты, дошедшие до нас, относятся к Средневековью, когда рецепты передавались от поколения к поколению в устной форме, и письменные документы подобного рода были редким исключением). В то время все процессы приготовления пищи предполагали использование открытого огня, поэтому в английском языке сформировалась разветвленная система глаголов, обозначающих тепловую обработку

сырых продуктов: *roast, pot-roast, bake, stew, fry, boil, simmer, poach, heat, reheat, bring to boiling point, melt, cook over heat, etc.*

В основном, бедный люд готовил в простых сотейниках (*stewpots*), поскольку этот способ приготовления пищи был самым экономным в плане расхода дров и способствовал сохранению питательных свойств продуктов. Кулинарные рецепты для аристократов держались в тайне и ими владели только профессионалы, которые понимали, что эксклюзивные знания и кулинарное мастерство давали им прибыльные должности при дворе или богатых домах. В старинных рецептах для аристократов фрукты сочетались с мясом, рыбой и яйцами. Уже в конце средневековья блюдо должно было быть не только вкусным, но и соответствовать медицинским/диетологическим показателям, состоять из определенного количества продуктов, приправ и специй.

Трехчастная структура кулинарного рецепта сохранилась и до наших дней: она представлена интродуктивным, основным и заключительным блоками. Интродуктивный блок включает именные глуттонимы, обозначающие продукты питания, необходимые для приготовления блюда; основной блок представлен глагольными глуттонимами, номинирующими последовательность кулинарных действий приготовления блюда (зачастую они обозначены цифрами); в заключительном блоке дается дополнительная информация о вариативных способах приготовления блюда (*Optional, Alternative method, Proceed as for Lemon Jelly – page 90, Follow the instructions, To garnish:..., Note:..* и т.д.).

Глуттонический дискурс, отражая особенности национальной культуры, активно использует профессионально ориентированные знаки – термины, устойчивые обороты, характерные морфосинтаксические структуры. Глуттонимы, организующие текст, распадаются на общеупотребительные, общенаучные и узкоспециальные лексемы (термины). Узкоспециальные кулинарные термины подразделяются на три группы:

– международные термины кулинарного профессионального языка (*macaroni, chocolate, cutlet, pudding, jelly, jam, fruit, etc*);

– термины базовых кулинарных понятий, имеющие национальное соответствие во всех языках (*to blanch, to cook, to glaze, galantine, etc*);

– термины, применяемые исключительно в национальных кухнях, а потому не переводимые на другие языки (*Yorkshire pudding* – йоркширский пудинг, подаваемый к блюдам из говядины, *Welsh Rarebit* – гренки с сыром, *Haggis* – хаггис, древний мясной пудинг из абердин-ангусской говядины, *Boxty Pancake* – картофельные лепёшки, *Stovies* – стовиз, мясо, тушенное в собственном соку и т. д.).

В Англии до XX столетия самой доступной «сытной» едой бедняков были куриные яйца. Паремиологический фонд английского языка зафиксировал глуттонические паремии, ключевой номинацией в которых выступает яйцо (*egg*): *to come in with five eggs = better an egg today than a hen tomorrow* ~ умение довольствоваться малым, тем, что Бог послал. Обжорство как «привилегированный» грех богачей отражено в пословице *Gluttony kills more men than the sword*; противопоставление сытого богача голодному представителю низов вербализовано в паремии *He whose belly is full believes not him who is fasting*.

Жалкое существование подданных сепартировано в английских паремиях, где ключевыми концептами выступают *труд, голод, жизнь* с негативной тональностью ис-

пользуемых метафор (*труд – тяжелый, голод – невыносимый, жизнь – тяжелая*). Большое количество глуттонических паремий указывает на церковь как институциональный регулятор пищевого ресурса низов английского социума, поскольку церковь ревностно следила за неукоснительным соблюдением постов (*You must take the fat with the lean; The spirit is willing, but the flesh is weak; Diseases are the interests of sinful feasts and pleasures*).

Пышное застолье аристократии протекало в особом хронотопе – в дни рождения монарха, во время коронаций и праздников в специально обустроенном пиршественном зале (*large feasting hall*). Важными элементами пиршественного зала являлись его убранство, свет, тепло и огромное количество слуг. Забота о том, чтобы все были не только сыты, но и целы, закреплялась в специальных актах, имевших законодательную силу и предусматривавших систему штрафов за причинение увечий во время пира.

Институциональность глуттонии манифестировалась в торжественных церемониях, где праздничная трапеза выступала в качестве обязательного и неотъемлемого компонента ритуала. Глуттоническая ритуальная коммуникация приобрела социальную значимость, отраженную в пышных банкетах, торжественных трапезах, фуршетах и т. п.), которые несли в себе информацию о прочности, крепости, незыблемости власти и высоком социальном статусе приглашенных.

Астафурова Т.Н., Олянич А.В.

ДИСКУРС СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ (ИНТОЛЕРАНТНОСТИ)

В англоязычных этносах прочно укоренились этностереотипы, наделяющие представителей иной национальности («чужие») негативными качествами из-за социальных

предубеждений и интолерантности в их отношении. Дискурсивная нейтрализация социальных предубеждений / фобий способствует снятию социальной напряженности

в отношении представителей других этносов, национальных меньшинств, классов, социальных групп за счет негативного (шутливого, пренебрежительного, уничижительного) представления их психофизиологических и лингвосоциальных характеристик в отличие от представителей титульной группы («свои»).

Коммуникативная категория интолерантности антропоцентрична, ее структурно-когнитивными элементами являются конфликтность, категоричность, импозитивность (навязывание своего мнения). Интолерантность реализуется в императивных максимах:

- дискриминационная тематика общения (расовая, этническая классовая, групповая, институциональная, профессиональная, гендерная, религиозная, возрастная, экстерьерная и т. д.);
- нарушение норм совместного проживания, воспитания, девиантное поведение или открытое противостояние представителей миноритарной группы и т. д.);
- высокая степень агрессивности в дискуссии за счет резкой социальной оценки события и чрезмерная эмоциональность и категоричность выражения несогласия;
- навязывание точек зрения и образа жизни представителям миноритарной группы;
- психологическое унижение миноритарной группы при социальном и коммуникативном доминировании мажоритарной группы;
- уход от личного близкого контакта с собеседником.

В социальной среде, которая отличается этнической, социальной и языковой неоднородностью, поводом для коммуникативной интолерантности могут послужить неграмотная речь, неправильное словоупотребление, ошибки в построении синтаксических конструкций, специфический акцент, несовпадение пресуппозиций и фоновых знаний представителей этнического меньшинства.

И хотя подобные языковые конфликты являются, скорее, поверхностным отображением более глубинных конфликтов – расовых, этнических, социальных, – фактор несовпадения речевого кода и фоновых знаний имеет существенное значение для интолерантного поведения участников коммуникативной интеракции.

Маркерами интолерантности выступают знаки предубеждения (алиенации), рефлектирующие негативное стереотипическое восприятие доминантной ин-группой представителей маргинальной аут-группы. Г. Олпорт ввел понятие шкалы лингвокультурной интолерантности, включающей три уровня:

- антилокуция (*antilocution*), понимаемая как безобидное подшучивание над представителями аут-группы (слабая дискурсивная агрессия);
- избегание (*avoidance*) представителей аут-группы, имплицитно оскорбляющее её представителей (средняя дискурсивная агрессия);
- дискриминация (*discrimination*) аут-группы как эксплицитно выраженный отказ в социальных правах, навязывание негативных стереотипов (сильная дискурсивная агрессия) (Allport 1955).

Нейтрализация знаков-алиенаторов осуществляется в смеховых (карнавальных) жанрах интолерантного дискурса, а именно в речевых жанрах безобидной насмешки (*harmless joke*), уничижительного анекдота (*abusive anecdote*) и пейоративной беседы (*pejorative talk*).

1. Жанр безобидной насмешки в англоязычном интолерантном дискурсе представлен широким спектром тем, в котором наиболее частотными являются насмешки этнического, социально-классового, гендерного и профессионального характера. Так, жители Юга США, пренебрежительно именуемые *rednecks* («деревенщина»), часто выступают в качестве объектов таких насмешек, поскольку вызывают опасение у большей части социума вследствие их малой образованности,

ограниченности кругозора, плохого воспитания, коммуникативной ригидности, высокого самомнения, неопрятности, скупости, отсутствия вкуса, вспыльчивости, конфликтности, пренебрежительного отношения к собственности и т. д.: *You might be a redneck if... You've ever used a toilet seat as a picture frame. Your Christmas tree is still up in February. You hammer bottle caps into the frame of your front door to make it look nice. You've ever shot anyone for looking at you. You've ever been kicked out of the zoo for heckling the monkeys.*

Наиболее остро социальная конкуренция представлена в гендерных насмешках, авторами которых оказываются мужчины, а основным объектом – женщины, что свидетельствует о боязни мужчин потерять доминирующие профессиональные, социальные и прочие позиции из-за неуклонного выдвигания женщин на ключевые социальные роли (главы государств, правительств, министерств, корпораций, учреждений):

A man will pay \$2 for a \$1 item he wants. A woman will pay \$1 for a \$2 item that she doesn't want. A woman worries about the future until she gets a husband. A man never worries about the future until he gets a wife. A successful man is one who makes more money than his wife can spend. A successful woman is one who can find such a man. Married men live longer than single men, but married men are a lot more willing to die.

Женщина предстает как хитрая обманщица, алчная, расточительная, непредсказуемая хищница, жертвой которой оказывается мужчина и его собственность, как это репрезентировано в мужской интерпретации женских брачных объявлений:

Women Seeking Men Classifieds 40-ish means: *48. Beautiful means: Pathological liar. Looks younger means: If viewed from far away in bad light. Loves travel means: If you're paying. Loves animals means: Cat lady. Romantic means: Looks better by candle light. Stable means: Boring. Tall, thin means: Anorexic. Young at heart means: How about the rest.*

В жанре безобидной насмешки достаточно частотными оказались шутки про полицейских, военных, священников, политиков и т. п., в которых вербализованы опасения социума по поводу отсутствия компетентности, должного образования, смекалки, необходимой для исполнения профессиональных обязанностей:

The top 5 things not to say to a cop when he pulls you over. *5. I can't reach my license unless you hold my beer. 4. I was going to be a cop, but I decided to finish high school instead. 3. Is it true that people become cops because they are too dumb to work at McDonalds? 2. I pay your salary. 1. What do you mean have I been drinking? You are the trained specialist.*

Religious Jokes (Question and answer)

Q: Why did God create man before woman? A: He didn't want any advice.

Q: Why did Moses wander in the desert for 40 years? A: Even then men wouldn't ask for directions!

2. Жанр уничижительного анекдота в англоязычном интолерантном дискурсе преимущественно представлен текстами, в которых этнические фобии являются базовой характеристикой межкультурной интеракции. Опасения по поводу утраты языковых норм английского языка и лингвоэтнической идентичности в связи с превращением его в *Lingua franca*, латынь XXI в., повлекшей за собой упрощение его орфоэпической, грамматической, синтаксической и лексико-семантической систем, актуализированы в анекдотах о новом евро-языке, о фонетических искажениях английского языка иностранцами-неносителями:

The new Euro language. The European Union commissioners have announced that agreement has been reached to adopt English as the preferred language for European communications. As part of the negotiations, Her Majesty's Government conceded that English spelling had some room for improvement and has accepted a five-year phased plan for what will be known as EuroEnglish. In the first year, «s» will be used instead of the soft «c». Certainly, sivil servants will resieve this news with joy.

Also, the hard «c» will be replaced with «k». Not only will this klear up konfusion, but typewriters kan have one less letter. There will be growing publik emthusiasm in the sekond year, when the troublesome «ph» will be replaced by «f». This will make words like “fotograf” 20 per sent shorter. In the third year, publik akseptanse of the new spelling kan be expekted to reach the stage where more komplikated changes are possible. By the fourth year, peopl wil be reseptiv to steps such as replasing “th” by z” and “w” by “v”. During ze fifz year, ze unesesary “o” kan be dropd from vords kontaining “ou”, and similar changes vud of kors be aplid to ozer kombinations of leters.

Фобии, вызываемые осознанием разнорурневности социально-экономического развития, различиями в степени социальной защищенности и обеспеченности, разной индексации этнических ценностей, порождают анекдоты об отсутствии эквивалентности в восприятии одних и тех же явлений действительности представителями разных этносов. В анекдотах поддерживается стереотипное, как правило, негативное, представление о чужих этносах как менее развитых интеллектуально, менее порядочных, менее культурных, а соответственно – не достойных уважения:

Four guys were walking down the street, a Saudi, a Russian, a North Korean, and a New Yorker. A reporter comes running up and says, “Excuse me, what is your opinion about the meat shortage?” The Saudi says, “What’s a shortage?” The Russian says, “What’s meat?” The North Korean says, “What’s an opinion?” The New Yorker, says, “Excuse me???”

A Brit, a Frenchman and a Russian are viewing a painting of Adam and Eve frolicking in the Garden of Eden. “Look at their reserve, their calm,” muses the Brit. “They must be British.” “Nonsense,” the Frenchman disagrees. “They’re naked, and so beautiful. Clearly, they are French.” “No clothes, no shelter,” the Russian points out, “they have only an apple to eat, and they’re being told this is paradise. They are Russian.”

An Arab diplomat visiting the US for the first time dined by the State Department. The Grand Emir was unused to the salt in American foods (French fries, cheeses, salami, etc.) and was constantly sending his manservant Abdul to fetch him a glass of water. Time and again, Abdul would scamper off and return with a glass of water; but then came the time when he returned empty-handed. “Abdul, where is my water?” demanded the Grand Emir. “A thousand pardons, O Illustrious One,” stammered the wretched Abdul, “white man sit on well.”

3. Жанр пейоративной беседы в англоязычном интолерантном дискурсе представлен денигративными монологами (ответы на вопросы интервьюера), диалогами / полилогами разной степени речевой агрессии и алиенации (низкая, средняя, высокая) между представителями англоязычного белого титульного большинства по поводу асоциального образа жизни, нецивилизованного быта, отсутствия стремления к получению образования, повышению культурного уровня этнических меньшинств, проживающих по соседству с белыми семьями. Сдержанная негативная оценка их уклада и стиля жизни, непривычного для белых соседей, порождает фобию и отчуждение / алиенацию, которые вербализуются через косвенные экспликативы *низкой степени интолерантности* (клишированные фразы вежливого осуждения; условные конструкции по поводу возможной угрозы со стороны объектов обсуждения и т. д.).

Средняя степень интолерантности проявляется в неприязненном и с трудом сдерживаемом отношении к «засилью» цветных иностранцев с их непривычными для британцев пищевыми пристрастиями, непонятной системой ценностей и необъяснимым страхом перед ней. Но британец не может признаться в этнической предубежденности, подчеркивая свою принадлежность к цивилизованному этносу через рамочные повторы *‘I’m not prejudiced’*, которые практически начинают или заканчивают каждую его фразу.

Высокой степенью интолерантности и явно выраженной речевой агрессией пронизан полилог английских тинэйджеров, направленной не только на родственные англоязычные этносы Шотландии и Уэльса, но и на чужеродные этносы (независимо от места их проживания, цвета кожи и вероисповедания), ставшие, по мнению тинэйджеров, причиной

негативных социально-экономических перемен в Англии. В качестве причин, вызывающих резкую неприязнь молодежи, называются базовые социокультурные традиции, обычаи и предпочтения не-англичан, резко негативно оцениваемые через рефрен *'I hate 'em all'*, пейоративную лексику и оскорбительный смех.

Дубровская Т.В.

СУДЬЯ: РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Статус судьи. Судебный дискурс является примером институционального дискурса и понимается далее как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, который рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов. Судебный дискурс характеризуется четким распределением ролей при статусном неравенстве участников, что обусловлено не только нормами процессуального общения, но и различиями их фоновых знаний и социально-культурных уровней. Обладателем самого высокого социального статуса в зале суда является судья, которому отводится ключевая роль в реализации функции судебного дискурса, а именно в урегулировании правового конфликта и изменении правовой ситуации. Главенствующий статус судьи в судебном дискурсе конструируется его речевым поведением, которое определяет ход судебного процесса, с одной стороны, и находится под некоторым влиянием речевого поведения других участников процесса, с другой стороны. Анализ речевого поведения судьи помогает понять не только особенности взаимодействия в институциональной обстановке, но и в более общем социально-правовом пла-

не – принципы функционирования института судебной власти.

Грани языковой личности судьи. В речевом поведении судьи проявляются несколько граней его языковой личности, которые реализуются в различных ситуациях в ходе судебного процесса: судья-рефери, судья-участник драмы, судья-лингвист, судья-обычный человек. Каждая роль соотносится с определенным видом деятельности и целями, которые достигаются средствами языка. Деятельность судьи-рефери связана с обеспечением состязательности судебного процесса, легитимной процедуры и равноправия сторон в судебных заседаниях, реализации всех нормативно закрепленных принципов отправления правосудия. По замечанию С. Филипс, влияние судьи на ход процесса имеет, главным образом, форму контроля речи других участников [Philips, 1998: 89]. Контроль и структурирование судебного процесса со стороны судьи реализуются за счет широкого применения метакоммуникативных средств языка, разные комбинации которых организуют судебный дискурс как институционально регламентированный процесс. Судья-участник драмы находится в центре судебного процесса как драматического действия, насыщенного вербальными и невербальными ритуальными

элементами. Общая обстановка в зале суда, создающая ритуализированное пространство, одежда судей и их символическая удаленность от других участников процесса образуют невербальный компонент судебной драмы. Вербальная сторона драмы состоит в использовании судьей и другими участниками судебного заседания строго регламентированных обращений, устойчивых речевых формул, лексики с официально-деловой стилистической окраской и юридической лексики, сложного синтаксиса. Судья-лингвист проявляет особое внимание к лингвистическим аспектам судопроизводства, поскольку перед ним стоят задачи, включающие толкование показаний участников процесса, текстов законов, других документов, влияющих на ход судебного разбирательства, решение вопроса о назначении лингвистических экспертиз и рассмотрение их результатов. Эта сторона деятельности предполагает обращение судей к разным аспектам языка: семантике слов и выражений, ситуативному и лингвистическому контексту, грамматике, строению текстов. Несмотря на институциональный характер судебного дискурса, в ряде ситуативных контекстов речевое поведение судьи демонстрирует его индивидуальность. Личные отношения между судьей и другими участниками процесса, влияние на судью посторонних мнений, его личные убеждения, эмоциональное состояние и некоторые черты характера получают отражение в речевом поведении судьи-обычного человека.

Различные стороны личности судьи могут выступать согласованно либо находиться в конфликте. Судья-лингвист или судья-участник драмы помогают судьей-рефери осуществлять правосудие. При столкновении различных сторон личности судьи одна из них оказывается в доминирующем положении. К примеру, отказываясь обсуждать не представляющие важности лингвистические детали, судья проявляет себя как рефери, контролирующий ход процесса, а предлагая прокурору выступить сидя, судья подходит

к ситуации с человеческим сочувствием, отодвигая на задний план ритуальные условности. Доминирование индивидуальных качеств над другими гранями личности судьи нарушает легитимность процесса. Наряду с перечисленными гранями в языковой личности судьи выделяется еще одна – судья-публичная фигура, но она реализуется вне зала суда, в рамках медийных социальных практик.

Жанры. Поскольку судебному дискурсу присущи ритуальность, трафаретность и обусловленность нормативными процессуальными актами, повторяющиеся типичные ситуации закрепляются в типичных жанровых формах, которые воплощают разные стадии судебного процесса. Судья является участником большинства судебных жанров, хотя степень участия варьируется в зависимости от жанра, его диалогического или монологического характера, и национально-культурных особенностей устройства судебной системы. В жанрах допроса, напутственного слова, решения и приговора раскрываются все грани языковой личности судьи, но во всех жанрах наиболее выраженный характер имеет грань «судья-рефери». В каждом из жанров речевое поведение судьи имеет свою функциональную специфику.

В диалогическом жанре допроса участие судьи реализуется в применении по отношению к участникам допроса тактик, регулирующих их взаимодействие в институциональных рамках и направленных на обеспечение равносправедливых условий для обеих сторон. Функция судьи в напутственном слове присяжным – не оказывая давления на присяжных, побудить их критически подойти к анализируемым фактам, а также дать им необходимые инструкции относительно применения закона к конкретному делу. Судебное решение и приговор можно считать наивысшими проявлениями деятельности судьи как рефери. Жанр приговора не только устанавливает наказание, но и выносит порицание в адрес правонарушителя, тем самым определяя отношение к преступным деяниям в обществе.

Таким образом, в жанрах судебного дискурса судья регулирует речевое взаимодействие в ходе заседания, отношения между участниками процесса и законом, а также, в более широкой перспективе, морально-правовые отношения в обществе.

Для каждого жанра характерны свои тактические средства и языковые формы. В жанре допроса востребованы метакоммуникативные и модальные конструкции, императивы, перформативы, различные типы вопросов для уточнения фактической информации. Для жанра напутствия присяжным характерны конструкции со значением долженствования, запрета, разрешения, императивные конструкции. При суммировании обстоятельств дела велика роль цитирования и текстообразующей метакоммуникации. В жанрах решений и приговоров незаменимы средства аргументации и мотивирования решения, ссылки на законы и прецеденты, перформативы при назначении наказания. Институциональная обусловленность жанров речи судей проявляется в их четкой структуре, причем структуры русских и английских жанров обнаруживают значительное соответствие.

Все жанры связаны межжанровыми и интертекстуальными связями между собой и с другими жанрами юридического дискурса, вместе образуя единое дискурсивное пространство, которое носит незавершенный характер, поскольку постоянно обновляется за счет появления новых законодательных актов, судебных решений, апелляций и т. д.

Национально-культурная специфика.

Речевое поведение судей в судебном дискурсе имеет национально-культурные особенности, обусловленные устройством и функционированием судебных систем, существующими традициями, национальным менталитетом. Например, судебные решения и приговоры английских судей обнаруживают значительную диалогичность и тяготение к стилю устной речи, тогда как отечественные решения и приговоры очень шаблонны. Такое различие можно объяснить существованием в течение

долгого времени английских судебных решений только в устной форме и сохранением до наших дней возможности существования прецедента в устной форме [Tiersma, 2007]. В целом английские судьи придерживаются официальных форм общения; в отличие от них российские судьи пользуются просторечной и даже жаргонной лексикой, применяют приемы интимизации при общении с непрофессиональными участниками процесса.

Принцип вежливости более последовательно реализуется в речи английских судей. Целый ряд средств вежливости, включая самоуничижительные ремарки, встречается только в речи английских судей. Особенностью английского судебного дискурса является также широкое использование метафор и развернутых метафорических систем, построенных на взаимосвязанных образах. Многие метафоры имеют ярко выраженную национально-культурную специфику, источник которой лежит в исторической и культурной среде. Принадлежность английских судей к высшему социальному классу, элите общества, их воспитание и образование находят выражение в общей высокой культуре речи.

Элементы треугольника «институциональные нормы – национальный менталитет – исторические традиции» могут вступать в противоречие друг с другом, причем традиции и характеристики национального менталитета не обязательно полностью нивелируются под давлением институциональных норм. Несмотря на смену в России в начале 21 века уголовно-процессуального законодательства и переход от инквизиционной системы к системе состязательной, российские судьи до сих пор остаются активными участниками судебных допросов, что свидетельствует о значительной силе традиции вплоть до нарушения институциональных норм.

В Англии сила традиции проявляется в сохранении прецедентной системы правосудия, в которой при принятии решения судьи опираются в большей степени на прецедентные случаи и собственное усмотрение, чем

на закрепленное в письменной форме законодательство, не содержащее готовых решений на все случаи. В силе прецедента проявляется традиционное доверие английского общества к судьям и их здравому смыслу.

Конфликт между институциональными нормами, регламентирующими беспристрастность судей, и характерными для русского речевого поведения оценочностью и стремлением к вмешательству просматривается в большом количестве оценочных высказываний российских судей.

В судебном дискурсе судья выступает как производитель речевых произведений разных жанров. В них он актуализирует себя как представителя социального института правосудия, который выполняет профессиональные обязанности, как отдельную личность со своим мировоззрением и характером, и как предста-

вителя лингвокультурной общности с типичными чертами коммуникативного поведения.

Литература:

1. Дубровская Т.В. Решение арбитражного суда как жанр судебного дискурса // Языки для специальных целей: проблемы, методы, перспективы. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – С. 29–54.
2. Дубровская Т.В. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний) // Вопросы языкознания. – 2014. – № 2. – С. 76–88.
3. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
4. Philips S. Ideology in the Language of Judges: How Judges Practice Law, Politics and Courtroom Control. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – 205 p.
5. Solan L.M. The Language of Judges. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1993. – 218 p.
6. Tiersma P. The textualization of precedent // Notre Dame Law Review. – 2007. – Vol. 82. – No. 3. – P. 1187–1278.

Митрохина Т.Н.

ДИСКУРС ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

Дискурс проектирования политики: понятие, проблемное основание, специфика. Основу дискурса проектирования политики составляет термин «политический проект», который при оценке тех или иных политических событий используется широко и легально, обосновался весьма прочно. Используя данный термин, субъекты коммуникации – политики, журналисты, нередко обычные граждане говорят на одном языке и вполне понимают друг друга. Однако в зависимости от контекста политический проект разнообразно трактуется, наполняется неопределенным содержанием или вовсе не определяется. Нередко имеет место подмена понятий – многочисленные, существенно размытые в смысловом отношении интерпретации термина «политический проект» в содержательном отношении подменяются прогнозом, планом, моделью.

Оставляя обширную дискуссию относительно наполняемости термина различным содержанием за рамками данной статьи, определяем политический проект как предлагаемый к производству политический продукт, характеристики которого задаются представлением субъекта проектирования об идеале гео/политического будущего, целью, оформленной в рациональных терминах, ожиданием определенного эффекта от реализации проекта, объектами внешнего мира, на которых проект направлен, средствами и условиями, предполагаемым результатом, сроками, алгоритмом и каналами его реализации.

Одновременно руководствуемся определением дискурса как совокупности коммуникативных практик, интегрированных по единому проблемному основанию и свойственных определенным социальным группам. В данном

контексте проблемное основание, по которому коммуникативные практики интегрированы, составляют оценки реальных многочисленных и разнообразных событий политики как проектов. Как известно, «СМИ создают первый черновой набросок истории». В этой связи, выступая посредниками между обществом и субъектами проектирования политики, они являются важным источником информации о специфике дискурса проектирования политики. Информация, размещаемая в СМИ, является неотъемлемой составляющей политического дискурса, что позволяет изучать дискурс проектирования политики через медийные сообщения.

Информационное пространство насыщено разнообразными сюжетами по структуре, специфике, целям, масштабу и направленности политических проектов, что позволяет рассматривать проектирование политики как повседневную практику организации и структурирования политической деятельности. На этом основании политика вполне может интерпретироваться как сфера конкуренции проектов, борющихся за управление обществом.

Проектирование политики имеет специфику относительно других сфер, где востребован такой вид деятельности. Специфика заключена в целях, сформированных на основе индивидуального представления субъекта проектирования о будущем политическом устройстве, направленных на получение определенного объема власти, на укрепление властных позиций внутривнутриполитического уровня или во внешнеполитических отношениях.

Помимо борьбы за власть, на которую все политические проекты ориентированы, а в противном случае они не смогут быть причислены к разряду политических, для всех характерно направленное воздействие на определенную аудиторию с целью получения скорректированного, измененного поведения общества. В этой связи особого внимания заслуживает такая особенность дискурса проектирования политики, как легитимация права

субъекта на деятельность по политическому проектированию. Во-первых, не всякий субъект по интеллектуальным возможностям может быть способен к проектированию, особенно к политическому. Субъектом проектирования может быть активно действующее лицо с верованиями, проектами, общественными отношениями, с его способностью к социальному действию и производству. Во-вторых, не каждому желающему может быть предоставлено право разработки и реализации политических проектов с целью изменения политической действительности.

Политические лидеры, не способные к качественному выполнению функции проектирования и проигрывающие конкуренцию, обречены на поражение в борьбе за влияние на общество. Элитарные качества политической элиты и способности к проектированию наиболее жестко тестируются событиями внешнеполитического уровня. Проектные возможности политической элиты, а в целом и геополитическое лидерство производны от интеллектуального потенциала тех, кто находится у власти. Качество политического проекта и его реализации определяется интеллектуальными возможностями, профессионализмом, то есть качеством самого субъекта проектирования.

Особенности дискурса проектирования современной российской политики. Дискурс проектирования российской политики открыт и, как следствие, изменчив. Анализ российской политики сквозь призму дискурса проектирования дает основание утверждать, что со времени реализации советского проекта российская политика претерпевает существенные изменения: от периода системной монопроектности и реализации советского проекта через период 1990-х годов – период полной утраты государственных масштабных проектов, основанных на национальных интересах, к современному периоду осознания жизненной необходимости «большого проекта» для России, поиска идентификационных, ценностных, духовных, идеологических оснований стратегически важных проектов.

Субъекты политического проектирования, в качестве которых выступает элита высшего уровня, также претерпевают существенные изменения. Претензии на реализацию масштабных и амбициозных гео/политических проектов более выражены у старшей возрастной группы и существенно снижены у более молодых представителей политической элиты. Геополитические амбиции российской политической элиты по сравнению с серединой 1990-х гг. существенно снизились. В целом проектные возможности российской элиты оцениваются не слишком высоко в силу существующей длительное время системы подбора и расстановки кадров по ключевым позициям. Очевиден недостаток субъектов, способных предложить стратегические проекты с ясными ценностями, близкими и понятными большинству граждан. Еще больший недостаток ощущается в субъектах, способных в интересах государства реализовать такие проекты.

Круг субъектов проектирования политики ограничен преимущественно высшим уровнем властной политической элиты. Наиболее влиятельными субъектами выступают политические элиты федерального уровня. Элиты регионального уровня встроены в вертикаль исполнительной власти и самостоятельными субъектами проектирования не являются. Элита предлагает различные по направленности проекты социально-политического и экономического переустройства общества, реформирования и модернизации наиболее важных сфер общественной жизни, проекты выхода из затянувшегося экономического кризиса и интеграции. В то же время деятельность оппозиционной элиты по разработке и реализации политических проектов существенно ограничена уровнем моноцентричности политической системы, степенью подавления альтернативного понимания действительности.

Реализуемые на протяжении длительного времени внутривластные проекты современной России оказались функциональны, прежде всего, как ключевые управленческие механизмы, а также технологии выявления

властных притязаний определенных социальных групп и их ценностных ориентаций. В качестве субъекта разработки и реализации проектных стратегий внешнеполитической направленности Россия надолго «выпала из обоймы», не оценив, а потому легко утратив с трудом завоеванные позиции государства, правопреемником которого стала. На фоне обострения конкуренции национальных и геополитических проектов, очевидно, Россия лишь приступила к оформлению собственного большого проекта.

В целом содержание дискурса проектирования современной российской политики свидетельствует об устойчиво воспроизводимом дисбалансе субъектности и объектности современной России в реализации самостоятельных проектных стратегий.

Дискурс глобального проектирования политики. В глобальном масштабе проектирование и реализация политических проектов являются весьма востребованными практиками стратегического управления политическими процессами. Современная политика нередко интерпретируется как *бесконечная борьба глобальных проектов за мировое господство и мировой порядок*. В глобальном ключе выстраиваются публикации по Гарвардскому, Хьюстонскому проектам, проекту «Глобальный Майдан», Большому проекту Китая, проекту Большой Европы, Исламскому, Американскому и Русскому проектам. Проблемы современного миропорядка связываются с тем, что одни субъекты более успешны в реализации собственных проектов развития, другие же вынуждены довольствоваться ролью пассивных объектов. Глобальные проекты рассматриваются практически как единственные субъекты, способные в современном мире быть «игроками за карточным столом истории», а «мировые силы, представленные в глобальных проектах, все более предпочитают прямому противостоянию лоб в лоб обходные технологии». Безопасность современного мира интерпретируется как производная конкуренции или доминирования

проектов глобального уровня. Стабильность и развитие современного мира анализируются сквозь призму состоятельности глобальных проектов.

Весьма частотные суждения о глобальных проектах исследователи, публицисты, а тем более политики, не сопровождают корректным определением глобального проекта, очевидно считая его содержание чем-то само собой разумеющимся, а в связи с этим, не заслуживающим внимания. Отчасти по этой причине содержание глобальных проектов интерпретируется произвольно, интуитивно, сводится к глобальному заговору, сговору, окружается таинственной завесой, относится к сфере конспирологии, нередко мистифицируется.

Термин «глобальный» означает полный, всеобъемлющий, всеохватный, масштабный. Сочетание терминов «глобальный» и «проект» в смысловой совокупности приводит к тому, что основу глобального проекта должна составлять не просто идея, а значимая, высокая, имеющая отношение к процессам масштабной трансформации – интеграции, модернизации, глобальному переустройству или формированию. Идею, заложенную в основание глобального проекта, порой, характеризуют как «надмирную, выходящую за пределы видимого и ощущаемого пространства», порой, как «продукт «плазменных» энергий человеческого духа, пробуждающегося в ответ на грозные вызовы истории».

Морфология глобального проекта задается теми же параметрами, что и любого другого. Среди параметров – представление субъекта об идеале гео/политического будущего является первостепенным. Субъект проектирования является носителем идеи, вокруг которого оформляется идеологический центр или ядро проекта, формируется круг сторонников. Утвердившись в «опорной» стране, которая является лидером в экономическом и/или военном отношении, глобальный проект может продолжить движение за ее пределы. Государство, становясь центром социальной

харизмы и неформально признанным лидером проекта, способно обеспечить присоединение к проекту все новых и новых участников. Идея, лежащая в основе проекта, задает направленность, структурирует поведение и логику своих последователей, позволяет им чувствовать единство и общность целей.

Ценностно-идеологическое содержание глобального проекта, обладая преобразующим потенциалом, в первую очередь за счет надгосударственной и привлекательной для граждан идеи, оказывает непосредственное влияние на характер и направленность политико-экономических изменений. Далеко не каждая идея может состояться в таком качестве. Наиболее объективным рефери в соревновании идей и ценностей за их значимость является, по сути, только практический опыт как критерий истины.

Не менее важным при определении специфики дискурса проектирования политики является то, что содержание проекта любого масштаба должно быть созвучно ценностям основаниям общества. Лишь в этом случае он будет успешным, лишь в этом случае станет механизмом интеграции, мобилизации, формирования или реформирования государственного или надгосударственного уровня.

Литература:

1. Ежов Д.А. Политическое проектирование как способ разработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 288–299.
2. Клягин С.В. Политическое проектирование как диалог с будущим // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Международной конференции. В 2-х частях. Ч.1. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 30–48.
3. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т.Н. Митрохиной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 183 с.
4. Листратов К.Е. Управление политическими проектами: теория, методология, реальная политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. 2007. № 6. С. 113–116.
5. Митрохина Т.Н. Политический проект как категория политической науки // Вестник СГСЭУ, 2015. № 2. С. 117–123.
6. Митрохина Т.Н. Проектирование политики: объ-

яснительные возможности концепта «политический проект» // Власть. 2015. № 9. С. 39–46.

7. Митрохина Т.Н. Функциональность политических проектов: технологии vs идеологии? // Власть. 2014. № 10. С. 5–13.

8. Панарин А.С. В поисках Большой идеи // Россий-

ская политическая наука: в 5 т. / под общ.ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. Т. 5: 1995–2006. С. 607–614.

9. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. 2008. М.: Издательство «МГИМО-Университет». – 176 с.

КРИЗИСНЫЙ ДИСКУРС

Кризисный дискурс: понятие и структура. Содержательная специфика концепта¹ «кризисный дискурс» оформляется в пространстве смыслового пересечения двух его составляющих – дискурса и кризиса, которые трактуются весьма многозначно. Оставляя за рамками данной статьи дискуссию относительно вариантов наполнения дискурса различным контентом, считаем наиболее приемлемым с точки зрения практического применения его определение как совокупности типичных для определенной социальной группы коммуникативных практик, имеющих вербальное и невербальное выражение. Наиболее информативной является вербальная составляющая. С целью дальнейшей операционализации уточняем понятие «дискурс» и определяем его как пространство речевых практик, интегрированных по единому проблемному основанию и свойственных различным социальным группам. В заданном контексте тексты выступлений как единицы речевых практик становятся источником информации о специфике реально протекающих социальных процессов.

Анализ речевых практик знаковых представителей социальных групп позволяет судить об устойчиво воспроизводимых особенностях окружающего мира. Сопряженность языка и социальной реальности позволяет анализировать окружающий мир посредством анализа дискурсов – оппозиционного, властного, кризисного, конфликтного, парламентского, пре-

зидентского или любого другого. В качестве социальных групп в зависимости от научного интереса могут быть определены правящая или оппозиционная элиты, журналистское сообщество регионального, федерального или международного уровней. В целом – это могут быть любые социальные группы, в той или иной мере причастные к оформлению повестки дня страны в определенном сегменте, анализ дискурсивных практик которых может быть продуктивным. Социально-политическое пространство покрывается различными дискурсами, конкурирующими за то, чтобы наполнить его своим собственным содержанием.

Понимание другой составляющей концепта «кризисный дискурс» – «кризис» также неоднозначно. Определение кризиса как поворотного пункта в развитии чего-либо весьма распространено, однако создает небольшие предпосылки для уяснения сути феномена кризисного дискурса. Чуть более операциональным является определение кризиса как резкого надлома в определенном процессе, который имеет двойственную природу – может привести к ухудшению, а может и к улучшению ситуации. Однако еще более операциональным является, во-первых, понимание кризиса как состояния рассогласованности, снижения эффективности и распада привычных систем и, во-вторых, как состояния системы, при котором правящая элита оказывается неспособной старыми методами справляться с нарастающими угрозами и проблемами.

Результатом смыслового пересечения понятийных полей дискурса и кризиса является кризисный дискурс, определяемый как

¹ Концепт – это кластер идей и интерпретаций, формирующихся вокруг понятия, смысл понятия.

совокупность коммуникативных практик, имеющих вербальный и невербальный характер, интегрированных по такому проблемному основанию, как отношение к кризисным явлениям и характерных для определенного социального сообщества. Проявления кризиса находят наиболее полное отражение в выступлениях представителей официальной власти и лидеров политической оппозиции, которые по-разному определяют происходящее в стране. Характер и причины кризиса, направленность преобразований в стране, стратегические и тактические просчеты наиболее полно отражены в публичных выступлениях. В этой связи наиболее значимыми социальными группами для анализа являются властная и оппозиционная элиты. Кризисная проблематика занимает важное место в дискурсе этих социальных групп. К тому же их речевые практики относительно доступны анализу, поскольку в большинстве своем имеют публичный характер.

Внутри любого дискурса существует определенный порядок. Кризисный дискурс не исключение. Порядок кризисного дискурса оформляется фиксацией значений и смыслов вокруг узловых точек дискурсивности. Точками, вокруг которых социальные сообщества организуют кризисный дискурс и ведут борьбу за наполнение определенным содержанием, являются признание факта кризиса, оценка его глубины и сущности, анализ причин кризисных явлений, направленность и эффективность антикризисных мер, определение виновников неудачных преобразований и кризисных явлений в стране, оценка эффективности и качества функционирования управленческих структур в процессе преодоления кризисных явлений, роли государственного управления, оценка и прогнозирование последствий кризиса, направленность дальнейшего развития и модернизации страны.

По этим же направлениям прослеживается динамика кризисного дискурса, конкурирующее содержание дискурсивных значений и борьба между ними. Анализ кри-

зисного дискурса по любому проблемному основанию, оформленного как властным, так и оппозиционным полями, дает возможность выявить динамику в отношениях социальных сообществ, тенденции и закономерности развития, оценить эффективность проводимого политического курса, определить уровень подавления альтернативного понимания окружающего мира.

Кризисный дискурс в современной России. Политическая реальность в современной России позиционирована в нескольких конфликтующих, конкурирующих и сосуществующих дискурсах. Наибольший интерес представляет кризисный дискурс правящей элиты и системной оппозиции. Изучение кризисного дискурса, имеющего морально-нравственные, религиозные или этнические основания, сохраняет актуальность в любом контексте. Однако более продуктивным является анализ ситуации сквозь призму кризисного дискурса, имеющего в качестве основания экономические проблемы, с особым акцентом на периоды наибольшего обострения в 1998, 2008, 2014 годах.

Богатая практика кризисных явлений в стране предоставляет возможность организовать нестандартный ракурс анализа социально-политических процессов в современной России. Мир политики в целом – это дискурсивная конструкция, характеризующаяся наличием борьбы официального и оппозиционного дискурсов, в том числе по проблеме кризисных явлений, сопровождающих развитие российского государства и общества. Конфликт и борьба за власть пронизывают все сферы политического мира. Они могут не находить выхода в форме физического насилия или столкновения, но на уровне дискурсов проявляются всегда. Политика вплетается в дискурсивные практики и рассматривается как сфера борьбы между определенными дискурсами. Политические субъекты помещаются в определенные позиции благодаря различным способам самопозиционирования, поэтому в социуме всегда сосуществуют несколько

конфликтующих дискурсов, стремящихся к организации одного и того же социально-политического пространства.

Исследование кризисного дискурса власти и оппозиции позволяет выявить соотношение сил в обществе, порой диаметрально противоположные политические позиции по поводу стратегии развития страны. Анализ кризисного дискурса власти и оппозиции позволяет воссоздавать лежащие в их основании процессы, в силу того что социально-политические явления организованы по тому же принципу, что и дискурсы.

Особую актуальность приобретает изучение возможностей управления дискурсами и смысловыми полями, которые они создают целенаправленно или стихийно в процессе разработки стратегий избирательных и информационных кампаний, прогнозирования и формирования общественного мнения, манипулирования общественным сознанием. Изучение дискурсивных практик способно обеспечить принципиально новый уровень социально-политической инженерии.

Кризисный дискурс правящей элиты.

Анализ речевых практик знаковых представителей правящей элиты позволяет говорить об устойчиво воспроизводимых особенностях кризисного дискурса правящей элиты. Важными точками дискурсивности являются осознание и публичное признание или непризнание властью экономического кризиса, его глубины и причин. Доминируют презентации кризиса как глобального явления, имеющего внешнее происхождение, как явления, виновниками которого являются США и в целом западные страны, экономические и политические санкции. Нередко причиной кризиса представляется советское наследие. Гораздо реже в качестве причины кризисных явлений обсуждаются проблемы неэффективного и непрофессионального управления. В целом публичные выступления существенно дифференцированы по ситуациям в зависимости от аудитории, на которую выступление рассчитано. Если это российские граждане, то поли-

тик стремится ободрить и успокоить граждан, демонстрирует оптимизм и заверяет в том, что ситуация находится под контролем. Если это профессионалы-управленцы, от которых зависит ситуация в стране, то разговор строится более откровенно, конкретно, жестко и гораздо ближе к реальной ситуации. Определенную специфику имеют выступления на международных форумах, где представители власти более сдержаны в оценках внешнего происхождения кризисных явлений. В целом же оптимизм заметно нарастает по мере приближения к выборам любого уровня – регионального или федерального, представительного органа власти или главы государства. И существенно уменьшается сразу после них.

Кризисный дискурс системной оппозиции в современной России. Для кризисного дискурса системной оппозиции в современной России характерно признание наличия кризиса затяжного и тяжелого, вплоть до катастрофического состояния. Кризисные явления коренятся в 1990-х годах, запрограммированы на уровне экономической модели, далекой от инноваций, и не прекращаются по сей день. Кризис порождается экономической моделью сырьевой направленности. Фактор мирового кризиса ничего принципиально не меняет в системе базовых целей и задач социально-экономического развития современной России. Оппозиционеры гораздо чаще увязывают состояние экономики с качеством политической системы и эффективностью управления, с отсутствием конкуренции и в экономике, и в политике, с высоким уровнем коррупции, поразившей в первую очередь органы государственной власти. Нередко обсуждается проблема отсутствия профессионалов, кадрового голода. Оппозиция критически оценивает подбор и расстановку кадров в органах государственной власти, в связи с чем и антикризисные меры характеризуются как неэффективные, но вполне осознанные.

Кризисный дискурс оппозиции, первоначально и на поверхности имеющий отношение к оценке экономических явлений,

при более детальном анализе иллюстрирует кризисность ситуации в политической сфере, а именно: низкое качество и эффективность государственного управления, недостаток профессиональных управленческих кадров, коррумпированность органов государственной власти, отсутствие конкурентной среды не только в экономике, но и в политике, а затем лишь в экономике.

Одна из специфических особенностей кризисного дискурса и власти, и оппозиции в современной России состоит в том, что экономический кризис используется конъюнктурно, как средство борьбы за власть. В зависимости от ситуации кризис то обостряется, то затихает, то он побежден вовсе или надвигается еще более мощная, чем предыдущая, волна.

Литература:

1. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
2. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т.Н. Митрохиной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 183 с.
3. Митрохина Т.Н. Динамика кризисного дискурса правящей элиты (по материалам официальных выступлений Председателя Правительства РФ 2008–2011 гг.) // Вестник Пермского государственного университета. Сер. Политология. 2012. № 3. С. 87–94.
4. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. М.: Научный эксперт, 2012. – 632 с.
5. Тён А. ванн Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

Тищенко Н.В.

ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС

Властный дискурс – тип дискурса, который посредством высказывания или иных коммуникативных актов устанавливает иерархические отношения. Ряд авторов полагает, что всякое коммуникативное действие, порождающее отношения подчинения/управления является властным дискурсом («любое высказывание, устанавливающее властные отношения, есть властный дискурс» Л.А. Чувашов); другие же предполагают, что для формирования властного дискурса необходимо наличие целого ряда показателей, таких как идеология с характерной знаково-символической системой, институциональная система принуждения и т.д. («дискурс власти – это процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий, порождаемых системой специальных знаково-оповещений «языка» власти» В. Согомонян).

Э. Лакло, Ш. Муфф, Т. ван Дейк интерпретируют властную функцию как основополагающую для любого дискурса, поэтому понятие «властный дискурс» для них тавтологично, т.к. никаким иным, кроме как «властным», дискурс в силу своих основных характеристик не может быть. Поэтому дискурсы условно можно классифицировать на официальные, т.е. те, чьи типы высказываний прошли через процедуры легитимации, и на неофициальные – дискурсы, чьи способы высказываний не поддерживаются легализованными социальными практиками (государственными структурами, системой образования, например). Способ взаимодействия между официальными и неофициальными дискурсами определяется как «борьба дискурсов», которая подразумевает перманентное стремление дискурсов доказать превосходство собственной системы высказывания

над остальными дискурсивными практиками. «Борьба дискурсов» осуществляется посредством социальных групп, в чью задачу входит «продвижение определенного типа реальности, выгодного для конкретной группы» (Т.А. ван Дейк). Но есть авторы, для которых властная составляющая дискурса неочевидна и непринципиальна (Феркло), а главным объектом внимания является способность различных дискурсов создавать общее пространство смыслов, в данном контексте исследуется не конкретный дискурс, а целая группа дискурсов, формирующих различные тексты – интертекстуальность.

Предтечей определений властного дискурса можно считать работы М. Фуко, Р. Барта и Ж. Лакана, которые основу властного дискурса видели в принуждении к использованию соответствующих моделей интерпретации и репрезентации. Различия в интерпретациях властного дискурса у этих авторов касаются механизмов принуждения. Так М. Фуко распространение дискурсов связывал с формированием различных типов знания (истина/не истина), Р. Барт – с системой визуальных образов, а Ж. Лакан – с коммуникативными практиками.

В исследовательской литературе властный дискурс зачастую совпадает с политическим измерением. Авторы, несмотря на различие теоретических и методологических подходов, трактуют властный дискурс как прерогативу государственной власти. В результате, в зависимости от специфики господствующей политической системы и государственного устройства, можно выделить следующие варианты властного дискурса в политическом измерении:

- демократический дискурс (максимальное сближение высказываний политических фигур с типом высказываний, характерных для электората, вариативность высказываний (Р.Д. Андерсон));

- либеральный дискурс (идея свободы как основополагающий принцип любого политического решения);

- авторитарный дискурс («кастовый» характер политической элиты, патерналистское отношение к населению, наделение власти положительными признаками – идеал справедливости, идеал ответственности и пр.);

- социалистический дискурс (максимальный уровень социальной ответственности политической власти).

Это наиболее употребляемые типы политического дискурса, хотя, конечно, только перечисленными вариантами властного дискурса политическое измерение не ограничивается.

Однако сведение властного дискурса исключительно к политическому измерению неправомерно, т.к. понятие «власть» в контексте постструктуралистской концепции (а понятие «дискурс» и методики его исследования, несомненно, являются частью постструктуралистской теории) является одним из фундаментальных и общих понятий. Власть интерпретируется не через систему институтов и практик, а как основополагающий культурообразующий принцип. Поэтому отдельные как отечественные, так и зарубежные исследователи интерпретируют властный дискурс в различных контекстах. Так, в рамках экономического измерения в качестве властного может выступать рыночный дискурс, которому противопоставляется административно-хозяйственный (плановый) дискурс.

Социальное измерение властного дискурса крайне многообразно, но это многообразие вызвано не столько исследовательским интересом, сколько вариативностью повседневных практик. Можно выделить следующие аспекты социального измерения властного дискурса:

- гендерный аспект – несмотря на многочисленные «волны» феминистских и сексуальных революций, властный дискурс до сих пор интерпретируется как маскулинный (реже патриархальный), хотя европейские дискурсивные практики стремятся

нивелировать проявления маскулинности и продемонстрировать гендерную нейтральность;

- возрастной аспект – специфика властного дискурса зависит от сферы формирования; так масс-медийная сфера характеризуется главенством ювенального и молодежного дискурсов, геронтологический дискурс доминирует в тех сферах, где большое значение имеют традиционализм и ритуализм;

- профессиональный аспект – современное общество все больше и больше тяготеет к профессионализации повседневных практик, к тому, что Э. Гидденс называл «экспертным обществом»; поэтому еще одним распространенным способом актуализации для властного дискурса становится экспертный дискурс; функционирование экспертного дискурса можно наблюдать и в рамках политического измерения («правительство профессионалов», «технократическое правительство»), и в экономическом измерении (рост объема консалтинговых услуг), и на уровне повседневной жизни, где семейные отношения, межличностные коммуникации, организация досуга и т. д. так же с необходимостью соотносятся с экспертными оценками.

Еще одним принципиальным использованием властного дискурса является эпистемологическое измерение. Система формирования знания и его трансляции может интерпретироваться как продукт властного дискурса (М. Фуко), так и источник властного дискурса (К. Поппер). Но в любом случае связь системы знаний и власти неоспорима, любой политический режим старается сформировать свою идеологическую научную дисциплину, использующую свои критерии научности и истинности: например, «научный коммунизм» в СССР, «Рухнама» в Туркменистане или «менеджмент» в демократических государствах. Политическая власть, пусть и опосредованно, стремится

контролировать сферы получения и передачи знания – образование и науку.

Литература:

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.
3. Гайда, А. В., Китаев, В. В. Властный дискурс российского общества: от демократии к сильному государству // Дискурс-Пи. – Выпуск № 1. Том 1. – 2001. – С. 21–23.
4. Дейк Т. А. ван, Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. – № 3. – 2002. – С. 7–19.
6. Лакан, Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного. М.: Изд-во «Гнозис». – 2002. – 608 с.
7. Поппер, К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.; 528 с.
8. Русакова О. Ф., Спасский А. Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – С. 128–140.
9. Скиперских, А. В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 8. Том 4. – 2007. С. 136–144.
10. Согомонян В. Что такое дискурс власти? // 21 век. – № 1 (21). – 2012. – С. 34–51.
11. Черепанова, С. А. Философия образования: стратегически-ценностные концепты и дискурс власти // Future Human Image. – Выпуск № 1. – 2014. – С. 45–61.
12. Чернявская В. Е., Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учебное пособие. – М.: Наука, Флинта, 2006. – 136 с.
13. Чувашов, Л. А. Дискурсивные практики государственной власти // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – № 30 (245). Вып. – 2011. – С. 75–80.
14. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр., общ. ред. Б. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
15. Anderson R.D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm>.
16. Fairclough, N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: die universities / N. Fairclough // Discourse and Society. – 1993. – № 4 (2). P. 133–168.
17. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 2001. – 197 p.

ЮБИЛЕЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 16.03.2016 Г.

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

16 марта 2016 г. состоялось заседание членов МАДИ и научно-образовательной общественности г. Екатеринбурга, посвященное 15-летию научного журнала «Дискурс-Пи» (2001–2015). Заседание открыла Президент Международной академии дискурс-исследований, доктор политических наук, профессор О. Ф. Русакова, которая предложила почтить память наших коллег, недавно ушедших от нас – профессоров Ю. И. Мирошникова, Ю. К. Саранчина, М. А. Фадеичевой, Д. В. Пивоварова, С. З. Гончарова.

Затем директор Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент РАН, профессор В. Н. Руденко выступил с кратким приветствием к присутствующим и указал основные этапы развития научного журнала «Дискурс-Пи», который прошел путь от ежегодного альманаха до официально зарегистрированного научного журнала, включенного в электронные базы РИНЦ и Киберленинка, в каталог подписных изданий Роспечати, имеет свой сайт, широкий круг авторов и читателей.

В адрес редколлегии пришли поздравления от Президиума Российского философского общества (РФО), Правления Российской ассоциации политических наук (РАПН), Крымского отделения РФО (Симферополь), Екатеринбургского отделения РАПН. С при-

ветствием и поздравлениями журналу перед собравшимися выступили профессор В. Г. Богомяков (Тюмень, ТюмГУ), профессор С. Н. Некрасов (Екатеринбург, УрГАУ), профессор Д. Л. Стровский (Екатеринбург, УрФУ), профессор Б. В. Емельянов (Екатеринбург, УрФУ), профессор Б. В. Орлов (Екатеринбург, УрФУ), В. И. Попов (Центр Ельцина, Екатеринбург), профессор В. О. Лобовиков (ИФиП УрО РАН, Екатеринбург)

Заседание МАДИ было приурочено к выходу юбилейного выпуска научного журнала «Дискурс-Пи» (№ 3-4, 2015), экземпляры которого были вручены присутствовавшим авторам.

Выступавшие отмечали отзывчивость журнала на актуальные проблемы современности, постоянную нацеленность на поиск адекватного методологического инструментария исследования, нетривиальность предлагаемых подходов рассмотрения самого широкого круга вопросов современности. Подчеркивалось важное достоинство журнала – как своеобразного центра творческого взаимодействия самого широкого круга исследователей и специалистов России (более 20 городов!), стран ближнего и дальнего зарубежья. Журнал постоянно выступал инициатором и организатором новых форм творческого сотрудничества – международные конференции «Дискурсология:

Теория. Методология. Практика», научно-практические конференции «Дискурс травелога», проект «Энциклопедия «Дискурсология». Подчеркивалось, что в журнале всегда широко представлено творчество молодых ученых, аспирантов и магистрантов, успешно делающих научную карьеру.

Отдельно выступавшие отмечали оригинальный дизайн журнала, отчетливо

выделяющий его на фоне другой научной периодики. Не обошли своим вниманием выступавшие и наличие определенных проблем, высказав ряд конструктивных предложений, направленных на развитие и упрочение творческого потенциала научного журнала.

Затем, по сложившейся традиции, присутствующие перешли к неформальному дружескому общению.

Юбилейное заседание. Центр Б. Ельцина, Екатеринбург, 16.03.2016 г.

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТИЛИСТИКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА» И СОЗДАНИЕ ЯЛТИНСКОГО ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКОГО КРУЖКА

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ),
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Синельникова Лара Николаевна,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте,
профессор кафедры русской, украинской филологии и методик преподавания,
Ялта, Россия,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

28–30 апреля 2016 г. в г. Москве в МГУ на факультете журналистики прошла IV Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра». В рамках преконференции состоялось заседание круглого стола деканов на тему «Речь журналистов электронных СМИ», в качестве модератора которого выступил Третьяков Виталий Товиевич, декан Высшей школы телевидения МГУ. Основными темами дискуссии были: Культура речи телевизионных журналистов; Русский риторический идеал и его воплощение в речи телевизионных журналистов; Влияние электронных СМИ на языковое сознание аудитории и на ее речевое поведение и др. В дискуссии приняли участие: *Беглова Е. И.*, доктор филологических наук, профессор кафедры

массовых коммуникаций Нижегородской академии МВД России; *Богданович Г. А.*, доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, заведующий кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики Крымского федерального университета (г. Симферополь); *Иванова М. В.*, доктор филологических наук, профессор, декан очного факультета Литературного института имени А. М. Горького (г. Москва); *Коньков В. И.*, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» при Санкт-Петербургском государственном университете; *Нестерова Н. Г.*, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана

филологического факультета по обучению иностранных граждан, доцент кафедры русского языка ТГУ (г. Томск); *Скворцов Я. Л.*, декан факультета Международной журналистики МГИМО (г. Москва); *Русакова О. Ф.*, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург); *Синельникова Л. Н.*, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Ялта) и др.

Участники дискуссии отметили, что не стоит драматизировать процесс размывания нормативного русского языка в современной журналистике, хотя необходимо специально обучать будущих журналистов правильной публичной речи, а также этическим нормам коммуникации. Представители СМИ сегодня испытывают трудности не только с правильным словоупотреблением, но и со способами интерпретации фактов и событий. Это в первую очередь касается политической журналистики. Не существует TV журналистики вне политической этики и политической идеологии.

В первый и заключительный дни работы конференции состоялись учредительные заседания **Ялтинского дискурсологического кружка (ЯДК)**, председателем которого стала *Синельникова Лара Николаевна* (г. Ялта), а сопредседателями – *Клушина Наталья Ивановна*, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики МГУ (г. Москва), *Селезнева Лариса Васильевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы лингвистического факультета Российского государственного социального университета (г. Москва) и *Русакова Ольга Фредовна* (г. Екатеринбург).

Учредителями ЯДК являются:

- Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте,
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Стилистическая комиссия МКС кафедры стилистики русского языка факультета журналистики),
- Российский государственный социальный университет, кафедра русского языка и литературы (Москва),
- Международная академия дискурсисследований (МАДИ),
- Белгородский национальный исследовательский университет (кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью),
- Орловский государственный университет искусств и культуры (кафедра иностранных языков),
- Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко (кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий).

Далее публикуется текст Манифеста ЯДК, утвержденный 30 апреля 2016 г.

Ялтинский дискурсологический кружок. Манифест

О замысле. Ялтинский дискурсологический кружок (ЯДК) – гуманитарный сетевой проект, предполагающий плодотворное содружество, заинтересованный и открытый научный диалог его участников. Формат совместных действий мы обозначили словом «кружок» – круг людей по интересам, дружеское сообщество, объединённое заботой о значимых проблемах. В выборе номинации обозначена рецептивная связь декларируемого замысла с Пражским лингвистическим кружком (1926–1953 годы),

идеи которого (в том числе представление о языке как функциональной системе, обладающей целевой направленностью) получили мощное развитие. Эффекты аттракции, проявленные в небольшой группе ответственных, профессионально состоятельных и увлечённых проблемой людей, могут оказаться значимыми для широкого круга исследователей, в том числе в научной перспективе.

ЯДК консолидируется темой «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания», в формулировке которой обозначены два взаимосвязанных аспекта – теоретический (методологический) и практический (прикладной). Первый ориентирует на интегративные действия исследователей по выработке методологии дискурс-анализа с учётом а) парадигмальных отношений между стилем, текстом и дискурсом, б) современных коммуникативных практик, конфигурация которых «размывает» границы стиля, формирует новые признаки и категории текста, заставляет подчиняться правилам и нормам когнитивно-дискурсивной среды – процессам реального речепроизводства. Второй предполагает внимание к проблемам междисциплинарности, их реализации в исследовательском пространстве и в учебно-образовательном процессе (в первую очередь в программах учебных курсов «речевого» направления – стилистики, риторики, лингвистического анализа текста, дискурсологии).

Об основных принципах. Сохранение личного исследовательского пространства считаем одним из принципов научной деонтологии. Но заявленная совместность предполагает внимание к общему проблемному полю и проблемной ситуации, связанной со сложной траекторией отношений между стилем, текстом и дискурсом. Показ интерпретирующей силы дискурса невозможен без обращения к рядоположенным феноменам – стилю и тексту, отношения между которыми постоянно обновляются

под влиянием когнитивной движущей силы, действующей как под влиянием языковой системы, так и испытывающей воздействие извне. Не отвергая установки на преемственность традиций, считаем необходимым реализовать корректные формы перехода к приращению знаний через расширение пространства наблюдений за современными коммуникативными процессами, апробацию новых исследовательских подходов и методов.

О намерениях. Признавая междисциплинарность ведущим концептом современного гуманитарного знания, участники ЯДК считают важным определить резервы и возможности для преодоления методологических «нестыковок», проявленных в терминологической несогласованности, в нарушении баланса между традиционными и новаторскими подходами к стилю, тексту, дискурсу. Для современного положения вещей особо значим вопрос о «линии соприкосновения» сущностных (дефинитивных) признаков стиля, текста, дискурса, принципов и аргументов их совместного существования в исследовательском пространстве и в учебно-образовательном процессе. В условиях далеко не всегда оправданной методологической гетерогенности увеличение объёма опубликованных материалов не способствует уменьшению количества бесспорных фактов в области стилистики, текстологии и дискурсологии. «Информационный шум» так же опасен в науке, как и в других областях социально (и гуманитарно) ориентированной деятельности. Очевидна необходимость совместного апробирования интеграционных моделей как сугубо научного, так и образовательно-учебного действия.

О персоналиях. ЯДК представлен видными учёными, дисциплинарные интересы которых связаны с разными направлениями гуманитарного знания: филологией (в таких её ответвлениях, как стилистика, риторика, теория текста и практика его анализа),

философией, политологией, социологией и дискурсологией. Профессиональная папсортизация большинства участников ЯДК основывается на реальной, проявленной во множестве публикаций, междисциплинарности.

О внедрении инноваций. Увидеть проблему комплексно – значит обеспечить качественный уровень образования. Всё более очевидной становится недостаточность знаний одной дисциплины, искусственно изолируемой от дисциплин, соположенных по предмету и объекту исследования. Если меняются стандарты академической науки, должны меняться и образовательные стандарты. Новые технологии в образовании – это новые образовательные модули, основанные на междисциплинарности. Есть основания для синхронизации образовательных стратегий через выявление общего интегративного поля естественным образом «проникающих» друг в друга учебных курсов – стилистики, риторики, текстологии, дискурсологии. Постепенно нужно идти по пути трансформации полидисциплинарности в междисциплинарность, а в перспективе – к конвергентности (соединения, сходимости) как основе для целостного гуманитарного знания, обеспечивающего качественный уровень образования. Дискурсология, как представляется, способна обеспечить такой переход, обозначить «точки роста» (расширения и углубления) знания о языке и обществе. Системообразующие признаки стиля и текста – основа для выявления лингвистических составляющих дискурса.

Виды деятельности. Проведение заседаний ЯДК (не менее двух раз в год); организация видеоконференций, диспутов, совместные публикации, подготовка коллективных монографий и учебных пособий.

Промессив (обещание и надежда). Сохранить высокий уровень дискуссионно-

сти по проблемам развития гуманитарного знания и его влияния на образовательный процесс и общество в целом. Усилить внимание ко всей фактуре речи, обилию новых речевых практик, что в комплексе должно стать предметом как исследовательского интереса, так и необходимых обществу просветительских действий. Если попытаться всё объяснить, можно всё испортить. При всей странности этого суждения есть основание отнести его посыл к языковой и концептуальной картина мира. Но если не пытаться, можно потерять чувство реальности и перспектив и тоже всё испортить. Будем продолжать заниматься текстом во всех его аспектах, думать и заботиться о стиле, но в конечном итоге только дискурс откроет возможность перехода на новый концептуальный уровень, имя которому – конвергентность.

Печатным изданием, публикующим научную продукцию ЯДК, был объявлен научный журнал «Дискурс-Пи».

Для заметок

Lined area for notes with horizontal dotted lines.

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни
Научный журнал

ФИЛОСОФИЯ — ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА — POLITICAL SCIENCE — ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ — PAST & PRESENT — ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ — PUBLIC RELATIONS — СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
ФИЛОЛОГИЯ — PHILOLOGY — ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★НИ

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 или RTF.

2) Первая (титовая) страница должна содержать (на русском и английском языках):

- название статьи;
- фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания;
- контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
- аннотацию (до 300 печатных знаков);
- ключевые слова.

3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).

4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.

5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию и подрисночные подписи). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат бумаги – А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.

6) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.

7) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.

8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.

9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисночными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.

10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9; 15]). За точность библиографии несет ответственность автор.

Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.